

Н. В. БИКБУЛАТОВ

БАШКИРСКАЯ
СИСТЕМА
РОДСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Копия, срок выдачи

21/12/68
10/12 68

63 5/20 68
B 60
902.4

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
БАШКИРСКИЙ ФИЛИАЛ

Институт истории, языка и литературы

Н. В. БИКБУЛАТОВ

БАШКИРСКАЯ
СИСТЕМА
РОДСТВА

1979

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1981

В монографии рассматривается современная башкирская система родства, выявляются архаические и поздние пласты, ее эволюция в связи с изменениями в социальной организации башкир, приводятся терминологии и ее связь с социальной организацией башкир, системой личных имен, словесными титулами, семейно-брачными отношениями в прошлом. На основе сопоставления системы родства башкир с системой родства других народов делаются выводы по этногенезу, этнической истории башкирского народа.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Р. Г. КУЗНЕВ

32259
26
19

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга посвящена изучению системы родства башкир. Исследование ее у любого народа охватывает важную область этнографических поисков. Система родства башкир, по мнению автора, представляет большой научный интерес не только в плане истории социальной организации, развития и смены форм брака и семьи у самих башкир: она может, помимо всего этого, пролить свет на социальную и этнокультурную историю некоторых народов Восточной Европы и Азии.

Расселенные на границе Азии и Европы, горно-лесной полосы и степи, башкиры в своих культурно-бытовых традициях сохранили заметные следы исторических контактов и бывшего генетического родства с кочевыми и полукочевыми в прошлом скотоводческими народами Средней Азии, Северного Кавказа, Казахстана и Юго-Западной Сибири. В материальной культуре башкир, в их хозяйственных навыках и бытовых обычаях прослеживаются также элементы, сближающие их с коренным населением таежной полосы Сибири.

С середины XVI в., со времени присоединения к Московскому государству, башкиры были вовлечены также в орбиту социально-экономических, военно-политических и культурно-этнических процессов, происходивших в России. Это и предопределило интенсивность этноисторического и культурно-языкового взаимодействия башкир с русским народом, тюркским и финно-угорским населением Поволжья и Приуралья. Многосторонние и разновременные исторические связи башкир с различными народами нашли отражение в материальной культуре и художественно-прикладном искусстве, в традициях устно-поэтического творчества, народной хореографии, в музыкальном фольклоре, диалектной системе языка и т. д.

Многослойностью отличаются система родства башкир и отражаемые ею социально-бытовые, главным образом семейно-брачные, отношения. Диалектные изоглоссы в терминологии, изопрагмы в структурных принципах системы, возможно, на многие века законсервировали и донесли до наших дней следы различных состояний развития социальных институтов, сложного взаимоотношения башкирских родов и племен с этническими, военно-политическими и социально-политическими образованиями древности и эпохи средневековья. Эволюция системы родства за последние три-четыре столетия, изменения, которые происходят в ней в нашу эпоху, выявляют общие закономерности в развитии систем родства в их конкретном преломлении и в зависимости от определенных исторических условий.

В книге рассматривается современная башкирская система родства. В то же время сделана попытка, насколько позволяли имеющиеся источники и выработанные научной методикой, реконструировать основные черты древней модели системы, выяснить ее связи с системами других этнических общностей современности и прошлых эпох, определить ее место в существующих исторических типологиях. Как и в любом историко-этнографическом исследовании, большое внимание уделено социально-историческим факторам, обусловившим особенности системы родства, направлению ее эволюции. Предварительные результаты работы и отдельные ее аспекты были доложены на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве (1964 г.), на научной сессии Отделения истории АН СССР по этногенезу башкир в Уфе (1969 г.), Первом Поволжско-Уральском археолого-этнографическом совещании в Казани (1974 г.), на II и III Всесоюзных Тюркологических конференциях в Аджо-Ате (1976 г.) и Ташкенте (1980 г.), на Всесоюзной научной сессии по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976–1977 гг. в Ереване (1978 г.). Автор выражает признательность всем, кто принимал участие в обсуждении докладов и рецензировании рукописи.

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКИ. ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В этнографической литературе под системой родства обычно подразумевается совокупность терминов, применяющихся для обозначения родственных отношений [Крюкова, 1972, с. 3; Семенов, 1974, с. 16–19]. Такое определение ставит знак равенства между системой и терминологией родства; оно было бы правомерно, если бы у всех народов и во все времена существовали одинаковые понятия родства и если бы те же принципы группировки и различения родственников. Тогда вся проблема заключалась бы в том, какими словами обозначаются эти общие для всех народов родственные отношения, и так называемые системы родства различались бы между собой лишь терминологически.

Многочисленный этнографический материал свидетельствует, что родство в социальном понимании, а не в биологическом — явление историческое и, более того, историко-этническое: категории родства, принятые у одних народов, совершенно игнорируются другими или существовавшие в одну историческую эпоху забываются и исчезают в другую. Каждый народ характеризуется определенным набором принятых в обиходе и обозначаемых особыми наименованиями родственных отношений. Совокупность этих явлений, организованных в целостную структуру, и образует систему родства.

Поскольку каждое родственное отношение, различаемое тем или иным народом, имеет свое название, между системой и терминологией родства существует некоторое соответствие. В этом плане эти понятия употребляются и как синонимы. Однако понятие «терминология» или «номенклатура» родства отражает главным образом лингвистический аспект проблемы, в то время как исследователей, занимающихся изучением социальных институтов — этнографов, историков, философов, юристов, интересуют в первую очередь те принципы ранжирования и группировки родственников (компоненты системы), которые образуют структуру родственных отношений и вместе с ними составляют содержание системы родства.

Термины родства применяются в речевом обиходе для обращения одного лица к другому или для обозначения в разговоре какого-либо третьего лица. В этом близость родственных терминов с личными именами и социальной титулатурой. Но в отличие от них термины родства выражают специфические отношения одного человека к другим, и относительно к конкретному

лицу каждый раз применяются разные термины в зависимости от того, кто к нему обращается или называет его в беседе с другим. Поэтому в центре структуры родственных отношений, отраженных в терминологии родства, всегда находится одно условное лицо — «говорящий», «эго» — и любая система родства может быть рассмотрена лишь с точки зрения эго.

Система родства отражает реальные отношения в обществе и семейно-родственном коллективе, она определяет статус индивидуума среди множества других людей, связанных с ним определенными узлами родства, свойства, иногда и другими факторами, его отношение к ним и других к нему. Это делает систему родства ценнейшим источником для изучения форм социальной организации и функционирования социальных институтов в прошлом эпохи. По мере проникновения в более отдаленные периоды истории значение этого источника постепенно возрастает, поскольку в терминах как своеобразной и довольно консервативной части лексики, в их морфологической структуре, а также в самих принципах классификации родственников нередко надолго сохраняются реликты былой организации и исчезнувших семейно-брачных отношений.

Начало научному изучению систем родства было положено более ста лет назад выдающимся американским этнографом Л. Г. Морганом [Морган, 1871; 1877; 1934]. На огромном материале, собранном в разных частях земли, он впервые выработал типологию систем родства и обосновал мысль об их исторической обусловленности. Разработанная им схема эволюции семьи и брака, являвшаяся в своей начальной части одновременно схемой развития всего общества, в значительной степени была основана на типологии систем родства. При этом Морган исходил из положения, что системы родства — являющиеся более консервативные, чем породившие их семейно-брачные отношения, и обычно, не соответствуя существующему типу семьи, отражают исчезнувшие брачные нормы и семейно-родственные отношения.

Все существующие системы родства Морган разделил на *классификационные* (в двух вариантах — малайский и турано-ганованский), распространенные среди коренного населения Северной Америки, островов Океании и значительной части Азии, и *описательные*, характерные для арийских, семитских и уральских народов. К классификационным он отнес системы, в которых такие понятия, как «отец», «мать», «сын», «дочь», означают не только собственного отца, мать или детей говорящего, а распространяются на целый класс лиц из поколения родителей или детей соответственно. Эту особенность классификационных систем, никак не совместимую с индивидуальной семьей, он связал с родовой организацией и групповым браком.

Наиболее архаической Морган считал гавайскую систему, представляющую классическую форму малайского типа. Она не знает деления родства на прямую и боковые линии и всех родственников группирует в пять классов (категорий), в основном

совпадающих с поколениями. Верхнюю категорию составляют представители поколения дедов и бабок и обозначаются они одним термином с добавлением слова «мужчина» или «женщина» в зависимости от пола. Родители, их братья и сестры любых степеней представляют вторую категорию, братья и сестры говорящего (эго) — третью, дети эго и все, кто относится к первому нисходящему поколению, — четвертую, потомство четвертой категории — пятую. Эго делит людей своего поколения и одного пола с ним на старших и младших, т. е. мужчина различает старших и младших «братьев», женщина — старших и младших «сестер».

Классическим примером турано-ганованских систем является система родства ирокезов (Северная Америка). В ней также применяются термины классификационного характера: одинаковыми терминами обозначаются отец и его братья (родные и коллатеральные), мать и ее сестры, собственные дети эго и дети братьев или сестер и т. д. Но в отличие от гавайской в ирокезской системе братья матери называются иначе, чем братья отца, также по-разному именуются сестры отца и матери, дети сестры и дети брата. Таким образом, главную особенность турано-ганованских систем составляет слитность прямой и боковых линий родства при разграничении отцовской и материнской линий, а также потомства сиблингов противоположного пола в нисходящих поколениях. Как правило, термины свойства (для обозначения родни мужа или жены) перекрыты терминами родства.

Отличительная особенность описательных систем — четкое выделение прямой линии родства, обозначение особыми терминами каждого из родителей, сыновей и дочерей, внуков и внучек, объединение между собой боковых линий родства и наличие терминов для дядьев и теток, племянников и племянниц, а в ряде случаев — кузенов и кузин.

Гавайскую систему Морган выводил из гипотетически построенной им кровнородственной семьи, в которой все люди одного поколения одновременно приходится друг другу братьями и сестрами, мужьями и женами, имеют общих предков и общее потомство. Турано-ганованские системы, по мнению Моргана, выросли из гавайских в условиях родового общества с его экзогамией и групповым браком в форме пуналуа. Из семьи пуналуа, в которой несколько сестер состоит в браке с мужьями каждой из них и несколько братьев — с женами каждого, выделялась парная семья. В период перехода от парной семьи к моногамной у многих народов возникла патриархальная семья, которая, по мнению Моргана, как и парная семья, особой системы родства не создала. Лишь пятый тип семьи (по схеме Моргана, моногамный) обусловил возникновение особого типа систем родства — описательного, который не имеет генетической преэминентности с турано-ганованской.

Как известно, классики марксизма высоко оценили труд Моргана. В работе «Происхождение семьи, частной собственности и

государства» Ф. Энгельс в основном принял схему развития семьи и брака, выдвинутую Морганом [*Маркс К., Энгельс Ф.*, т. 21, с. 23—178]. Но уже в предисловии к четвертому изданию своей книги, спустя 14 лет после появления в свет «Древнего общества» Моргана, Ф. Энгельс писал, что в результате новейших исследований некоторые отдельные гипотезы его оказались или поколебленными, или даже опровергнутыми [*Маркс К., Энгельс Ф.*, т. 22, с. 225]. В дополнениях к тексту книги, сделанных в 1891 г., в частности, он отмечал, что, рассматривая семью пуналуа «как ступень развития, которая необходимо предшествовала парному браку» и обусловила возникновение протокосмической системы родства, «Морган... зашел слишком далеко» [*Маркс К., Энгельс Ф.*, т. 21, с. 47]. При этом Энгельс указывал, что, кроме пуналуа, со времен Моргана стал известен целый ряд других форм группового брака. Энгельс допускал также возможность перехода от промискуитета непосредственно к экзогамным австралийским брачным классам, минуя стадию кровнородственной семьи [*Маркс К., Энгельс Ф.*, т. 21, с. 48].

Исследования последующих десятилетий показали прозорливость Ф. Энгельса. Работами У. Риверса было доказано, что жители Гавайских островов в момент их открытия европейцами находились на более высокой стадии развития, чем полагал Морган, и что существовавшая у них система родства (малайская) возникла в результате упрощения системы турано-ганованского типа. Риверс поставил под сомнение также и существование кровнородственной семьи [*Rivers, 1914a; 1914b*]. Опасительные системы Риверс разделил на два типа: семейные, в которых выделение прямой линии родства (родителей, детей) привело к объединению между собой боковых линий (как у англичан, русских и т. д.), и большесемейные (Kindred), которые четко различают прямую, отцовскую и материнскую линии родства [*Rivers, 1924, p. 61*]. Таким образом, в его типологии стало четыре системы родства. Классификационные системы он назвал родовыми (клавовыми).

Четыре типа систем родства представлены и в типологии Р. Лоуи: поколенный (или генерационный), который соответствует гавайскому в типологии Моргана, бифуркативно-слившийся (прокесский), бифуркативно-колатеральный (большесемейный в типологии У. Риверса) и линейный (семейный в типологии У. Риверса) [*Lowie, 1922*].

В России с работами Моргана одним из первых познакомился М. М. Ковалевский. Под влиянием Моргана он к изучению семейных обычаев осетин привлек и данные терминологии родства [*Ковалевский, 1886, I, с. 304—308*]. Последовательным приверженцем учения Моргана стал Л. Я. Штернберг, в течение многих лет изучавший семейно-родовые обычаи и системы родства коренного населения Сахалина и Приморья [*Штернберг, 1933*]. Уже первые результаты его исследований в этой области среди сахалинских гилков (нивхов) привлекли внимание Энгельса,

и он откликнулся на них в 1892 г. специальной статьей «Новый открытый пример группового брака» [*Маркс К., Энгельс Ф.*, т. 22, с. 364—367]. В советские годы Л. Я. Штернберг со своими учениками организовал широкое изучение семейного быта и систем родства народов Сибири и Средней Азии.

В советской этнографической науке изучение систем родства занимает одно из центральных мест. Вместе с марксистской теорией семьи и брака, заложенной в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», советские ученые приняли в целом морганистскую типологию системы родства. В многочисленных работах, посвященных семье и браку у народов СССР и зарубежных стран, термины родства исследуются в их связи с семейными обычаями и общественными отношениями. Накопление новых материалов сопровождается попытками теоретически их осмыслить с точки зрения существующих типологий систем родства. Попытки эти были обусловлены также необходимостью марксистской оценки работ зарубежных этнографов по истории семьи и брака и эволюции систем родства.

Все это потребовало пересмотра морганистской схемы смены типов систем родства и форм семьи, объяснения вновь открытых особенностей в системах родства отдельных народов. Вторичный характер малайской системы по отношению к турано-ганованской получает дальнейшее обоснование в исследованиях видного советского этнографа А. М. Золотарева [*Золотарев, 1940*]. Однако изданная накануне войны малым тиражом работа А. М. Золотарева осталась почти незамеченной и морганистская схема продолжала господствовать в советской этнографии.

Спустя 11 лет появляется исследование Д. А. Ольдерогге «Малайская система родства» [*Ольдерогге, 1951*]. В этой и последующих за ней других работах Д. А. Ольдерогге на широком материале (привлекая номенклатуру родства народов Африки, Азии и Европы) доказывает приоритет турано-ганованской системы перед малайской [*Ольдерогге, 1958; 1960; 1964*]. Взгляд на малайскую систему как на вторичную, производную от турано-ганованской, становится общепринятым. Одновременно высказывается и получает обоснование мысль, что малайская система в ее классической, гавайской форме не является универсальной, необходимой ступенью в эволюции систем родства [*Крюков, 1964; Вихбулатов, 1964*]. Постепенно была отвергнута и гипотеза кровнородственной семьи [*Семенов, 1960, с. 38—45; 1974, с. 33—36 и др.*].

На повестке этнографической науки вновь встала проблема исторического соотношения типов систем родства. Значительный шаг в решении этой проблемы был сделан М. В. Крюковым на материале китайской системы родства [*Крюков, 1968; 1972; 1979*]. В результате тщательного анализа терминологии родства, отраженной в хорошо датированных письменных памятниках разных эпох, а также разговорных общенародных (путунхуа) и диалектных терминов ему удалось реконструировать древнейшую модель ки-

тайской системы родства и проследить ее эволюцию на протяжении трех тысячелетий. Он установил, что на границе II—I тысячелетий до н. э., а именно чжоуское время, у китайцев существовала система родства турапо-ганованского (бифуркативно-слитного) типа, но в более древней, чем прокезская, форме. От прокезской она отличалась последовательным дуальным делением терминов, совпадением отношений кровного родства и свойства, что было возможно «лишь в условиях, когда две экзогамные родственные группы связаны между собой узами обязательного кросс-кузенного брака» [Крюков, 1972, с. 162]. Этот древнейший подтип турапо-ганованской системы автор именует австралийским. К рубежу I—II тысячелетий происходит трансформация древней системы в современную письменную — в систему бифуркативно-коллатерального (арабского, по терминологии М. В. Крюкова) типа. В ней прямая линия родства отделена от боковых, боковые различаются между собой, имеются особые термины для обозначения свойственников, в поколениях это (говорящего) и первом восходящем поколении различаются родственники по их относительному возрасту, а система в целом полностью утратила классификационный характер [Крюков, 1972, с. 97—108, 226—237].

Сопоставление консервативной письменной системы с разговорными (общеупотребительной и диалектными) позволило М. В. Крюкову выявить изменения, свидетельствующие о трансформации бифуркативно-коллатеральной системы в семейную, письменную. Таким образом, можно считать достоверно установленным, что система родства китайцев, имея исходной моделью дуально-родовой австралийский тип (древняя форма турапо-ганованской системы), развивалась в направлении к арабскому, а от него — к английскому типу.

Как видно, в этой эволюционной цепи нет малайской системы. Выяснилось, что на всем протяжении более чем трехтысячелетней эволюции китайской системы родства, — пишет М. В. Крюков, — не было такого времени, когда она характеризовалась бы малайскими чертами» [Крюков, 1972, с. 278]. Возникает вопрос: насколько характерен путь, пройденный китайской номенклатурой родства, для развития систем родства? В каком историческом соотношении находится малайская система с другими типами?

По результатам исследований П. А. Лавровского, проведенным еще в XIX в., М. В. Крюков устанавливает, что русская система родства также принадлежала в прошлом к арабскому типу [Лавровский, 1867]. Путь от прокезского типа к английскому через арабский прошла также латинская система (исследования Дж. Томсона и Ф. Лаусберга) и система родства черных карибов (по работам Н. Соэвен). В процессе трансформации нередко наблюдается смешение черт прокезского и арабского, арабского и английского типов, т. е. возникновение промежуточных форм [Крюков, 1972, с. 55—66]. Схема прокезский—арабский—английский типы рисуется М. В. Крюковым как основная линия эволюции систем родства. Что касается ма-

лайского типа, то он «представляет специфический путь развития, обусловленный особыми социально-историческими условиями» [Крюков, 1972, с. 278].

Таким образом, в типологии М. В. Крюкова, как и у У. Риверса и Р. Лоуи, четыре основных типа систем родства: I — прокезский, II — гавайский, III — арабский, IV — английский. Типология эта основана на предложенных Морганом двух принципах: 1) разграничения или слияния прямой и боковых линий родства; 2) разграничения или слияния отцовской и материнской линий. Прокезский тип не признает деления родственников на прямую и боковые линии, в то же время четко различает линии отца и матери. Английский тип, наоборот, объединяет между собой все боковые линии, но выделяет из них прямую линию. Гавайская система имеет отрицательный показатель по обеим категориям, в то время как арабский, напротив, разграничивает родственников по тому или другому принципу.

Эти четыре типа систем родства, по М. В. Крюкову, не представляют собой звенья единой цепи эволюции. Смена типов идет, как было показано выше, по линии или I—III—IV, или I—II—IV, т. е. в любом случае развитие систем родства идет от прокезского и английского типу, а гавайский (II) и арабский типы играют роль медиального звена. Между ними возможны промежуточные подтипы, представляющие смешение I—II, I—III, II—III, II—IV и III—IV типов [Крюков, 1972, с. 64].

Введение понятия «промежуточных подтипов» дает возможность охватить почти все многообразие существующих систем родства. Дело в том, что типы систем в чистом виде встречаются редко, в большинстве конкретных случаев системы родства характеризуются наличием признаков нескольких типов. По подсчетам М. В. Крюкова, проведенным на основании материалов Дж. Мердоха по 577 народам, выделенные им четыре типа охватывают лишь 31,2% всех систем, при этом меньше всего приходится на долю гавайской системы (3,6%). С учетом сочетаний типов I и II, I и III, II и III, II и IV, III и IV можно охватить 90,4% терминологий, собранных Мердоком, т. е. еще 59,2% [Крюков, 1972, с. 42—43].

В этой типологии находят свое место и историческое объяснение громадное большинство систем родства, тем самым в значительной мере устраняется наметившееся противоречие между накопленным материалом и его теоретическим осмыслением. Как отмечает М. В. Крюков, все основные типы его схемы были введены в науку до него, а три из них — еще Морганом. Принципиально новым в этой типологии являются установление иного исторического соотношения типов и ввод промежуточных подтипов, что придает всей схеме стройность и универсальность. Несмотря на критику М. В. Крюковым многих положений Моргана, в том числе деления систем родства на классификационные и описательные, его типология не опровергает правоту Моргана и может рассматриваться как дальнейшее развитие учения Моргана

о системах родства. Особенно это заметно в генеральной позиции автора и в вопросе о социальных детерминантах системы родства. В последующих работах М. В. Крюкова материалистическое положение о социально-исторической обусловленности систем родства получило дальнейшее обоснование и развитие [Крюков, 1979, с. 54—54].

Громадное значение для изучения закономерностей развития систем родства имеют предельные М. В. Крюковым наблюдения над внутренним механизмом трансформации систем родства [Крюков, 1973]. Ему удалось показать, что степень консервативности тех или иных звеньев системы (показание +1,0) «всеполо зависит от того, какая модель трансформируется и в каком направлении» (с. 13), что в одних случаях, например в процессе формирования арабской системы или разложения гавайской, наиболее подвижными оказываются термины поколения +1, в других, наоборот, поколения эго. Наблюдения эти предостерегают исследователя от шаблонного подхода к изучаемым явлениям, создают определенный инструмент познания.

Типология М. В. Крюкова и предложенная им схема исторического соотношения типов систем родства в основном получила признание в советской науке [Семенов, 1973; Георгиева, 1973; Попов, 1977]. В то же время встретили критику отрицательное отношение М. В. Крюкова к моргановскому делению систем родства на классификационные и описательные, игнорирование принципиальной разницы между ними [Семенов, 1973, с. 168—169].

В ряде важных вопросов позиции М. В. Крюкова присуща недостаточная четкость, а порою и противоречивость. С одной стороны, древнейшую китайскую (иньско-чжоускую) и ирокезскую системы он относит к одному, турано-ганованскому (или бифуркативно-слившемуся) типу, выделяя отличительную особенность первой — последовательное дуальное деление терминов [Крюков, 1972, с. 223, 225, 281]. С другой стороны, эта исходная модель системы родства, названная им австралийским типом, противопоставляется всем другим, в том числе и ирокезскому, типам, которые именуются частично классификационными, или генеалогическими, полностью классификационными являются только австралийскую системы [Крюков, 1972, с. 270, 281]. В отличие от австралийского «системы родства всех других типов (подчеркнуто нами. — Н. Б.), в том числе ирокезского и гавайского, — пишет М. В. Крюков, — определяет отношения между лицами посредством генеалогических цепочек родства, составленных из отношений «родитель» — «дети», «муж» — «жена», «сibling» — «сibling». Элементарные отношения этих трех категорий могут возникнуть в индивидуальной семье (как в парной семье родового общества, так и в современной моногамной)» [с. 281].

Как видим, австралийская и ирокезская системы оказались отнесенными к разным типам, и в последних своих работах М. В. Крюков [1973, 1979], по существу, избегает терминов «иро-

кезский», «турано-ганованский»; это и естественно, так как в его четырехчленной типологии для ирокезского типа места не осталось. Трудно согласиться, что ирокезская и гавайская системы отражают отношения родства, которые соответствуют генеалогическим цепочкам родства и могли возникнуть в индивидуальной (I) семье. Утверждая так, М. В. Крюков игнорирует сличность прямой и коллатеральных линий в турано-ганованской и гавайской системах, один из двух основных критериев типологии систем родства, с наибольшей четкостью сформулированных им самим, — критерий разграничения классификационных и описательных (семейных) систем.

Такие неясности и противоречия в формулировках, на наш взгляд, ведут к другим ошибкам в общем подходе к системам родства. В частности, М. В. Крюков пишет, что, «взятое в своей совокупности, термины родства суть некая система, функционирующая и изменяющаяся по своим внутренним закономерностям. К числу таких закономерностей относится последовательность смены исторических типов систем родства, механизм их трансформации и т. д.» [Крюков, 1979, с. 51]. И здесь автор противоречит своей основной конструктивной концепции, согласно которой австралийская система соответствует (детерминирована!) дуально-родовой организации, английская — моногамной семье, а арабская и гавайская — «порождаются клановой организацией, основанной на нормах большой семьи» [1972, с. 282—283]. И механизм трансформации систем родства в решающих звеньях обусловлен социально-историческими факторами, лежащими за пределами терминологии родства. Если формирование арабской системы на базе турано-ганованской начинается прежде всего с терминов поколения +1, то это связано с потребностью выделения прямой линии родства, обусловленной главным образом изменениями в области семейно-имущественных отношений. То же самое, по-видимому, можно сказать о механизме трансформации гавайской системы в английскую.

Некоторые возражения в литературе встретили названия типов систем родства, предложенные М. В. Крюковым. Поскольку приписка названия каждого типа к определенному этносу создает неудобства при исследовании систем тех народов, имена которых отражены в этой типологии, В. А. Попов предложил наименования для типов систем родства создавать на основе структурных принципов, характерных для каждого конкретного типа. Системы ирокезского (I) типа он предлагает именовать бифуркативными (термин «бифуркация» — раздвоение, разветвление — был введен Лоуи для обозначения разграничения отцовской и материнской линий), арабского (III) типа — бифуркативно-линейными (обозначая словом «линейность» выделение прямой линии родства), английского (IV) типа — линейными, а гавайского (II) типа — поволенными (или генерационными). Можно легко заметить, что эти наименования мало чем отличаются от номенклатуры типов, предложенной Лоуи, несколько не устранив ее недостатков. Как

известно, различие поколений — не самая специфичная черта гавайских систем, она одинаково характерна для всех четырех типов. И для систем турано-ганованского типа бифуркативность является не единственным и не самым главным признаком, не менее важный их признак — слитность прямой линии с параллельными ветвями коллатеральных линий; в этом плане наименование, которое дал Лоуи этому типу, — «бифуркативно-слившийся» — более удачно. Именно эта черта роднит турано-ганованские системы с гавайскими, в которых прямая и боковые линии слиты полностью, что дало основание в свое время Л. Г. Моргану объединить их под названием классификационных.

Существует еще одно обстоятельство, которое обуславливает целесообразность переименовывать уже известные науке явления; новые наименования обычно не заменяют старые, а начинают жить в лучшем случае рядом со старыми, лишь увеличивая число терминов.

М. В. Крюков пишет, что его схема исторического соотношения типов систем родства «носит наиболее общий, усредненный характер (в ней, в частности, не учитываются такие, таксономически более дробные, типы систем родства, как кроу и омаха...)» [Крюков, 1972, с. 283]. Определенный шаг в изучении систем этого типа, характеризующихся «поколенным скакиванием» в классификации перекрестных кузенов, в последнее время сделал В. А. Понов. Он произвел группировку 125 систем типа кроу-омаха, содержащихся в работах американского этнолога Дж. Мердока и, частью, других авторов, по выделенным М. В. Крюковым типам и промежуточным подтипам [Понов, 1977а]. Оказалось, что около половины этих систем (56) относятся к турано-ганованскому типу, значительная часть (33) — к арабскому, остальные представляют сочетание этих двух типов между собой (19) или с системами гавайского типа (17). Отсутствие черт кроу-омаха в системах чисто писательского (английского) типа или незначительное их количество в системах с преобладаем или примесью гавайских черт вполне естественно: оба эти типа по своей сути исключают терминологическое различие кросс-кузенов. Весьма важным представляется распределение черт кроу-омаха между турано-ганованским и арабским типами: оно свидетельствует о возникновении этих черт на самой ранней стадии развития систем родства.

К типу кроу-омаха (вариант омаха) типотетют системы многих народов алтайской семьи. Некоторые из них — палашская, киргизская, якутская, уйгуро-конград, казмыков, халха-монголов — включены в типологию В. А. Понова. В действительности картина полнее: черты омаха присущи также системам родства каракалпаков, туркмен, ханасов, племен Алтая, тувинцев, чулымских тюрков, из монгольских народов — бурят. В пережиточной форме сохранилась она и в башкирской диалектной системе.

Поколенный скос в классификации перекрестных кузенов выглядит лишь как частный случай в системах родства тюрко-мон-

гольских и в целом алтайских народов. В них, в том числе и в башкирской, смешение поколений, объединение в одну категорию родства представителей двух смежных поколений проведено более последовательно и широко, чем в системах североамериканских племен кроу и омаха, настолько широко, что пронизывают всю систему сверху донизу, включая и подсистему свойства. Специфика систем родства народов алтайской семьи, обусловленная отмеченным обстоятельством, настолько существенна, что эти системы в известной мере противопоставлены всем другим.

Критерии типологического изучения систем родства, принятые в советской этнографической науке и изложенные выше, в целом приложимы к алтайским системам, в их числе и башкирской. Они применимы в определении самых общих типологических признаков системы. Черты своеобразия алтайских систем выходят за рамки этих критериев и ждут своего исторического объяснения.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЕМЫ И ИСТОЧНИКИ

Впервые описание и историческая интерпретация башкирской системы родства были даны в книге С. И. Руденко о башкирах [Руденко, 1925, с. 253–256]. Материалом послужили записи автора, произведенные им во время поездок по башкирскому краю в начале XX в. Приведенный в книге список терминов охватывает основные наименования родства у башкир и в известной степени отражает диалектные особенности. По словам С. И. Руденко, книга была написана им в 1915 г., т. е. в то время, когда в русской этнографии системам родства уделялось мало внимания. Возможно, этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что С. И. Руденко не пытался выяснить отношение башкирской системы к типологии Морган и ограничился самыми общими наблюдениями о ее особенностях. Но сам факт включения в монографию сводки терминов и попытка объяснить их особенности исходя из семейных отношений «донатриархальной эпохи» позволяют предполагать знакомство автора с учением Морган.

Во втором издании книги [Руденко, 1955] было уточнено написание терминов в соответствии с нормами новой башкирской орфографии, дополнительно включены наименования для обозначения прямых потомков во 2–4-м нисходящих поколениях, заимствованные из монографии Т. Г. Башшеева о диалектах башкирского языка [Башшеев, 1955, прил. 1]. Выводы свои автор оставил почти без изменений, кроме ошибочного утверждения, будто бы у башкир мужья сестер или родственники называют друг друга «сватами», в чем С. И. Руденко видит отголосок былой дуальной организации. Целесообразность дополнения списка терминами для 2–4-го нисходящих поколений также вызывает сомнение, так как достоверность их в приведенном значении, как будет показано при дальнейшем рассмотрении, пока подтвердить не удастся. Диалектные термины даны в книге как синонимические варианты без

привязки к диалектам (говорам) или родо-племенным группам, и воссоздать структуру диалектных систем по ним практически невозможно.

Обстоятельный обзор башкирских терминов родства был проведен лингвистом Х. Г. Юсуповым. Его статья [Юсупов, 1959] рассматривает терминологию родства прежде всего как часть лексики. Но в то же время автор довольно четко намечает некоторые принципы, лежащие в основе системы родства: «возрастных особенностей, полового разделения и различия поколений» [с. 124]. В работе подчеркивается, что поколенный принцип в башкирской системе проводится непоследовательно, что «виды возраста в данной системе шире, чем идеи поколений» [с. 124]. В статье отдельно рассматриваются «термины родства по крови» и «по браку (свойству)» и тем самым выявляется, хотя и без формулировки, еще один важный критерий системы — характер родственной связи. Ценность работы Х. Г. Юсупова не только в достаточно полном охвате башкирских терминов родства и обозначаемых ими родственных отношений, в ней диалектные варианты почти в каждом отдельном случае даны с указанием географии их бытования.

В целом статья Х. Г. Юсупова может служить добротным источником для исследования структуры башкирской системы родства. Однако при этом необходимо учесть, что рассмотрение им терминологии отдельно по поколениям создает искаженную картину, будто бы башкирская система строится строго по поколенному принципу, и противоречит тезису о слабой выраженности идеи поколения. Это помешало автору определить, в свою очередь, четкие границы действия другого критерия — возрастного.

Систематическое изучение диалектов и говоров башкирского языка, проводимое языковедами за последние десятилетия, выявило множество диалектных терминов, нашедших отражение в специальных публикациях [Миржанова, 1973; Азнагулов, 1973] и словарях (СБГ I; II). Значительный лексический материал по теме содержится в монографиях по башкирской диалектологии [Ишбулатов, 1972; Максимова, 1976; Миржанова, 1979]. Набор терминов, которыми располагают исследователи при изучении систем родства, пополнился многими оставшимися до сих пор неизвестными наименованиями с точной фиксацией территории их бытования и семантического диапазона. В ряде случаев авторы привлекают сравнительно-исторические параллели и стремятся выяснить этимологию терминов.

У языковедов-диалектологов иные задачи, чем у этнографов, занимающихся изучением систем родства. В поле их зрения термины сами по себе, их фонетический облик и морфологическая структура, явления, отражающие внутренние закономерности развития языка. Их невозможно упрезнать в том, что зачастую термины родства они рассматривают в отрыве от системы родства как определенным образом организованной структуры. Правда, даже с точки зрения чисто лингвистической системный подход к терминологии родства, исследование ее как определенной сово-

купности взаимобусловленных элементов помогли бы, на наш взгляд, числению ряда важнейших вопросов. В их числе относительная и абсолютная хронология языковых явлений, их социально-исторической обусловленности и др.

Приведенный обзор литературы отражает историю и современное состояние изучения башкирской терминологии и системы родства. Перечисленные работы одновременно являются важнейшим источником для исследования системы родства башкир, что и побудило нас рассматривать их прежде всего в этом плане и объединить вопросы о литературе и источниках.

Разумеется, этим не ограничивается круг письменных источников по теме. Отметим еще два словаря, содержащие ценнейший материал по башкирской терминологии родства. Один из них составлен в конце XVIII в. коллежским ассессором Миндьяром Бекчурным и был обнаружен Д. Ж. Валеевым в Архиве АН СССР [ф. 94, оп. 2, № 18, л. 1-3]. В нем содержится 16 башкирских слов, выражающих 11 категорий (понятий) родства с некоторыми диалектными вариациями.

Второй словарь относится к 30-м годам XX в. Дошел он до нас в рукописи (в виде отдельных карточек) и принадлежит к типу толковых словарей. Содержит оригинальную (в основном бытовую) башкирскую лексику с довольно точным и полным пояснением значений слов. Автор словаря — Т. Мурат. Хотя все рукописи выполнены латинским письмом, которое было в обиходе башкир в 30-х годах, работа над словарем, как полагают А. Г. Бишнев, была начата значительно раньше*. С точки зрения нашей темы значение этой рукописи трудно переоценить. В ней оказались зафиксированными некоторые термины родства, которые уже вышли из употребления и окончательно забыты. Достоверность этих сведений не вызывает сомнений: они находят подтверждение в наших материалах и номенклатуре родства других тюркских народов.

Термины родства встречаются в фольклорных записях, деловых бумагах XIX — начала XX в., произведенных художественной литературы. Для более отдаленных периодов, кроме отмеченного выше словаря Бекчурнина, имеется еще один своеобразный источник — это личные имена, производные от терминов родства, зафиксированные в исторических документах, начиная с XVII в. [Ишбулатов, 1973; Кусимова, 1975]. В именник вошли единичные наименования родства, но даже это малое проливает свет на историю башкирской системы родства.

Основным источником для настоящей работы явились материалы, собранные автором в процессе экспедиционных исследований. Запись башкирских терминов родства была начата мною в 1959 г. и проводилась систематически в процессе ежегодных экспедиционных поездок. На протяжении 1959—1977 гг. автор по-

* Выражаю признательность заведующему сектором лексикографии А. Г. Бишневу, предоставившему мне в пользование эти материалы при работе над книгой.

бывал во всех районах Башкирской АССР, во многих из них по нескольку раз, собирая сведения по семейному и общественному быту башкир, хозяйственным занятиям и ремеслам. Почти в каждом селении вместе с данными о семейной обрядности старался зафиксировать бытующую терминологию родства. За пределами республики были посещены деревни с башкирским населением в Челябинской, Курганской, Оренбургской, Свердловской, Пермской областях и Татарской АССР. Наши полевые материалы охватывают практически всю территорию расселения башкир, за исключением небольшой части Саратовской и Куйбышевской областей. По этому региону мы располагаем материалами диалектологической экспедиции ИИЯЛ БФ АН СССР 1954 г. под руководством Т. Г. Баншева.

Личные полевые наблюдения сыграли решающую роль в исследовании башкирской системы родства, что было обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, все перечисленные выше литературные источники, подавляющую часть которых составляют диалектологические материалы, оставляют вне поля зрения северо-западные группы башкир, население бывших Мензелинского, большей части Белебеевского, Барского, Уфимского уездов. В этой части автор почти целиком и полностью опирался на собственные записи. Во-вторых, в источниках имеются, как отмечалось выше, противоречия и ошибки. Разобраться в них стало возможно благодаря личному знакомству с первичным материалом — живой диалектной лексикой. В-третьих, и это имеет решающее значение, все предыдущие авторы по самому характеру работы преследовали несколько иные цели, чем наши, и поэтому многие интересующие нас вопросы, связанные с системой родства башкир, мы могли выяснить только в процессе общения с населением. К этому, видимо, необходимо добавить также присущий каждому ученому известный субъективизм, который накладывает отпечаток на собранный и интерпретированный им материал и через это так или иначе влияет на последующих исследователей; чтобы избежать или свести к минимуму это влияние, необходимо располагать разнообразными источниками.

Таким образом, можно констатировать, что источники, которые оказались в нашем распоряжении, характеризуют терминологию и систему родства всех территориальных групп башкир и охватывают довольно значительный этап истории.

ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ. МЕТОДИКА И НАУЧНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

При анализе башкирской системы родства перед нами стояли следующие научные задачи.

1. Характеристика современной башкирской системы родства, которая включает установление всех ее структурообразующих принципов, определение их сферы функционирования и степени активности.

2. Выявление архаических и более поздних компонентов системы с целью реконструкции основных черт ее древней модели и воссоздания пути ее эволюции.

3. Выяснение связи терминологии родства и ее изменений с социальной организацией башкир, с нормами семейно-брачных отношений.

4. Исследование отношения башкирской системы родства к системам других народов (в первую очередь тюркских и монгольских) и к существующим в советской этнографической науке типологии; выявление этноисторических связей народа по данным системы родства.

Исследователи располагают двумя методами в изучении этнографических и языковых явлений: синхроническим и диахронно-историческим. Предпочтительное отношение к какому-либо одному из них или к их комбинации обуславливается как задачами исследования, так и состоянием и характером источников. Наши источники, как это видно из приведенного обзора, в основном синхронного порядка; подавляющую их часть составляют экспедиционные материалы последних десятилетий. Отсюда и основной наш путь — путь синхронического анализа.

Синхронический метод содержит немалые возможности. В нашем случае это связано с наличием ярко выраженных диалектных различий в терминологии, которые дают возможность проследить в общих чертах направление и некоторые вехи в трансформации башкирской системы родства на протяжении длительного исторического периода. Большую помощь при этом оказывает сравнительный материал по системам родства других тюркских и монгольских народов [Радлов, I—IV; Покровская, 1964; Цинцире, 1971, 1972; Севортян, 1974, 1978, 1980; и др.]. Черты сходства и различий в терминологии и принципах (компонентах) системы при близости тюркских языков представляют весьма благоприятную основу для сравнительно-исторических наблюдений.

Синхронность наших источников и обусловленного ими метода исследования относительна. Дело не только в том, что данные в основу работы полевые материалы собирались в разные годы, порою далеко отстоящие друг от друга. В большей мере это обусловлено тем, что информаторы, на уст которых записывались термины родства, принадлежат к разным поколениям. Хронологический диапазон полученных сведений охватывает время с 90-х годов прошлого века до наших дней, т. е. 7—8 десятилетий. Кроме того, для ретроспективной проекции на более отдаленные периоды, как отмечалось выше, имеются некоторые прямые и косвенные документальные свидетельства. И, наконец, в распоряжении исследователя по истории терминологии и системы родства любого из тюркских народов есть такой источник, как памятники древнетюркской письменности. Терминологический материал, систематизированный в лексическом своде этих памятников (ДТС), использован и в наших исторических сопоставлениях. Таким образом, предлагаемая работа и по источникам, и по

методике разработки темы содержит элементы диахронно-исторического анализа.

В 50–60-х годах в американской этнографии были выработаны формальные методы анализа систем родства — компонентный, трансформационный, шкалограммный, перенесенные в этнографию из структурной лингвистики [Членов, 1970, 1973]. Некоторые из них, прежде всего методика компонентного анализа, начали применяться и в советской этнографической науке [Семенова, 1970; Крюков, 1972, 1973]. В нашей работе, построенной на традициях историко-типологического изучения, использованы в некоторой степени терминология компонентного анализа и приемы характеристики принципов системы родства. То же самое относится к системе записи (кодирования) терминов родства. Вслед за М. В. Крюковым и В. А. Поповым в ряде случаев мы применяли код Ю. И. Левина [СЭ, 1970, № 4], хотя в нем расположение символов (букв) от эго и альтеру находится в обратном порядке, как это принято в письме, что значительно затрудняет их понимание. Для описания башкирских терминов родства, как и вообще тюркских, код Левина имеет еще одно существенное неудобство: он нацелен на раскрытие содержания терминов по принципу генеалогических цепочек, в то время как тюркские системы в целом ряде случаев игнорируют генеалогические линии и ранги. Поэтому в тексте содержание терминов раскрывается обычно без кодового обозначения.

В работе принято деление терминов родства по их структуре на: **элементарные** (не разложимые на составные части с самостоятельным значением); **сложные**, состоящие из одного слова, образованного из нескольких (обычно из двух) корней-основ (типа английского grandfather 'дед'; русского 'прадеду'; башкирского олатай 'дед'); **составные**, представляющие сочетание элементарного или сложного термина с каким-либо детерминативом (русский «двоюродный брат», башкирский оло карттай 'старший дед', 'прадед'); **описательные**, которые выражают то или иное родственное отношение путем комбинации нескольких элементарных или сложных терминов. В полном смысле слова терминами родства являются лишь элементарные и сложные термины, а применение составных и описательных конструкций обусловлено фактическим отсутствием в языке особых (специальных) терминов для обозначения соответствующих родственных отношений. Такая градация, как видно, отражает разную степень терминологизации в языке наименований различаемых отношений родства*.

* М. В. Крюков в своей классификации терминов объединяет в одну категорию сложные и составные термины [1972, с. 33–34]. Возможно, это правомерно в отношении к китайской терминологии. В тюркских терминах значительное место занимают сложные наименования, образованные из двух основ (нередко — элементарных терминов) и ставшие единым словом. Они принципиально отличаются от составных детерминатив + термин типа «двоюродный брат», «старшая сестра» и т. д.

По содержанию термины родства подразделяются на **индивидуальные** (примениющиеся для обозначения одного лица) и **классификационные**. В предыдущих работах автора этих строк термины «групповой» и «классификационный» употреблены как синонимы, как обозначения «широкого круга родственников» [Бикбулатов, 1964а; 1964б, с. 164 и др.]. В связи с тем что деление терминов Морганом и его сторонниками на классификационные и описательные вызвало справедливую критику из-за нечеткости критериев [Ольдерогге, 1964; Крюков, 1968, с. 359–363; 1972, с. 27–33], возникла необходимость уточнить значение этих терминов в нашем применении.

М. В. Крюков классификационными считает термины, которые применяются для обозначения лиц, находящихся в различных родственных отношениях с говорящим [Крюков, 1968, с. 366–367; 1972, с. 35]. Исходя из такого толкования значения термина он утверждает, что классификационные термины составляют подавляющее большинство во всех известных науке системах родства, а некоторые системы, в частности гавайская, включают в себя только классификационные термины. В то же время и гавайскую, и ирокезскую системы он не относит к классификационным, считая, что такими являются в полном смысле слова «только терминологии австралийского типа». Ирокезскую, гавайскую, арабскую и английскую системы он включает в число частично классификационных или генеалогических [1972, с. 281]. В результате исчезла принципиальная разница между классификационными и описательными системами. Более того, разновидности систем одного и того же типа — ирокезская и австралийская — оказались отнесенными к принципиально разным (классификационным и генеалогическим) системам.

Соглашаясь с М. В. Крюковым и другими авторами в том, что термин «описательный» неточно выражает особенности систем родства типа английского и арабского, Ю. И. Семенов предложил назвать их линейно-степенными [Семенов, 1973, с. 168], чем подчеркивается их принципиальное отличие от классификационных систем ирокезского и гавайского типов. По его мнению, в классификационных терминах выражено отношение целой группы (класса) лиц к другой группе (классу), в них проявляются родственные отношения между определенными группами и только через это — между индивидуумами [Семенов, 1968, с. 31; 1973, с. 168]. Хочется возразить Ю. И. Семенову только в одном: такая трактовка классификационной терминологии по существу сводит категории (классы) родства к брачным классам австралийцев и игнорирует эгоцентрический характер системы родства.

Морган, когда пришел к открытию классификационных систем, принципиальное их отличие от систем родства индоевропейских народов увидел в том, что в них такие элементарные понятия родства, как «отец», «мать», «сын» или «дочь», не совпадают с представлениями цивилизованных народов Европы и Америки и распространяются на широкий круг родственников соот-

ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ДИАЛЕКТНЫЕ ТЕРМИНЫ

У народов с письменной литературной традицией имеются заметные различия между терминологией родства, принятой в литературе, и разговорной системой. Последняя в зависимости от коинциденции языка может быть общепародной с теми или иными диалектными и жаргонными отклонениями, может существовать в виде диалектных систем. Письменно-литературная терминология является нормативной.

Современный башкирский литературный язык выработан после революции. В прошлом у башкир языком письменности и литературы был старотюркский, отчасти арабский, а с конца XIX в. до 20-х годов нашего столетия — татарский литературный. К настоящему времени вполне устоялись нормы башкирского литературного языка, в основу которого легли южный и восточный диалекты. Специфика языка северо-западных групп башкир в литературном языке почти не отражена. К настоящему времени сформировались и стали общепринятыми также и литературные термины родства.

Принятая в литературе терминология родства не имеет своих исторических традиций и в основном построена на основе диалектных. Поэтому главное внимание мы сосредоточиваем на рассмотрении диалектной терминологии.

Структурные принципы в основном едины для всех групп башкир. Диалектные различия сравнительно невелики и касаются главным образом степени последовательности проведения и масштабов релевантности отдельных принципов. Больше варьируют сами термины, хотя надо сказать, что подавляющая часть наименований носит общепародный характер. Выявленные изоглоссы дают возможность наметить более древние и более поздние пласты в терминологии и в самой системе родства и в какой-то мере раскрыть историческую динамику развития системы родства в целом. Кроме того, они отражают этноисторические связи башкир с современными народами и этническими образованиями средневековья. Этому последнему аспекту темы, в какой-то мере рассмотренному нами и другими исследователями в прежних публикациях [Биббулатов, 1971; Доспанов, 1971], посвящена отдельная глава.

В диалектной структуре башкирского языка часто существенное значение имеют различия не между диалектами, а более дробными таксономическими единицами — говорами. То же самое можно сказать о номенклатуре родства: одни обозначения варьируют в пределах одного диалекта, в то время как другие имеют более широкие ареалы. Примерные зоны бытования отдельных терминов будут указываться особо.

ветствующих поколений по боковым линиям, т. е. слитность прямой линии родства с боковыми. Главное для него заключалось в том, что классификационные системы не выделяют особыми терминами родственные отношения индивидуальной (моногамной) семьи [Morgan, 1871, p. 13].

Говоря об особенностях описательных систем, Морган отмечает сравнительную малочисленность родственных отношений, обозначаемых специальными терминами, разграничение прямой и коллатеральных линий родства, обозначение немногочисленными специальными терминами лиц, наиболее близких по степени родства. В то же время Морган видел в описательных системах «случаи объединения родственников в классы со специальными терминами», но не они, по его мнению, характеризовали суть системы и, не касаясь наиболее близких родственников, представляли собой скорее исключение из правила, чем правило [Morgan, 1934, с. 222].

Таким образом, классификационными в понимании Моргана являются те системы, в которых прямая линия родства, в первую очередь в ближайших поколениях (в первом восходящем, нулевом и нисходящем), не выделена от боковых линий. Именно эту особенность классификационных систем, в частности прокезской, считал главной и Ф. Энгельс, когда писал, что «прокез называет своими сыновьями и дочерьми не только своих собственных детей, но и детей своих братьев, а они называют его отцом» [Маркс К., Энгельс Ф., т. 21, с. 34]. Всюду для характеристики классификационных систем Энгельс берет набор терминов для обозначения ближайшего родства по прямой линии: «отец, мать, сын, дочь, брат, сестра» или «отец, ребенок, брат, сестра». Как видно, и для Энгельса и для Моргана на первом плане были не процентное количество классификационных терминов (хотя и это имеет немалое значение), не число людей, охватываемых отдельными терминами, а принципы группировки, и прежде всего то обстоятельство, как обозначаются или обозначаются ли вообще понятия «отец», «мать», «сын», «дочь», «брат», «сестра».

И в предлагаемой работе под классификационными подразумеваются термины, объединяющие разные степени и линии родства, при этом решающее значение для определения характера (типа) системы родства имеют объединение и разграничение прямой и боковых линий. Встречающиеся в линейно-степенных (генеалогических, описательных) системах термины с широким значением (английский *cousin*, русский *дядя* или *тетя*), объединяя второстепенных (боковых) родственников, ограничивают их от прямой линии родства, т. е. способствуют выделению особыми терминами ближайших родственников — членов полигамной семьи.

Прежде чем перейти к рассмотрению принципов системы и номенклатуры родства у башкир, необходимо остановиться на особенностях терминов, связанных с их функциональным значением. Как известно, термины родства применяются в речевом обиходе в двух целях: 1) для непосредственного обращения эго (говорящего) к кому-либо другому (альтеру); 2) для обозначения родственного отношения альтера к эго при разговоре с третьим лицом. В соответствии с этим различают термины **вокативные и референтивные** [Lowie, 1922, p. 84; Крюков, 1972, с. 94; Попов, 1977б, с. 48]. Часто в обоих случаях употребляются одни и те же термины, т. е. тот или иной термин одновременно может являться и вокативным и референтивным. Однако у всех народов, в их числе и у башкир, нередко для этих целей применяются разные термины. На соотношении этих двух видов терминов, причинной обусловленности совпадения их между собой и расхождения на примере башкирской номенклатуры родства мы еще остановимся несколько ниже, сейчас же отметим одну особенность: референтивные термины призваны по возможности точно обозначать родственные отношения между эго и альтером; они индивидуализируют эти отношения, приближая их к генеалогическим линиям и степеням родства. Поскольку эти линии и степени родства теоретически неисчерпаемы, то на деле для большинства из них не оказывается специальных терминов в языке и они обозначаются комбинациями наименований — описательными терминами.

Стремление к индивидуализации родственных отношений в определенной мере присуще и вокативным терминам, не исключая даже такие классификационные системы, как австралийские [Токарев, 1929, с. 24—34]. Но здесь оно реализуется иначе — путем прибавления к общепринятым терминам (обычно классификационным или групповым) детерминативов типа «большой», «старший», «высокий», «белый», «внешний» и т. д. [Крюков, 1972, с. 113 и др.; Мухомедова, 1967, с. 275]. Такие составные термины в зависимости от речевой ситуации включаются также в арсенал референтивной системы, но далеко не удовлетворяют ее потребностей. В зависимости от того, кем является собеседник (родственник эго или альтера, близкий или далекий родственник, старше или младше эго, лицо постороннее, знакомое или незнакомое), для обозначения одного и того же лица могут применяться разные термины или их сочетание.

Как видно, референтивная система (или подсистема) оспаривается на вокативной, конкретизируя ее и дополняя. Там, где она выходит за рамки вокативной, по существу, кончается область твердо устоявшейся терминологии родства, соответствующей структурным принципам системы. Поэтому в нашем изложении основной упор делается на вокативные термины, но оговаривают-

ся случаи их расхождения с референтивными. Тем более в этом есть необходимость, так как некоторые термины (правда, в очень незначительном количестве) употребляются только как референтивные.

ПРИНЦИПЫ (КОМПОНЕНТЫ) СИСТЕМЫ

Башкирская система последовательно различает пол родственных (альтера). Этот принцип (компонент или дифференциальная переменная по терминологии компонентного анализа) охватывает всю систему родства, за исключением таких собирательных (общих) терминов, соответствующих русскому «родня», «родственник», английскому «сэблинг» и т. д. Эти понятия в башкирском языке выражаются словами *туган-ырыу*, *зат-ырыу*, *нәсел*, *зат-ламир*, *туган-тыумаса*, *туган*, *кәрдәш*. Из числа наименований конкретных родственных отношений нам известен только один дввалентный термин, безразличный к полу альтера, — *балдыз*, обозначающий одновременно младшего брата (племянника) и младшую сестру (племянницу) жены. Такое значение термина характерно для северной и северо-восточной групп башкир.

Характер родственной связи также получил довольно полное отражение в терминах. Различение родственных по крови и по браку проявляется в нескольких плоскостях. Во-первых, существует развитая номенклатура родственников мужа (жены), которая в значительной мере повторяет структуру кровного родства. Во-вторых, особыми терминами выделяются супруги родственников(-ниц) в нулевом поколении (эго), нисходящих и, частично, в первом восходящем поколениях (с разграничением их по полу); имеются особые термины и для родни этих свойственников.

Пол самого эго релевантен только в двух случаях: 1) имеются различия в номенклатуре родственников мужа и жены; 2) в некоторых районах мужчина и женщина по-разному называют младшую сестру (племянницу).

Линейность, различение поколений и относительного возраста альтера в башкирской системе родства находятся в тесной взаимосвязи, ограничивая и дополняя друг друга.

Линейность релевантна в самой незначительной степени. В вокативной системе прямая линия родства выделена только в первом восходящем поколении, т. е. особыми терминами обозначаются лишь отец и мать, а их братья и сестры называются совершенно иначе, с помощью специальных, таких же элементарных по структуре терминов. В нулевом поколении сиблинги эго не отграничены от кузенов (кузин), дядьев и теток, племянников и племянниц. Нет разграничения прямой и боковых линий в нисходящих поколениях: башкир обращается к детям и внукам младших братьев и племянников точно так же, как и к собственным детям и внукам, но только при прямом обращении. Если же башкир в разговоре с третьим лицом назовет альтера *минәң улым* («мой сын»), то это означает действительно его сына и только его. Как правило, не разграничены между собой и боковые линии.

В то же время кое-какие следы различения линий родства сохранились. В юго-восточной Башкирии местами мать матери называют несколько иначе, чем мать отца. Еще реже встречается различение дедов (по отцу и по матери). Сравнительно недавно бытовали особые термины для обозначения брата матери, детей сестры и дочери, взаимные термины для детей и внуков двух сестер. Социальная обусловленность этих терминов, как и других, будет особо рассмотрена ниже, здесь же лишь отметим одно: они в определенной мере свидетельствуют, что бифуркативность в той или иной форме в прошлом была не чужда башкирской системе родства.

Различение поколений в башкирской системе родства играет более существенную роль, чем линейность. В прямой линии имеются особые термины для родителей, деда и бабушки, в ряде районов — для прадеда и прабабушки. Нисходящие поколения в вокальной системе объединены одним термином для людей мужского пола, другим — для женского. Называл в референтивных целях своего ребенка *минек улым* 'мой сын' или *минек хырым* 'мой дочь', башкир тем самым отделяет его как от племянников (-ниц), так и от внуков, внучек, т. е. с помощью детерминатива происходит конкретизация родственного отношения и в горизонтальном (линейном), и в вертикальном (поколенном) разрезе. Референтивная система с помощью описательных конструкций типа «сын сына», «сын дочери», «сын дочери моего сына» практически в состоянии обозначать конкретное родство до третьего нисходящего (-3) поколения. Термины для родителей одинаковы для вокальной и референтивной систем. Прямые родственники второго и третьего восходящих поколений (+2, +3) в референтивных целях могут обозначаться как вокальными терминами (сложными и составными), так и комбинациями элементарных терминов, когда имеется необходимость максимально конкретизировать родственное отношение.

Но и этот принцип проведен очень непоследовательно, идея поколения в чистом виде выступает лишь в понятиях «отец», «мать». В остальном сочетание поколенного и возрастного принципов при слабой выраженности линейности ступенивает принцип поколений, ведет к смешению поколений. Особенно велика в этом смешении роль такого критерия, как относительный возраст альтера.

Относительный возраст в подсистеме кровного родства релевантен в трех поколениях: нулевом, в двух восходящих — первом и втором. Критериями служат возраст эго и связующих родственников: родителей, деда и бабушки, иногда еще прадеда и прабабушки. Спорадически критерием для определения относительного возраста альтера может стать возраст старшего ребенка эго. В подсистеме свойства при классификации родственников жены (мужа) критериями являются возраст жены (мужа) и ее (его) родителей. По отношению к супругам родственников, различаемым особыми терминами, эго исходит из возраста этих связую-

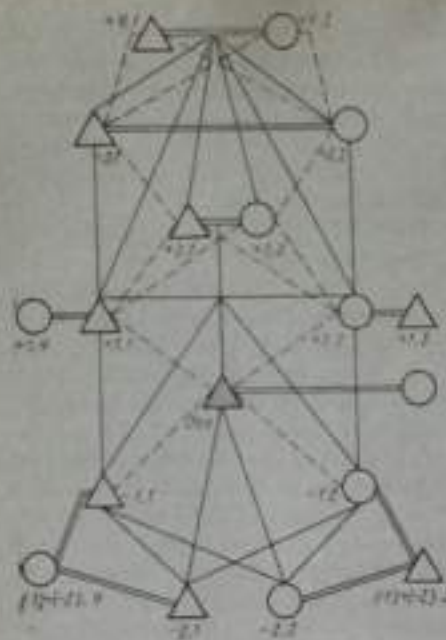
щих родственников. Конкретные проявления этого принципа во всех частностях увидим при рассмотрении структуры родственных отношений. Здесь же отметим, что относительный возраст альтера является, пожалуй, самым универсальным принципом башкирской системы, пронизывающим ее всю снизу доверху.

СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ. СТУПЕНИ И КАТЕГОРИИ РОДСТВА

Такие компоненты, как пол альтера и пол эго, характер родственной связи и линейность, обуславливают членение родственных отношений и соответственно деление родственников по горизонтали, а то время как градация их по вертикальной шкале осуществляется с помощью поколенного и возрастного принципов. При этом поколенный принцип, выделяя родителей эго и в очень слабой мере (лишь в референтивных целях) детей, деда и бабушку, замечает только основные вехи этой градации, а самую классификацию родственников в вертикальном разрезе проводит уже возрастной принцип. В результате возникает довольно стройная поколенно-возрастная иерархическая лестница, каждое звено которой в зависимости от релевантности принципов, осуществляющих горизонтальное членение (пол, характер родственной связи), делится на две или четыре ячейки. Каждая ячейка идентична **категории родства**, различаемой особым термином.

Таким образом, каждое звено вертикальной классификации объединяет две или четыре категории родства по относительному возрасту или принадлежности к тому или иному поколению (родители, дети и внуки). Даже в тех случаях, когда поколенный принцип как будто полностью игнорирован, идея поколения присутствует в самом понятии относительного возраста. Исход из такой двойной природы звеньев, в предыдущих наших работах они были названы поколенно-возрастными группами [Викбулатов, 1964а, 1964б]. Поскольку слово «группа» нами и другими авторами часто употребляется в других значениях, представляется более правильным именовать звенья поколенно-возрастной лестницы **ступенями родства** и нумеровать их по восходящей и нисходящей линиям, начиная от центра (эго).

Структуру подсистемы кровного родства дает схема, с. 28. Генеалогические связи в ней обозначены сплошной линией, брачные — двойной, сиблинговые и кузенные — пунктиром. Как видно по схеме, первую восходящую ступень (+1) составляют кровные родственники-старше эго, но младше его родителей. Ступень эта объединяет людей в основном двух поколений — нижнюю часть поколения +1 (родных и коллатеральных братьев и сестер отца и матери) и верхнюю — нулевого поколения (сиблингов и кузенов эго). В условиях патриархальной и политаминой семьи не исключена также возможность включения в представители поколения -1 (племянников и племянниц эго старше него). Реле-

термину также прибавляются их имена или детерминативы *оло* 'старший', *ургансы* 'средний', *кесе* 'младший', но обычно к одному из них обращаются только с помощью родственного термина, иногда в видоизмененной ласкательной форме (*абыйкай*). Один и тот же термин употребляется в вокативных и референтивных терминах; лишь в тех случаях, когда возникает необходимость точно обозначить родство, прибегают к описательным инструкциям. Пример: «*Мин уны агай туган, ул бит эсдәкәдем бер туган энеһе*» («я его называю агай, ведь он родной младший брат моей матери»).

+1.2. Кровные родственники женского пола: старшие сестры эго (всех степеней), младшие сестры (любых степеней) отца и матери, племянницы старше эго, женщины этого возраста, родившиеся в этой деревне, которые не являются женами кровных родственников эго. Все они называются *алай*, лишь на севере и северо-западе, в зонах интенсивных контактов башкир с татарами, бытует термин *туғай*, *туғай*. Характер применения и сфера бытования термина такие же, как и для категории +1.1.

+1.3. Мужья родственников категории +1.2. Термин обращения, единый для всех групп башкир, — *йезнә* (местами при обращении в форме *йезнәй*). В северных и северо-западных районах термин этот имеет несколько иной фонетический облик — *жиһани*, *жиһанәй*. Термин одновременно референтивный, при обозначении альтера в разговоре с третьим лицом термин употребляют чаще в сочетании с именем или одним из детерминативов относитель-

ности пола и характер родства ведут к образованию четырех категорий родства.

+1.1. Кровные родственники мужского пола: старшие братья (родные и коллатеральные) эго, младшие братья родителей эго, племянники эго старше него, односельчане старше эго, но младше его родителей. Всех мужчин этой категории эго называет при обращении *агай* (на юго-востоке известна звательная форма *ағый*); на северо-западе и кое-где на северо-востоке употребляется еще термин *абый* (вариант: *абый*). К дальним родственникам как восторженным людям (перодственникам) обращаются с прибавлением к термину имени альтера. Когда у говорящего несколько старших братьев или дядьев, при обращении и ним к

вию возраста. Как и в других категориях, при необходимости прибегают к помощи описательных формул: *оло ағайымдың ире* («муж старшей из старших сестер»), *атағайымдың ике туган һеңсәһенәң ире* («муж двоюродной младшей сестры отца»).

+1.4. Жены родственников категории +1.1. И здесь применяется общераспространенный термин *йеңә* (местами в звательной форме *йеңәй*, *йеңәсәй*) с диалектными вариантами *жиңси*, *жиңсәй*, *жиңсәсәй* (северо-западная зона).

Во всех четырех категориях пол эго не влияет на употребление того или иного термина.

Вторую восходящую ступень (+2) представляют родители. Отец всюду обозначается словом *ағай* (кое-где при обращении *ағый*). Диалектные отклонения представляют видоизменения того же корня: *этей*, *эткәй*. Как ни парадоксально, единого для всех башкир термина, обозначающего мать, не имеется. В южной зоне расселения башкир, начинающейся несколько южнее г. Уфы, мать называют *эсәй* (в восточной части этой зоны параллельно бытует звательная форма термина *эсәй*), в бассейне р. Демы (юго-запад), в центральной и северо-восточной Башкирии, а также в Челябинской и Курганской областях — *инәй*. На остальной территории (север и северо-запад) местами бытует термин *инәй*, а больше — его видоизменения *эней*, *эни*, *инәкәй*, *энкәй*.

В этой ступени идеи поколения и линейности выражены в полной мере.

Рубежами третьей восходящей ступени (+3) служат возраст родителей эго и возраст деда и бабушки. Она охватывает верхнюю часть поколения +1 (старших сиблингов и кузенов родителей) и нижнюю часть поколения +2 — младших братьев и сестер (родных и коллатеральных) деда и бабушки. Как и в первой восходящей ступени, здесь также могут оказаться представители смежных поколений, в частности из поколения +3 (младшие дяди и тетки деда и бабушки). В отличие от второй ступени здесь представлены только боковые линии родства: оба возрастных критерия делят людей не только по вертикальной шкале, но и одновременно отсекают прямую линию родства (главным образом родителей) от всех боковых линий. Зато боковые линии в современной системе каждая в отдельности никак не обозначены. Не выделено родство по отцовской и материнской линиям; более того, характер родственной связи также не релевантен: жены братьев отца, деда, матери или бабушки обозначаются теми же терминами, что и сестры этих родственников. Так же обстоит дело с мужьями кровных родственников: они называются так же, как и братья родителей, деда и бабушки. Имеет значение только один критерий — пол альтера. Соответственно выделяются две категории родства.

+3.1. Мужчины: старшие братья отца и матери, младшие братья деда и бабушки (по линии отца и матери); мужья старших сестер отца и матери, младших сестер деда и бабушки; пожилые люди этого возраста, если они не приходится эго сватьями, тестем или свекром.

Термины: *бабай/бабай/бувай* (распространен примерно на той же территории, что и термин *инэй* и значение 'мать'), *олатай* (южные районы), *ама* (юго-восток). В некоторых селениях на севере и северо-востоке встречаются сложные термины *дэу этэй* 'большой отец' (Красноуфимский р-н Свердловской обл.), *зур этэй* 'большой отец' (Бакалинский р-н БАССР). На стыке Башкирской и Татарской АССР мужчины этой категории родства называют *абый*, точно так же, как старшего брата или дядю младше родителей (ступень +1, категория 1).

+3.2. Женщины: старшие сестры отца и матери, младшие сестры деда и бабушки (по обеим линиям), жены старших братьев отца и матери, младших братьев деда и бабушки, женщины этого возраста, если они не являются в отношении к эго сватками, тещей или свекровью.

Термины: *эбей* (ареал, одинаковый с термином *бабай*), *инэй* (распространен в основном в тех районах, где в значении «мать» употребляется термин *эсэй*). Кое-где бытуют названия *дэу эки* 'большая мать', *зур инэй* 'большая мать', *гүтэй* (*гүткэй*) 'старшая сестра' (распространены соответственно в тех же местах, что и термины *дэу этэй*, *зур этэй*, *абый*).

Четвертая восходящая ступень (+4) — это дед, бабушка и родственники старшие них, но младше прадеда и прабабушки. Терминами выделены две категории родства, различаемые по полу.

+4.1. Мужчины: дед (по обеим линиям), старший брат деда и бабушки, младший брат прадеда и прабабушки, мужчины в ауле, старшие деда, не состоящие в отношениях свойства к эго. Все они называются *олатай* (южная Башкирия), *картай* (центральная, юго-западная и северо-восточная Башкирия), *картатай* (термин распространен островками в разных частях края); *картэтей* (северо-западные районы), *зур этэй* (запад), *бабай* (на стыке ТАССР).

+4.2. Женщины: бабушка (по обеим линиям), старшая сестра деда или бабушки, младшая сестра прадеда или прабабушки, женщины этого возраста в ауле. Применяются термины: *олэсэй* (южная Башкирия, ср.: *олатай*), *хэртэй* (территорию см. *картатай*), *картинэй* (ср. *картатай*), *картэней* (запад), *эсэй/эсэй* (р. Инзер, верховья р. Белой), *нэйэй* (центральная Башкирия), *хэртэй/картыкай* (северные районы), *эбей* (ср.: *бабай*).

Как видно, в этой ступени прямая и боковые линии родства слиты воедино. Не различаются также отцовская и материнская линии родства. Однако в идиоматическом обиходе сложилось и рядом проследить выделение прямых предков от их братьев и сестер с их родственникам боковых линий в этой ступени наименовано родства применяется в сочетании с их именами или, реже, с прибалением детерминативов «старший», «дальний», «почтенный» и т. д., в то время как к родному деду или бабушке обращаются только с помощью термина родства.

В некоторых местах наблюдается тенденция отделять боковых родственников особым термином. В частности, в Давлекановском

(д. Бурангулово), Чишминском (д. Караякупово), Иглинском (д. Тихоево, Нижняя Лемеза), Федоровском (д. Бала Четырман), Архангельском (д. Тобакачехо), Аскинском (д. Гумбино) районах старшего брата деда или бабушки, а также всех мужчин этого возрастного класса называют *бабай*, т. е. точно так же, как и мужчины ступени +3. Для женщин в тех же районах применяется термин *эбей*. Чтобы отличить этот возрастной класс от ступени +3, к названным терминам местами присоединяют определение «большой» с теми или иными диалектными вариациями.

Необходимо отметить еще одно обстоятельство: на крайнем юго-востоке (Баймакский, частично Абзелпловский, Белорецкий, Учалынский районы) по-разному называют мать отца и мать матери, но для обозначения обоих дедов применяется один и тот же термин.

Таким образом, выделение рассматриваемой ступени родства проведено не очень твердо. В ряде мест фактически произошло разграничение ее на две самостоятельные ступени.

Еще менее четко вырисовывается самая верхняя, пятая восходящая ступень родства (+5), объединяющая прадеда, прабабушку и родственников старшие них. Точнее, выделение этой ступени практически не получило завершения и в нашей схеме она не показана. При обращении к людям из этого поколенно-возрастного класса применяют составные термины, представляющие сочетание одного из определений «старший (-ая)», «старый (-ая)», «большой (-ая)» и слова, обозначающего деда или бабушку. И все же в процессе общения различение этой ступени осуществляется реально.

В нисходящей линии классификация кровных родственников и их супругов производится по-разному: кровные родственники образуют две ступени родства, а их супруги — только одну.

Первую нисходящую ступень (-1) кровного родства образуют младшие родственники эго, все те, кто не может быть отнесен к категории «детей». Разделение их по полу дает две категории родства.

-1.1. Мужчины: младшие братья эго (родные и коллатеральные), племянники эго — дети старших братьев и сестер, младшие дяди эго; люди моложе эго, но старше его детей.

Термины: *эмэ* (с вариантами *энекэ*, *энекэш*) распространен во всей северной половине территории расселения башкир, известен также в значительной части южных районов; *кусты* (юго-восточная Башкирия); *мырза* (южные районы), *мырты* (встречается эпизодически, параллельно с терминами *кусты* и *мырза*). Кроме того, почти всюду при обращении к младшим родственникам употребляют слово *гүган(ым)*, основное значение которого идентично понятию «родственник», «родной». В Федоровском, Стерлибашевском и Кумертауском районах (юго-запад) слово это имеет значение основного термина для рассматриваемой категории родства.

-1.2. Женщины: младшие сестры эго (родные и коллатеральные), племянницы эго — дочери старших братьев и сестер, младшие тетки эго; женщины младше эго, но старше его детей.

Основной термин, распространенный повсеместно, — *Һенле* (диалектные варианты: *Һенле, Һенде, Һенде, Һенде, Һенде*). В ряде районов распространены особый термин, применяемый только мужчинами, — *Харындаш/Харындаш/Харындаш*. Буквальный смысл термина — «единутробница». Местами женщина эго обращается к младшим родственникам с помощью термина *туған(ым)* — «родная», «родственница моя». Имеется еще один синонимический термин, употребляемый преимущественно мужчинами — *Һылым/Һылым* (букв. «красавица»).

Вторая нисходящая ступень (-2) — дети и внуки эго, дети младших родственников: младших братьев и сестер (племянники и племянницы эго), младших дядей и теток (кузены и кузины). Различаются две категории родства (по полу).

-2.1. Мужчины — *ул(ым)*, реже, в применении к малышам, — *малый(ым)*.

-2.2. Женщины — *кыз(ым)*.

Термины *малый, кыз/кызы/кызыкай* означают также «мальчик», «девочка» или «девушка» вообще. Существует и общий термин для представителей обоего пола — *бал(ым)* «дети (мое)». В референтивном контексте термины *ул(ым)* и *кыз(ым)* с притяжательным местоимением или аффиксом притяжательности означают только собственного сына или дочь. Понятия «внук», «племянник», «внучатый племянник» и т. д. передаются с помощью комбинации указанных терминов с другими.

Как можно было заметить, грани между первой и второй нисходящими ступенями размыты. Здесь, практически нет собственного критерия относительного возраста и представители их различаются между собой в зависимости от того, к какой ступени (и +1 или -1) относятся их родители. Дети старших братьев и сестер эго относятся к ступени -1, а дети младших братьев и сестер — к ступени -2. Похоже, что здесь в силу вступает поколенный принцип, но действие его ограничено принципом относительного возраста в поколениях эго. Но в тех случаях, когда эго обращается к неродственному значительно моложе себя, он, прежде чем назвать его своим собственным ребенком, выискивает, старше или моложе этот человек его собственных детей. В первом случае он называет его так же, как своих младших братьев (ступень -1), во втором — как детей (-2).

Слабая выраженность грани между ступенями -1 и -2 находится, видимо, в определенной связи с тем, что супруги кровных родственников в этих ступенях никак не ограничены. Иными словами, башкиры одинаковыми терминами обозначают супругов детей, внуков, младших сиблингов и кузенов(-ни), младших племянников(-ниц), дядей и теток, различая их между собой по полу.

(-1)+(-2).3. Мужья кровных родственников нисходящих ступеней (-1 и -2). Везде они именуется *кейәу*, диалектных терминов нет.

(-1)+(-2).4. Жены кровных родственников ступеней -1 и -2. Здесь также нет диалектных терминов, повсюду безраздельно господствует одно наименование — *кален*.

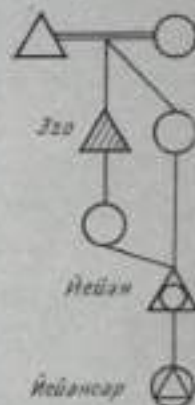
Такова подсистема кровного родства башкир в современном состоянии. Однако до недавнего времени сохранялись некоторые термины, свидетельствующие о существовании в прошлом структурообразующих принципов, релевантность которых ныне утрачена.

В восточной, центральной и отчасти юго-западной Башкирии бытовал особый термин для обозначения сына сестры и сына дочери — *Йейән/Жыян*. Детей *Йейән* именовали *Йейәнсәр/Жыянсәр*. В литературе уже отмечалось, что термин этот имел и более широкий смысл — этим словом называли детей женщины, вышедшей замуж в другую деревню, ее односельчане. Местами говорят, что *ейән* — ребенок дочери, сестры, племянницы, воспитывавшийся у ее родителей. С добавлением слова *кыз* «девушка, девочка» (в форме *ейән кыз*) термин этот приложим также к лицам женского пола. По аналогии с этим нередко и лиц мужского пола называют составным термином *ейән ул* (*ул* — «сын»).

Термин этот помнят кое-где и ныне. Но точные пределы значения термина забыты. Никто не знает, называли ли так детей сестры отца или только собственной сестры, не помнят, во всех ли случаях применялся этот термин или только когда говорящий (эго) — мужчина, и т. д. В горной Башкирии, в бассейне р. Инзер и верховьях г. Белой говорят, что *Йейән* означал детей женщины или мужчины, уехавших из родного села и живущих где-то в другом месте. Как видно, в этом случае произошел сдвиг в значении термина, он начал означать «кровный родственник, родившийся на чужбине».

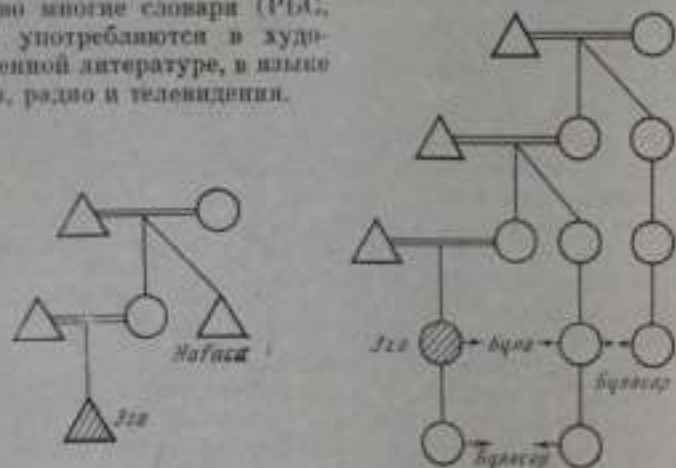
Йейәнсәр означает в литературном языке «внучка». В определенной связи со словом *Йейән* находится термин *нағаса*; так именовали на юго-востоке брата матери или, вообще, мужскую родню матери. В иных контекстах *нағаса* звучит для женщины как «отчий дом», «родина». В целом термин забыт народом намного сильнее, чем *Йейән*, но активное существование его в прошлом предопределено еще тем, что он занимал противоположную позицию к термину *Йейән*. Иными словами, если мужская родня женщины выделяла особым термином ее детей, то и последние должны были как-то называть ее братьев, дядей и родителей.

С различием линий родства были связаны термины *булә* и *буләсәр*. Ареал их — восточная Башкирия, можно предположить его бытование и в южных районах. *Булә* был термином взаимного обращения для детей двух сестер: дети *булә* называли друг друга *буләсәр*.

В терминах *ейдэн*, *наҫаса*, *була* довольно рельефно выражены идеи бифуркации и поколенной принадлежности. Насколько последовательно были проведены эти принципы, насколько активными они были в сфере обращения и как велика была территория их распространения в отдаленном прошлом, сказать трудно. Больше свидетельств сохранилось о широком распространении и более интенсивном функционировании только одного из них — *ейдэн*.

В башкирской литературный язык рассмотренная группа терминов вошла в несколько иных значениях: *ейдэн* означает внука, *ейдэнсәр* — внучку, *була* — правнука, *булаһсәр* — правнучку. Именно в этих значениях они включены во многие словари (РСС, БРС), употребляются в художественной литературе, в языке прессы, радио и телевидения.

Практика эта основана на недоразумении или ошибке, начало которой положил видный башкирский лексикограф и диалектолог Т. Г. Башшев. В его книге «Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку» [М., 1955, прил. 1] содержатся сведения, будто бы башкиры в прошлом четко различали прямых потомков до шестого поколения. Мужская линия: *ата* 'отец' — *ул* 'сын' (1 поколение) — *ейдэн* 'внук' — *була* 'правнук' — *тыуар* 'праправнук' — *тыуа ят* 'прапраправнук' — *ете ят* 'прапрапраправнук'; женская линия: *әсә* 'мать' — *кыз* 'дочь' — *ейдэнсәр* 'внучка' — *булаһсәр* 'правнучка' — *тыуасар* 'праправнучка' — *тыуа ят* 'прапраправнучка' — *ете ят* 'прапрапраправнучка'. Позднее эти сведения были использованы в работах Р. Г. Кузеева [1957, с. 39] и Х. Г. Юсупова [1959], которые вслед за Т. Г. Башшевым такую многоярусную градацию в исходящих поколенных связывали с брачными запретами между родственниками до седьмого колена (поколенная экзогамия). В работе Р. Г. Кузеева приводится со смысловой на полевые записи 1956 г. вполне созвучная по смыслу поговорка: «*Туғандан тыуыр ейдэнсәр, ейдэнсәрҙән тыуыр булаһсәр, булаһсәрҙән тыуыр тыуасар, тыуасарҙан тыуыр ят*» («От кровной родственни-

цы родится *ейдэнсәр*, от *ейдэнсәр* родится *булаһсәр*, от *булаһсәр* родится *тыуасар*, от *тыуасар* родится *чужой*»).

В процессе сбора полевого материала и всюду уделял особое внимание приведенной группе терминов, но нигде не удалось получить сведения, подтверждающие градацию Т. Г. Башшева. Лучшее сохранилась память о терминах *ейдэн* и *ейдэнсәр*, весьма слабо — о *була* и *булаһсәр*. Везде, где их еще помнили, содержание соответствовало тому, что было положено нами выше, и в полной мере совпадало со значениями их параллелей в других тюркских и монгольских языках. Наименования *тыуар* и *тыуасар* оказались полностью забытыми.

Было ясно одно: термины эти бытовали и были связаны с различием боковых линий родства. Я пытался реконструировать цепочку соединения боковых линий с помощью приведенной выше поговорки. Но цепочка обрывалась уже на втором звене: дети *туған* 'сестры, младшей кровной родственницы' мне приходится *ейдэн*, дети двух *туған* 'сестер' именуют друг друга *була*, а я называю их *ейдэнсәр*, дети двух *була* (моих *ейдэнсәр*) *булаһсәр*. Обязательное условие для этой цепочки — это женщина; но точка отсчета меняется, так как термины *була* и *булаһсәр* — взаимные. Даже при этих условностях звенья цепи не совпадают с построением Т. Г. Башшева.

И все же в одном пункте (в д. Термезево Салаватского р-на, северо-восток Башкирской АССР) нам удалось записать в 1968 г. сообщение, напоминающее запись Р. Г. Кузеева: «*Ике туғандан + була, буланай булаһсәр, шунаң тыуасар, анаң туғандан + тыуа ят*» «[Рожденные] от двух сестер — *була*, от *була* — *булаһсәр*, затем *тыуасар*, от нее (него) рожденный — *тыуа ят*».

Как можно было заметить, в этой цепи нет звена *ейдэн* — *ейдэнсәр*. Это естественно, так как речь идет о мере удаления родственных отношений между параллельными кузенами со стороны матери, в то время как *ейдэн* относится к перекрестной кузенной линии со стороны отца. Приведенная запись примечательна тем, что она подтверждает существование в прошлом терминов *тыуасар* и *тыуа*; обозначая одну из боковых линий родства, они, вероятно, отражали также степень удаления от одного общего предка.

Отсюда можно заключить, что какие-то основания строить генеологическую цепь подобно той, которая приведена у Т. Г. Башшева, по-видимому, были. Ее нужно рассматривать как попытку проецировать освободившиеся от обозначения боковых линий термины на прямую линию родства в исходящих поколениях. Не случайно, что необходимость такой иерархии исследователи (по-видимому, и информаторы) объясняли брачными запретами. И в нашем случае информатор следующим образом поясняет термин *тыуа ят*: «*Дурт атаһы сығып боткән, тыуа ят, никаһланмыра һәмкин*» («До четвертого колена отцы разные, [этот] совершенно чужой, можно вычлаться»).

Собственно, сочетания *тыра ят* и *сте ят* не относятся к терминам родства, они являются антонимами слова *тыуган* 'родственник' и переводятся на русский язык 'совершенно чужой' и 'семь раз чужой'.

Генеалогическая цепь Т. Г. Башева могла возникнуть лишь тогда, когда рассматриваемые термины уже утратили прежнее значение. Иначе трудно объяснить соединение в одну линию терминов *бейба* и *була*. И аффикс *-сэр*, заимствованный из монгольских влизов [Шаровская, 1961, с. 52; Севортян, 1978, см. слово *боло*], и в башкирских говорах, и в других тюркских языках применяется для обозначения принадлежности младшему поколению [Абрамзон, 1976]. Эти термины утратили первоначальное значение, когда старая бифуркативно-коллатеральная система родства была разрушена, но одновременно они свидетельствуют, что такая система или определенные специфические компоненты такой системы существовали.

СТРУКТУРА ПОДСИСТЕМЫ СВОЙСТВА

Подсистема свойства (родственники жены или мужа) строилась в основном на тех же структурных принципах, как и подсистема кровного родства. Однако имеются заметные различия, которые, на наш взгляд, проливают свет на историю формирования современной системы родства. Во-первых, ступеней меньше, во-вторых, принципы линейности и поколений выражены еще слабее, чем в подсистеме кровного родства. В полной мере совпадают лишь ближайшие к это по возрасту ступени и категории родства.

Однако, прежде чем перейти к рассмотрению структуры подсистемы свойства, остановимся на терминах для обозначения супругов.

Наиболее распространенный простонародный референтивный термин, обозначающий жену, — *бисэ*. В настоящее время местами это слово обрело оттенок пренебрежительности, особенно при использовании его для прямого обращения. Более уважительное значение имеет *хатын/хатын*. (Оба термина употребляются в речи еще в смысле «женщина».) На юге и западе Башкирии жену называют также *эбей*. На юго-востоке принято называть ее *эй кеше*. В последние десятилетия распространился термин, общий для обоих супругов, — *илгэш* 'товарищ' (термин референтивный). Молодую жену именуют *кэләш*, старую — *харсык* 'старуха' (термины универсальные).

Муж — всюду *ир*. Женых, молодого мужа называют *кэйбэу*. Пожилой муж в ряде мест именуется *обышка*; термин этот имеет значение также «вдовец», «разведенный». Поредко мужа называют *харт* 'старик/бабай' (термины универсальные), *хужа* 'хозяин'.

При обращении было принято не называть жену и особенно мужа по имени. К мужу и жене обращались со словами *эй* (же-дометие), *лиа* 'ты', *атайм* 'отец' (чей-то), *шәһе/әсәһе* 'мать' (чья-то), *хара эле* 'смотри' и т. д. Говори о муже со своими деть-

ми или младшими родственниками мужа, женщина называла его *атайм* 'отец твой', *атайм* 'старший брат/дядя твой' и т. п. В советскую эпоху все большее распространение получает обращение к жене (мужу) по имени. Но почтительное умалчание имени все же сохраняется.

Первая восходящая ступень свойства (+1) включает родственников жены (мужа) старше нее, но моложе ее родителей. В данном случае ступени кровного родства и свойства почти идентичны. По роду и характеру родства с женой (мужем) эту ступень делится на четыре категории:

+1.1. Кровные родственники жены (мужа) мужского пола: старшие братья (родные и коллатеральные), младшие братья родителей жены (мужа), другие родственники или односельчане жены (мужа) этого возраста.

Это (мужчина, пол это релевантен) называет их повсеместно *кэйнага*. В референтивных целях применяются описательные конструкции, передающие генеалогические линии и степени родства. Это (женщина) во всей южной, восточной, центральной и юго-западной Башкирии к свойственникам этой категории обращается также с помощью термина *кэйнага*. В северных и северо-западных районах распространен термин *бейбага(й)*, хотя в ряде мест, особенно среди старшего поколения, параллельно бытует обращение *кэйнага*. Одновременно наблюдается прогрессирующая тенденция замены термина свойства соответствующими родственными терминами *ағай* и *абый* (это — женщина).

+1.2. Кровные родственники жены (мужа) женского пола: старшие сестры жены (мужа), младшие сестры родителей жены (мужа), другие кровные родственники жены (мужа) в этом возрасте.

Наиболее распространенный термин, применяемый преимущественно мужчинами, — *кэйымбикэ* (диалектные варианты: *кэйенбикэ*, *кэйымбикэ*, *кэйликэ*). География термина та же, что и у *кэйнага*. Термин этот употребляется и женщинами при обращении к родственникам мужа, но на более ограниченной территории. Для случаев, когда это — женщина, существует еще один особый термин *бикем*, распространенный в южных и юго-западных районах. На севере и западе встречается термин *кэйнегэс/кэйнигэч* (это — мужчина). Широкое распространение получило обращение к свойственникам этой категории с помощью родственных наименований *тутай/тутай* и *ана* (запад).

+1.3. Мужья кровных родственников мужа, относящихся к категории +1.2. Это (женщина) обращается к ним со словами *кэйенбегэ* (в районах, где распространены термины *кэйнага*, *кэйенбикэ*) и *йегэ/йегэ/жигэ* (в западных районах).

Мужья родственников жены (это — мужчина) сюда не относятся; об этом подробнее будет сказано ниже.

+1.4. Жены кровных родственников жены (мужа), относящихся к категории +1.1. Это (мужчина) называет их *кэйенбегэ/кэйымбегэ* (восточная, южная Башкирия, отчасти северо-за-

падные районы), реже — *йеңгә* (варианты: *жиңги*, *жиңгәләй*). Для женщины это всюду один термин *йеңгә* с его диалектными вариантами, т. е. особого термина для жен старших братьев и дядьев мужа не имеется, женщина это при обращении называет их так же, как и муж. Зато имеется другой, референтивный, термин, объединяющий их с женами младших родственников мужа.

Первая нисходящая ступень (-1) — младшие родственники жены (мужа), входящие в первую нисходящую ступень в подсистеме кровного родства*.

Категория:

-1.1. Кровные родственники жены (мужа) мужского пола: младшие братья жены (мужа), младшие дяди и племянники (дети старших братьев, сестер, дядьев и теток) жены (мужа). Мужчины (это) именуют их *кәйнеш* (юг, юго-восток и юго-запад), *балдыр/балдыр* (север, северо-восток, Челябинское Зауралье). Для женщины (это) существует множество терминов: *кәйнеш* (юг, юго-восток и юго-запад), *кәйенне* (Челябинская и Курганская области), *тәһәй* (северо-восток БАССР), *әһнага/әһнагай/жанагай* (запад), *ул бала* (север).

-1.2. Кровные родственники жены (мужа) женского пола: младшие сестры (родные и коллатеральные) жены (мужа), младшие тетки и племянницы (дочери старших братьев, сестер, дядьев и теток) жены (мужа). Мужчины (это) повсеместно именуют их *балдыр* (варианты: *балдыр*, *балдыр*), примечательно, и здесь термины для женщины (это) характеризуются наличием диалектных различий: в Зауралье, центральной и западной Башкирии распространены термины *кәйендәңгә* (с диалектными вариантами *кәйендәңгә*, *кәйендә*, *кәйендәг*, *кәйендәңгә*), на юго-востоке — *бахәс*, на севере — *хыдуар*, *хыду бала*. Было принято также обращаться к младшим сестрам мужа с ласкательными словами *һымыу*, *сигор хыд* или различать их между собой с помощью наименований, указывающих на их относительный возраст: *уртансы хыд* 'средняя девушка'; *өлкәм хыд* 'старшая девушка'. Старшую золовку в Челябинской обл. женщина называла еще *кәһһи*.

Как можно было заметить, в северной и северо-восточной Башкирии, в Челябинской и Курганской областях младших братьев и сестер, племянников и племянниц жены (ступень -1) мужчины (это) называет совершенно одинаково. Таким образом, пол альтера в данном случае оказывается не релевантным.

-1.3. Мужья кровных родственников мужа, относящихся к категории -1.2. Женщина (это) всюду у башкир именует их *кәйәу*, т. е. точно так же, как и мужья своих младших кровных родственников. Среди молодежи, особенно городской, постепенно возобладает тенденция обращаться к лицам этой категории по имени.

Мужья кровных родственников жены, как и в ступени +1, сюда не относятся; подробнее об этом будет сказано ниже.

-1.4. Жены кровных родственников мужа (жены), относящихся к категории -1.1. Это (и мужчина и женщина) при обращении называет их *кәйен*, т. е. соответствующим термином подсистемы кровного родства.

Имеется особенность, связанная с группировкой супругов кровных родственников мужа и жены в ступенях +1 и -1. Заключается она в объединении мужей кровных родственников жены ступеней +1 и -1 (это — мужчина) и жен кровных родственников мужа тех же ступеней (это — женщина).

Мужья кровных родственников жены, входящих в ступени +1 и -1, именуется одним термином — *бажи* (диалектных различий нет). Получается противоречие: это (мужчина) четко различает старших и младших сестер, теток и племянниц жены по их возрасту и отношения к жене, но никак не разграничивает их мужей. Не имеет значения и возраст *бажи* относительно к возрасту родителей жены, так как теоретически (иногда и практически) *бажи* может оказаться старше их.

Аналогичное явление наблюдается в отношениях женщины (это) к женам родственников мужа в первой восходящей и нисходящей ступенях. При прямом обращении к ним она дифференцирует их по относительному возрасту их мужей, но одновременно существует особый термин, общий для обозначения жен старших и младших родственников мужа (ступени +1 и -1), — *аһһын* (диалектные варианты *аһһын*, *аһһын*, *аһһын*, *аһһын*). При разговоре с кем-либо женщина (это) говорит, что такую-то женщину она называет *аһһын*, потому что она является женой старшего (младшего) брата или дяди мужа, что ее и той женщины мужа приходится друг другу *аһһын* (старший и младший родственники одного поколения). Как видно, референтивная функция термина *аһһын* весьма ограничена, он не в состоянии обозначить конкретное отношение родства (свойства) между это и альтером. Таким недостатком обладает большинство вокативных терминов, и это убеждает нас в том, что в прошлом термин *аһһын* был также вокативным, применялся в процессе непосредственного общения двух лиц.

Таким образом, под это, пол альтера и пол связующих родственников этой ступени находятся в сложных взаимоотношениях.

Родители жены (мужа) и все остальные ее (его) родственники старше родителей по-разному группируются терминами свойства. В восточной Башкирии, в Челябинской и Курганской областях, в центральной и юго-западной части Башкирской республики все эти родственники вместе составляют одну восходящую (+2) ступень свойства, образуя две категории свойства, различаемые по полу.

+2.1. Мужчины: отец жены (мужа), старшие братья отца и матери жены (мужа), мужья старших сестер отца и матери жены (мужа), младшие братья деда и бабушки жены (мужа), мужья младших сестер деда и бабушки жены (мужа), дед жены (мужа), остальные родственники старше родителей, деда и бабушки жены

* Иной порядок рассмотрения ступеней, чем в подсистеме кровного родства, обусловлен особенностями структуры подсистемы свойства.

(мужа). Термины (мр ж*): *кайм(ым)/кайма* (восточные, частично — юго-восточные районы, Челябинская и Курганская области), *бабай* (центральная и юго-западная Башкирия); эго ж*: *кайм(ым)/кайма* (на всей территории, где существует данная категория родства в рассматриваемом объеме родственных отношений). Как видно, на значительной территории, где распространен термин *кайма*, пол эго не релевантен.

+2.2 Женщины: мать жены (мужа), старшие сестры отца и матери жены (мужа), жены старших братьев отца и матери жены (мужа), младшие сестры деда и бабушки жены (мужа), жены младших братьев деда и бабушки жены (мужа), бабушка жены (мужа), остальные родственницы старшие родителей, деда и бабушки жены (мужа). Термины (эго ж): *кайма, эбай* (распространены соответственно на той же территории, что и *кайм/кайма* и *бабай*); эго ж: *кайма, бейем* (юг и юго-восток).

Таким образом, термины для обеих категорий охватывают большой объем отношений родства (свойства). При непосредственном общении эти люди различного возраста и находящиеся в весьма разных отношениях родства различаются путем добавления к термину личного имени альтера (дальние родственники) или детерминативов «большой», «старший», «старый» (к старшим братьям и дядьям тестя, свекра, к деду жены или мужа и т. д.).

В ряде районов введен критерий относительного возраста родителей, деда и бабушки жены (мужа). В результате рассмотренная вторая восходящая ступень подсистемы свойства расчленена на три самостоятельные ступени. Тем самым структура подсистемы свойства максимально приближена к подсистеме кровного родства. Возрастные критерии и здесь одновременно разграничивают прямую и боковые линии родственников жены (мужа).

При такой классификации вторую восходящую ступень составляют родители жены (мужа), третью (+3) — родственники старшие родителей, по моложе деда и бабушки, четвертую (+4) — дед, бабушка и родственники старшие инд. Тогда к отцу жены (тестю) мужчина обращается со словами *каймым* (центральная Башкирия), *каймим эти, каймаги* (север), к свекрови — *кайма* (см. *каймим*), *каймаги* (север), а к представителям ступени +3 (к старшим сиблингам свекра и свекрови, их дядьям и теткам) — соответственно *бабай* и *эбай*, т. е. так же, как и к своим боковым кровным родственникам этого возраста. Женщина называет отца мужа *каймата, каймым эти* (север), *каймим* (центральная Башкирия), *бай ата/би атай* (запад); мать мужа — *кайма/кайма, каймаги* (центральная и северная Башкирия), *бай ана/би анай* (запад). Довольно широко принято обращаться к родителям жены и особенно мужа как к своим родителям.

В некоторых местах, хотя родители жены (мужа) и отделены от их старших сиблингов, дядьев и теток, но для последних осо-

бые термины не выработаны: они именуется так же, как младшие сиблинги и кузены жены (мужа). Выделение прямой линии родства (свойства) здесь произведено не с помощью критерия относительного возраста, а непосредственно, и принцип линейности выступает почти в чистом виде. К родителям тестя (тестя) и свекра (свекрови) обращаются с теми же терминами, что и к ним самим, прибавляя лишь соответствующие указатели на возраст, старшинство. И в данном случае стремление точнее обозначить прямую линию родства (свойства), характерное для малой семьи, выражено довольно настойчиво.

Остается еще одна группа родственников в широком понимании этого слова — родственники супругов кровных родственников эго или сваты. Рассматривая подсистему кровного родства, мы отметили, что в первой восходящей, в первой и второй нисходящих ступенях особыми терминами выделяются супруги (мужья и жены) кровных родственников. При этом для двух нисходящих ступеней термины оказались общими. В результате мы имеем четыре категории такого опосредствованного родства и соответственно четыре термина: *эма, кейду* (мужчины) и *ега, киле* (женщины), которые в русском языке близко соответствуют «зять», «невестка», «сноха».

Все родственники мужского пола зятя или невестки (снохи) у башкир всех районов называются *коза*. Имеются лишь слабые указания, что сватов-мальчиков именовали производным из этого термина словом *козорок* [Юсупов, 1950, с. 132]. Женщины-сваты подразделяются на две категории: *козакым* и *козаса*. Хотя оба термина имеют повсеместное распространение, содержание их заметно варьирует по районам. В значительной части восточных районов, включая территории Челябинской и Курганской областей, в центральной и юго-западной Башкирии термином *козакым* обозначают мать зятя или невестки и всех женщин, которые являются женами сватов. Связующему родственнику (зятю, невестке) они приходится невестками, снохами или тетками (жены старших дядьев). Термин *козаса* в этих районах означает тех женщины, кого зять или невестка (сноха) называют ала (кровная родственница ступени +1), *леңе* или *карымдам* (младшая сестра, племянница; ступень -1, категории 2), а также старших и младших сестер родителей зятя и невестки. В итоге терминами *козакым* и *козаса* последовательно делят родственниц зятя и невестки (снохи) на тех, которые родились в данном ауле (дочери и сестры сватов), и тех, которые пришли в этот аул откуда-то в качестве жен сватов (матери, жены и невестки/снохи сватов). Следы дуальных, во всяком случае экзогамных, брачных отношений просматриваются в этом делении довольно прозрачно.

Во многих местах, в том числе и на рассмотренной территории, принят несколько иной принцип разграничения терминов *козакым* и *козаса*: первый из них означает мать невестки (зятя) и женщины старшие нее, а все остальные, более молодые женщины — замужние и девушки — называются *козаса*. Часто возраст-

* Здесь и далее литерой ж обозначено слово «мужчина», литерой ж — «женщина».

ной критерий различения *козагы* и *козаса* весьма расплывчатый: молодые — *козасы*, повзрослевшие и старые — *козагы*. Как видно, в данном случае дуально-эзогамному делению свойственников (сватов) протавооборствует принцип возрастной классификации.

Существует еще один порядок классификации сватов: *козагы* называют только мать и бабу невестки (зятя), а всех остальных женщины из родни зятя (невестки) именуют *козаса*. Легко можно заметить, что здесь критерием зянт принцип линейности. Как видно, вариация содержания только двух терминов демонстрируют сложное взаимодействие трех принципов классификации родственников (свойственников) — дуально-эзогамного, возрастного и линейного.

Таким образом, мы рассмотрели структуру системы родства и свойства башкир, которая включает, по существу, три подсистемы: 1) кровные родственники эго, 2) родственники жены (мужа) эго и 3) родственники супругов кровных родственников эго. Третья подсистема («сваты») включает всего три термина, если исключить обозначения для связующих свойственников (супругов кровных родственников), а которая в общих чертах повторяет подсистему кровного родства.

Своеобразие башкирской системы родства наиболее полно выражено в подсистеме кровного родства. Обратимся снова к схеме 1. Из нее видно, что одни и те же типы (степени) родства (родной брат, брат отца и т. д.) отнесены к разным категориям в принятой системе родства и составляют разные звенья структуры, в то же время различные типы (степени) родства в их генеалогическом (биологическом) понимании в рассматриваемой системе составляют одну категорию родства (младший брат отца, старший брат эго, младший брат матери, младший дядя отца и т. д.). Полагать, что в этих случаях каждый индивид определяет свое родственное отношение к кому-нибудь, исходя из сложной генеалогической схемы, нет достаточных оснований. В большинстве случаев счет поколений, линий родства для него не имеет значения, и он объединяет людей по одному общему признаку — «кровные родственники», различая их по полу и возрастной шкале (в первой восходящей и двух нисходящих ступенях выделяются особыми терминами еще супруги кровных родственников).

Чтобы приблизить схему к представлению эго о родстве, мы сняли генеалогические линии, идущие к первой нисходящей, первой и третьей восходящим ступеням, и соединили эти последние пунктиром со звеньями, связанными между собой прямой линией родства: предки — родители — эго — дети (схема). Оказалось, что именно эти звенья образуют сердцевину системы и только между ними довольно четко сохранена генеалогическая схема. Каждое звено этой лесенки составляет тот рубеж, который делит всех остальных родственников не только на младших и старших, но одновременно отсекает их от главной (прямой) линии родства. Полученная схема, на наш взгляд, довольно точно демонстрирует пределы действия (релевантности) выделенных выше критериев.

Она показывает, что наиболее существенной особенностью системы является классификация родственников по их относительному возрасту. Такая классификация обусловила полное стирание границ между поколениями в боковых линиях и, частично, в прямой линии (между поколениями +2 и +3, -1 и -2). При этом весьма примечательно, что объединение в одной категории родства людей разных поколений сопровождается разделением одного поколения на две и более части. Эти обстоятельства делают почти невозможным применение к башкирской системе приемов описания и анализа, используемых при изучении систем со строгим разграничением поколений.

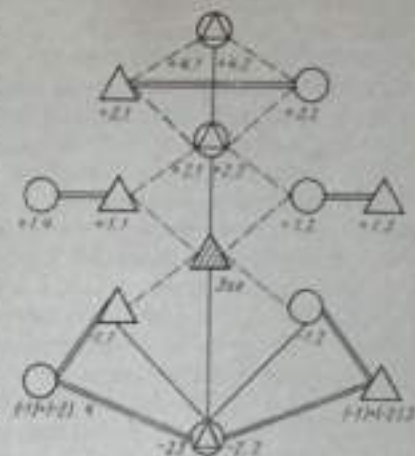
Широкая релевантность возрастного принципа привела также к множественности возрастных критериев. Как было видно из предшествующего изложения, такими критериями выступают: а) возраст самого эго; б) возраст отца и матери; в) возраст деда и бабуи (по обеим линиям); г) возраст жены (мужа); д) возраст родителей жены (мужа).

Кроме того, в терминах для супругов кровных родственников является релевантным относительный возраст последних. К примеру, жена старшего брата или дяди может быть моложе говорящего, но он обращается к ней как к старшей родственнице. Наоборот, к жене младшего брата он применяет соответствующий термин независимо от ее собственного возраста. Так же определяются родственные отношения эго к мужьям кровных родственников в ступенях +3 (муж старшей сестры отца или матери, младшей сестры деда или бабуи и т. д.), +1 и -1.

В некоторой степени может стать критерием также и возраст детей эго. Определяя с каким термином обращаться к какому-либо лицу моложе себя (к передственнику), эго исходит из того, старше это лицо по отношению к его сыну (дочери) или младше. В первом случае он называет его так же, как своего младшего брата, племянника, а во втором — термином, идентичным русскому «сын мой», «дети мои». Но это допускается лишь при обращении к людям посторонним, не находящимся в отношениях родства или свойства с эго.

Обзор структурообразующих принципов башкирской системы родства свидетельствует о большом своеобразии этой системы, о ее сложном отношении к существующим типологиям.

Л. Г. Морган системы родства тюркских и финно-угорских народов, которые он объединял под общим названием уральских, отнес к описательным. Основанием для этого послужили имен-

иные в его распоряжении материалы по терминологии родства финнов, эстонцев, венгров и османских турок [Morgan, 1871, p. 58-59]. Современной башкирской системе родства действительно присущи черты описательных систем. С системами арийского (семейного, по У. Риверсу) типа ее объединяют выделение прямой линии родства в первом восходящем поколении и отсутствие разграничения отцовской и материнской линий в современной системе. Референтивные термины проводят принцип линейности шире и более последовательно, тем самым приближая башкирскую систему к арабскому (большесемейному, по У. Риверсу) типу. Некоторые черты арабского типа, выраженные чрезвычайно слабо, прослеживаются и в вокативных терминах. Несколько сильнее проявляется один существенный признак малайского типа: слитность боковых линий с прямой линией в поколениях 0, -1 и -2, обуславливающая классификационность системы. Но в башкирской системе все это реализовано чрезвычайно своеобразно и нечетко, поэтому те или иные суждения приходится высказывать с оговорками.

Таким образом, по тем двум критериям, которые выдвигает М. В. Крюков и которыми в значительной мере руководствовались Л. Г. Морган, У. Риверс и Р. Лоуи, — наличие или отсутствие бифуркации и линейности — башкирская система выявляет черты одновременно арийского (арийского) и малайского типов. Однако характерные особенности башкирской системы этим не исчерпываются: смещение поколений роднит ее с системами типа кроу-омаха. Но и здесь больше различий, чем сходств, так как взаимодействие возрастного и поколенного принципов, пронизывающее всю систему и в решающей мере обуславливающее ее своеобразие, одновременно со смещением поколений проводит деление каждого из них (поколений +2, +1, 0) на две части.

Эта и другие черты башкирской системы не являются только ее специфической особенностью. Впервые системы родства, объединяющие в одной категории родства представителей не менее двух поколений и одновременно разделяющие на две части почти каждое из них, были обнаружены Л. Я. Штернбергом у тунгусо-маньчжурских народов [Штернберг, 1933]. Такая особенность системы, названная им «созволяющим счетом поколений», была выявлена позднее у других тунгусо-маньчжурских [Золотарев, 1939; Анисимов, 1936], тюрко-монгольских и угро-финских [Викбулагоев, 1964], самодийских народов [Файнберг, 1962]. О связи рассматриваемой особенности башкирской и других систем с социальными институтами у тех или иных народов речь пойдет в особом разделе работы, здесь же необходимо отметить, что главным образом она создает трудности в определении места башкирской системы в существующих типологиях. Лишь отдаленясь от нее, следуя типологии М. В. Крюкова, башкирскую систему можно включить в число промежуточных систем II-IV (малайско-английского) подтипа. Но оговоримся еще раз: такое определение носит весьма условный характер.

Сложное отношение к существующим типологиям было присуще башкирской системе, по-видимому, с весьма отдаленных времен. В этом убеждают нас основные черты древней системы родства, которые удается воссоздать путем ретроспективного анализа современной системы.

К РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕЙ СИСТЕМЫ

Для реконструкции древней башкирской системы родства при существующих источниках имеют большое значение: 1) анализ терминов родства по их морфологической структуре; 2) сопоставление подсистем кровного родства и свойства; 3) сравнительно-историческое изучение диалектных терминов в сопоставлении с терминологией родства других народов. Некоторую помощь при этом могут оказать вышедшие из обихода термины, указывающие на некоторые детали древней модели системы родства, а также соотношение референтивной и вокативной терминологий.

СТРУКТУРА ТЕРМИНОВ

В башкирской вокативной терминологии можно три вида терминов, различаемых по структуре: элементарные, сложные и составные. Описательные термины, как и в любой другой системе, применяются лишь в референтивных целях и, по существу, не являются терминами. Примечательную черту башкирской системы составляет большой удельный вес элементарных терминов.

Для изучения эволюции системы представляет интерес не только (и даже не столько) общее соотношение разных видов терминов, но и распределение их по поколениям и ступеням родства, а также между подсистемами кровного родства и свойства. Распределение это, надо сказать, весьма неравномерно. При этом необходимо отметить, что одна и та же категория родства обозначается не одним, а двумя и более терминами. В одних случаях, будучи общераспространенными или бытуя в пределах одного и того же региона, они представляют синонимический ряд, в других — отражают диалектные различия. Имеется еще одна особенность: у одной части башкир та или иная категория родства обозначается элементарным термином, у другой — сложным или составным. Поэтому при рассмотрении данного вопроса мы берем не термины сами по себе и их количество, а определенные категории родства, различаемые этими терминами, или, говоря иначе, структурные элементы системы.

Больше всего элементарных терминов в подсистеме кровного родства. Они здесь составляют подавляющее большинство и охватывают 14 категорий родства, четыре из них — для супруг(ов) провнучих родственников. Распределение их по ступеням родства дает следующую картину.

Результаты рассмотрения терминов по их структуре также говорят в пользу такого предположения. Сложные и составные термины приходится исключительно на долю верхних ступеней. Это же мы увидим и на диалектных различных терминологии.

Разграничение между собой ступеней +2, +3 и +4 в подсистеме кровного родства, по нашему мнению, произошло после формирования существующей подсистемы свойства. Возникает вопрос: почему в одной подсистеме произошла столь существенные изменения, в то время как другая оставалась почти неизменной или во всяком случае значительно меньше подвергалась переменам? Дело, по-видимому, во-первых, в том, что кровное родство обладало и обладает большей социальной значимостью, чем свойство. Для каждого во всех смыслах важнее его отношение к собственным родителям, деду и бабушке, братьям и сестрам родителей и предков, чем к родителям и предкам жены или мужа. Во-вторых, имеется еще одно, сугубо этнографическое обстоятельство, которое мешало выработке дифференцированной терминологии для старших родственников жены (мужа) — это повсеместно существовавшие запреты и ограничения в общении с названными категориями свойственников. Запреты и ограничения эти, широко известные под названием обычая избегания [Косвен, 1963; Семенов, 1974; Кисляков, 1969; и др.], были характерны и для башкир.

Подсистема свойства оказалась, таким образом, в известном смысле более консервативной, чем подсистема кровного родства. Однако и в ней происходили определенные изменения. При рассмотрении структуры этой подсистемы мы уже отмечали, что в некоторых районах выделены особыми терминами родители жены (мужа), отделены боковые родственники. Но примечательно, что всюду это реализовано очень робко и непоследовательно и нигде не сопровождается выработкой особых терминов. Главное же, что и здесь мы видим стремление копировать структуру кровного родства.

Консервативность подсистемы свойства, проявившаяся лишь в определенных исторических условиях, весьма относительна. Ныне эта подсистема почти всюду у народов нашей страны, в их числе и башкир, на стадии разрушения. Повсеместно происходит вытеснение терминов свойства соответствующими наименованиями кровного родства.

Похоже, что сопоставление подсистем кровного родства и свойства позволяет провести некоторое разграничение терминов по их степени древности, во всяком случае выделять целую группу терминов, которая выступает более архаичной, чем другая такая группа.

Выше отмечалось, что определенная часть терминов свойства образована от наименований кровного родства путем прибавления к ним слова-приставки *кайн-/кэйн-*. Если верно наше предположение, что существующая подсистема свойства сложилась под влиянием подсистемы кровного родства, заимствуя не только

структурные принципы, но подчас и самые термины, то для воссоздания древней модели системы представляет немалый интерес, какие именно термины были использованы, а какие нет.

Соединяясь со словом *кайн-/кэйн-*, образуют термины свойства слова *атай* (*кайнага/а*), *инэй* (*кэй(н)+(а)но*, *кэйн+инэй*, *кайын эн*), *агай* (*кайн+ага*), *эне* (*кэйн+(э)не*, *кэй[н]-(э)неш*, *неңде* (*кэйн+неңде*, *кэй(н) -неңде*; и др. При решении вопроса об относительной древности тех или иных терминов мы, очевидно, должны отдавать перечисленным словам определенное предпочтение перед их диалектными синонимическими вариантами *эсэй*, *абый*, *куста*, *мырза*. Примечательно, что термины, содержащиеся в своем составе слова *атай*, *инэй* (*кайнагай/кайны*, *кэйнэ*), в подсистеме свойства применяются и к лицам, которые в подсистеме кровного родства именуется *бабай*, *ана*, *эбей*. Тем самым ставится вопрос о сравнительно позднем проникновении или утверждении этих наименований.

Слова *атай*, *инэй* (в форме *ана/анай*), *агай* участвуют также в создании терминов свойства с помощью приставки *бей-* (*бейана(а)*, *бейага(а)*, *бейага(а)*). Как видно, продуктивность этих слов в образовании терминов свойства очень высокая. Даже в тех местах, где в качестве терминов кровного родства бытуют слова *эсэй*, *абый*, соответствующие наименования для свойственников образованы из слов *инэй* и *агай*.

Разумеется, имеются специфичные термины свойства, не производные от современных терминов кровного родства. Три из них — *бажа* (муж сестры жены), *балдыз* (младшая сестра или племянница жены), *алһым* (жена брата, дяди или племянника мужа) — несомненно древнего происхождения. Об этом свидетельствуют: 1) повсеместная их распространенность у башкир; 2) широкая их известность у тюркских народов в тех же значениях; 3) слабая согласованность выражаемых ими понятий со структурными принципами современной системы. Термины *бажа* и *алһым* в некоторой мере даже противоречат принципам системы. Мужчина младшую и старшую сестер своей жены называет разными терминами, но одинаково именует их мужей и тем самым ту и другую сестру ставит в один ряд. Также и женщина строго различает старшего брата (дядю) и младшего брата (племянника) мужа, и в то же время опять-таки объединяет их в один класс (категорию), обозначая их жен одним и тем же словом. Эти термины отражают идущие надвое отношения свойства, но не они явились основой существующей подсистемы свойства. Еще одна деталь: в каких-либо иных значениях в башкирском языке они не употребляются.

Другая группа терминов свойства, обозначающих основные структурообразующие элементы подсистемы, связана с социально-бытовой лексикой. Остановимся вкратце на каждом из них. *Бейем* 'свекровь'. Термин бытует на юго-востоке БАССР и в приграничной полосе за пределами республики. На других тюркских народах в том же значении он известен иреченым татарам, мишарям.

По мнению лингвистов, состоит из корня бей 'мужчина, хозяин, господин' и аффикса принадлежности 1-го лица -ем [Азнагулов, 1973, с. 8]. Генеалогическая и этимологическая связь слова с социальным термином-титолом забыта, и в речевом обиходе оно употребляется в застывшей форме (как основа) и принимает вторично аффикс принадлежности: *бейем-ем/ем*. Существует и другое мнение, согласно которому аффикс -ем/-им/-ым в словах *бей-ем, ланым* является показателем женского рода [Северган, 1978; подробнее см. в главе «Социально-историческая обусловленность системы родства»].

Корень-основа бей в качестве приставочного слова, как уже отмечалось, участвует в образовании еще нескольких терминов для обозначения ближайшей родни мужа.

Бикэ, хайнбикэ, бикэс. Первый из терминов на юго-востоке означает старшую сестру или тетку мужа моложе его родителей. Второй термин на значительно широчайшей территории употребляется и мужиной и женщиной для той же категории свойственников. *Бикэс* — уменьшительная форма от *бикэ*, применяемая для обозначения младшей сестры или племянницы мужа.

Как термин кровного родства слово *бикэ* в настоящее время не применяется, в ряде тюркских языков и в литературе имеет значение «женщина-хозяйка», «госпожа» и может рассматриваться как форма женского рода от *бек/бэк* 'господин, хозяин' — термина, применявшегося в отношении к представителям родоплеменной и патриархально-феодалной знати. С помощью *бикэ* образовано огромное множество женских личных имен (конечная часть). Последнее обстоятельство дает основание думать, что слово это когда-то функционировало активно и применялось для почтительного обращения к женщинам из рода мужа и закрепилось в лексиконе невестки (снохи). С определенной долей вероятности можно предположить, что оно являлось термином, означавшим старшую сестру и тетку (по отцу), так как современный термин в этом значении (*алай*) в подсистеме свойства представлен очень слабо.

Диалектные термины *тэкай* (младший брат мужа) и *хыззар* (младшая сестра мужа) в бытовой лексике означают соответственно «малыш», «младенец», «братец» и «девушки» («девички»). Привлекает внимание использование второго термина во множественном числе (почтительная форма?).

Последняя группа терминов (*бейем, бикэ, хайн-бикэ, бикэс, тэкай, хыззар*), на наш взгляд, обреда значение терминов родства (свойства) лишь в результате выработки современной подсистемы свойства, более того, исключительно для обозначения родственников мужа. Зависимое положение пришедшей женщины (невестки, снохи) в патриархальной семье обусловило широкое использование в качестве терминов обращения социально-бытовой лексики. Почтительный оттенок терминологии сохраняется по сей день. Во всем этом определенную роль могла сыграть табуация имен и некоторых кровнородственных терминов.

ДАНИЕ ДИАЛЕКТНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ТЕРМИНАХ И СТРУКТУРЕ СИСТЕМЫ

Диалектные термины, как и локальные различия в структуре системы, были даны выше. Здесь мы останавливаемся на них в плане эволюции системы родства, выявления наиболее архаических черт и поздних перестроек в ней. При этом намеренно отстраиваем от других аспектов рассмотрения диалектную терминологию, в частности, как источник для изучения истории языка, этногенеза и этнической истории. В нашу задачу здесь не входит рассмотрение всей совокупности диалектных изоглоссов с точными их ареалами и возможной связью с определенными этническими (родо-племенными) образованиями, а также этимологии диалектных терминов.

В данном случае важно проследить, какие именно звенья системы (ступени, элементы) дают колебания в территориальном разрезе и с наименованиями каких звеньев связаны диалектные вариации терминов. Результаты оказываются аналогичными тому, к чему мы пришли в предыдущих разделах.

Наибольшие колебания обнаруживают те ступени структуры кровного родства, которые объединяют родственников старше родителей (ступени +3, +4, +5). Так же обстоит дело с терминологией, но диалектные вариации в ней охватывают также и родителей (ступень +2). Наибольшую устойчивость проявляют, как и по другим признакам, первая восходящая и обе нисходящие ступени (+1, -1), но определенные изоглоссы наблюдаются и здесь.

Относительно позднего выделения ступеней +5 и +4 в полной мере сходится данные трех видов анализа: структуры терминов, сопоставления подсистем кровного родства и свойства, диалектных различий. Для ступеней +3 и +2 решающее значение имеют последние два источника.

Для ступени +3 мы имеем четыре наиболее распространенных термина: *бабай, олатай, эбей, икай*. Слово *олатай* легко расчленивается на две части: *оло* 'старший' и *атай* 'отец'. Термин *икай*, распространенный в рассматриваемом значении (родственница старшего поколения) на юге Башкирии, в юго-западной части республики и на всей северной половине территории расселения башкир с теми или иными фонетическими вариациями, известен в значении «мать», «мама». Без звательного аффикса (-В) в башкирском и других тюркских языках слово это означает женскую особь, самку [Покровская, 1961; Северган, 1974]. Примечательно, что слова *бабай* и *эбей* в форме *баба, ийби* в монгольских языках также имеют значение «отец», «мать» [Вяткина, 1962; Цинциус, 1972, с. 33—35]. И термин *ала*, имеющий узкий ареал у башкир, в ряде тюркских языков или диалектов опять-таки применяется в смысле «отец», «предок» [Покровская, 1961; Цинциус, 1972]. Составные термины для ступени +3 в качестве основного элемента сочетания также включают слова, означающие отца и мать.

Перед нами два логически взаимосвязанных факта: с одной стороны, подсистема свойства не делает никаких различий между родственными женой (мужа) и их старшими боковыми родственниками, обозначая их одними и теми же терминами; с другой — в подсистеме кровного родства эти боковые родственники выделены особыми терминами, но сами термины в других диалектах или языках имеют значение «отец», «мать». Вероятнее предположить, что в отдаленном прошлом и подсистема кровного родства (вокативная) не различала родителей и их боковых старших родственников.

Термины для родителей, особенно для матери, не противоречат такому выводу. Слово *ama* имеется во всех говорах башкир, но в одних в значении «мать», в других — «тетка старше матери (отца)». Следовательно, этот термин когда-то имел более широкое значение и, объединяя в первом восходящем поколении прямую и боковые (вероятнее — одну из боковых) линии родства, был классификационным. Позднее, с выделением «матери» индивидуальным термином, слово это у одних башкир стало означать мать, у других — тетку старше матери, но всюду сохранило за собой одно из прежних значений. Второй термин для обозначения матери *asa*, вошедший ныне в литературный язык, менее распространен территориально: он совершенно не известен на юго-западе (в бассейне р. Демы), в северной, центральной и северо-восточной Башкирии, в Челябинском и Курганском Зауралье. И значение его более узко и более определено: на всем юго-востоке он применяется в смысле «мать», за исключением горного района по р. Ишар и верхнему течению р. Белой, где он в форме *asa/azai* означает бабушку. Зато в составе сложных терминов *ola/ol + asa* — *ala/asa*, *kar/t + a/sai* слово это употребляется для обозначения бабушек (иногда с дифференциацией отцовской и материнской линий), а кое-где — тетку старше родителей. Как видно, в целом и этот диалектный термин содержит в себе определенное указание на слитность прямой и боковых линий родства в I и II восходящих поколениях и недифференцированность самих этих поколений в древней башкирской системе.

Если же обратиться к параллелизм термина в других языках алтайской семьи, мы получаем новые подтверждения этой мысли. Слово это в форме *ama* у киргизов означает старшую и младшую сестру отца, сестру деда по отцу [Джумагулов, 1959; Дыренкова, 1927], у туркмен — мать (при обращении), тетку со стороны отца, старшую сестру, у казахов — бабушку, мать, вообще, старушку, у каракалпачков — бабушку по отцу [Жданко, 1962]; у забайкальских (восточных) бурят (*ижи*), халасов (*иче*), среднечулымских татар (*ижд, ичд, иш, иад*), монгол-халха (*эжэ*) — мать; у монгол-дербетов (*эжэ*) — мать и бабушку [Покровская, 1961; Дульзон, 1954; Вяткина, 1962]. Вариант термина *ama* известен в туркменском (женщина, супруга, мать), алтайско-кумандинском (тетка) языках, был он зафиксирован и в значении «старшая сестра» и в письменном чагатайском языке [Покровская, 1961; Радлов]. Па-

раздели рассматриваемого термина имеются в тунгусо-маньчжурских языках (*abi*): здесь они означают женщину, жену [Амислов, 1936; Золотарев, 1939; Ципциус, 1972].

По всей вероятности слово *asa(a)* и его варианты в других языках — не тюркского происхождения: всюду у тюркских народов оно употребляется только в качестве родственного термина и у большинства из них имеет ограниченный ареал. Замечательно оно, по-видимому, из тунгусо-маньчжурских языков и явилось первоначально классификационным термином. Об этом говорят колебания в значении термина в разных тюркских языках или диалектах (говорах).

Термин для обозначения отца всюду один у башкир — *atai*, если не учитывать фонетических вариаций в диалектах и говорах. Термины для деда и родственников старше деда в подавляющем большинстве случаев образованы из этого слова путем слияния с одним из детерминативов *kar* 'старый' и *olo* 'старший'. Отсюда можно заключить, что класс родственников, включавший отца и деда и отцовскую линию боковых родственников в этой поколенно-возрастной ступени, в древней башкирской системе вероятнее всего назывался *atai*. В этом убеждают нас также именно тюркский характер термина и большая его продуктивность в словообразовании. Что касается слова *babai*, оно утвердилось, видимо, в процессе выделения родителей и отделения от них боковых старших родственников и предков (ступеней +3 и +4). Оно могло быть заимствовано башкирами из монгольских языков или вошло в их язык вместе с родо-племенными группами, связанными в прошлом с монголами (*карай, табын, салют, мине*). Мы включаем этот термин в число элементарных, поскольку в рамках башкирского языка он не распадается на отдельные части с самостоятельным значением, но В. И. Ципциус рассматривает их в монгольских языках как сложный термин [1972, с. 35].

Термины *atai, ana* (кровные родственники младше родителей — ступень +1) можно считать общепашкирскими. Лишь на северо-западе и кое-где на северо-востоке вместо них или наряду с ними употребляются термины *abai/abam* и *tutai/tutai*. Различия эти представляют интерес главным образом для диалектологии и этнической истории определенных племен. Есть, однако, одно обстоятельство, имеющее некоторое значение для изучения структуры системы родства: в ряде мест на северо-западе Башкирии этими терминами обозначают также боковых родственников старше родителей и моложе деда и бабуки (ступень +3). В этих же местах деда и бабуку называют *babai* и *abai*, т. е. терминами, которые в большинстве районов обозначают родственников ступени +3. Следовательно, при выделении прямой линии родства в восходящих поколениях здесь всех боковых родственников старше это объединили одним общим термином, не разделяя их на старших и младших по отношению к родителям. В результате получили одинаковые наименования старшие братья это, братья родителей, братья деда и бабуки, как и сестры это, его родителей и предков.

С точки зрения исторической диалектологии и этнической истории может показаться неслучайным совпадение ареала терминов *абай* (звательная форма от *аба*) и *бабай* ($\beta(a)+aba(\bar{a})$). В плане же нашей темы необходимо отметить, что оба термина, как и их эквиваленты для женского пола *абай* и *эбай*, оказались абсолютно непродуктивными при образовании наименований для родственников. Похоже, что мы снова сталкиваемся с обстоятельством, свидетельствующим о сравнительно позднем проникновении этих терминов.

В пользу древности *абай* и обозначаемого им понятия говорит широкая распространенность этого термина (в тех или иных фонетико-морфологических вариациях) в алтайских языках и наблюдением почти всюду устойчивости его значения [Покровская, 1961]. Термин же *абай* известен гораздо в меньшей степени, в ряде языков в соответствующем значении применяются слова *эба*, *шэба* и др.

В ступени -1 (младшие родственники), хотя и имеются диалектные различия в терминах, они не затрагивают структурных принципов системы. Обращает внимание, что диалектные термины, имеющие очень ограниченное распространение или употребляющиеся параллельно с основными терминами *эба* и *неңә*, в определенной мере связаны со сферой социальных отношений. В частности, слово *кусты*, означающее в южных районах БАССР (иксакмарской говор) младшего брата, в нижнем течении р. Инер и на правом берегу среднего течения р. Белой применялось в значении «племенный работник», «батрак» [Юсупов, 1959, с. 127; Миржанова, 1973, с. 104]. Слово *мирза*, встречающееся также в южной Башкирии, восходит к золотоордынско-ногайскому феодальному титулу мурза, мирза [Миржанова, 1973, с. 104]. Только едва ли оно связано, как полагает С. Ф. Миржанова, с обычаям мнората у башкир. Скорее всего перед нами характерная для восточных народов традиция возвышать не только старшего, господствующего, но также и младшего, подчиненного. Но «возвышать» тонко, с точным указанием истинного положения людей: ведь мурзы относилась не к самым старшим феодалам, они были младшими по отношению к ханам. Но здесь мы снова переходим в другую область — детерминантов системы.

Относительно основных, общешкирских терминов кровного родства ступени -1 (*эба* и *неңә*) нужно сказать, что они имеются чуть ли не во всех тюркских языках и довольно часто встречаются в древних рунических текстах. Древность терминов не вызывает сомнения, но что они означали, включали ли они, как сейчас, кузенов по обеим линиям, или различали отцовскую и материнскую линии родства, на этот вопрос сами термины ответа не дают.

Диалектный характер носят термины *ейән/жыян*, *ейәнсәр/жыянсәр*, *кағаса*, *буғал* и *буғалсәр*: они не известны северным и северо-западным башкирам и, за исключением первой пары

терминов, оставили весьма слабый след и в восточных районах. В то же время они широко представлены в терминологии родства тюркских народов Южной и Западной Сибири, Средней Азии и Казахстана, у монгольских народов, но отсутствуют у татар Поволжья и чувашей [Мухамедова, 1962; 1967; Егорова, 1964]. Направивается предположение, что термины эти были заимствованы башкирами у южных и восточных тюркоязычных соседей и сравнительно быстро вышли из обихода, так и не утвердившись в языке. Однако мы должны учесть, что одно из этих наименований *ейән/жыян* стало основой целого ряда широко распространенных в прошлом личных имен у башкир [Бикбулатов, 1973; Кусимова, 1975]. Не все термины родства стали антропонимами. По-видимому, для этого термин родства должен обладать определенной спецификой и, что очень важно, он должен быть широко распространенным, функционально активным. Если все эти свойства были присущи одному из взаимосвязанных терминов, а иначе он едва ли вошел бы в арсенал антропонимии, то это указывает на активное функционирование всех остальных. Кроме того, география личных имен с компонентом *ейән/жыян*, представленных в документах XVII—XVIII вв., довольно обширная, она в определенной степени охватывает территорию к северу и западу от современной зоны фиксации терминов. Таким образом, мы можем сказать, что несколько столетий назад башкирская система родства различала материнскую линию родства и потомство женской ветви кровных родственников.

* * *

Итак, мы рассмотрели термины родства башкир по их морфологической структуре, проследили основные диалектные различия в них с привлечением параллелей из других алтайских, главным образом тюркских, языков, сопоставили подсистемы кровного родства и свойства с целью извлечь данные, которые могут содержать указания на более древнее состояние башкирской системы родства. По мере надобности в рамках рассматриваемого вопроса были затронуты также связи системы родства с антропонимией и социальной терминологией. Подведем итоги.

1. Башкирская система знала различение отцовской и материнской линий родства: следы такого деления сохранились в вышедших из обихода диалектных терминах для бабушек по отцу и по матери, для брата матери, для детей сестры матери. Было отграничено также потомство женской ветви кровного родства — детей сестер и дочерей; сюда включались, по-видимому, также дети и внуки теток по отцу.

Разграничение отцовской и материнской линий родства (бифуркация), при котором происходит как бы раздвоение прямой линии родства, — черта, одинаково характерная для систем проделского и арабского типов. Она берет начало в системах проделского типа и сохраняется в арабских, или, по типологии Лоуи,

бифуркативно-возрастных системах. Собственно арабские системы и возникают на пути трансформации систем прокванского типа и англэйские (описательные или семейные) при условии сохранения бифуркации. В своих классических формах, в частности в современной письменной китайской, арабские системы разграничение линий родства доводят до логического завершения, максимально приближая структуру родства к биологической матрице.

Для турано-ганованской системы имели первостепенное значение не генеалогические линии родства, а принадлежность половине (стороне, роду) матери или отца, что было обусловлено дуально-экзогамной родовой организацией. При этом было абсолютно не существенно, какую форму имели брачные взаимосвязи родов — дуально-перекрестную, кольцевую или какую-то другую. Важно было одно: принадлежность родителей разным социально-территориальным (родовым, клановым и т. д.) общностям. В свете этих взаимосвязей на первый план выступает различие перекрестно-кузенных линий, а выделение параллельных кузенов (особенно потомства сестер матери при патрилинейной филиации) является изобретением более поздней арабской системы.

В башкирской системе нашли и то и другое, но более четко сохранились следы различения потомства сестер и дочерей, что можно рассматривать как реликт различения кросс-кузенной линии. Отсюда можно сделать два частных вывода: 1) бифуркация в башкирской и, по-видимому, в целом в тюркских системах восходит ко времени существования турано-ганованских систем; 2) выделение прямой линии родства при сохранении бифуркации в башкирской системе выявило в ней черты арабского типа; более того, в ней признаки арабской системы получили некоторое развитие (довольно четкое отграничение от прямой линии параллельных кузенов по материнской линии и их потомства, различение предков по матери в поколении +2), но арабская система у башкир не получила классического развития, как у китайцев или в Древнем Риме (латинская система). В силу конкретных исторических условий в ней довольно рано были выработаны черты описательных систем, которые сочетались с малайскими признаками в поколении это и -1.

2. Система была классификационной. Каждый из родителей был объединен в один класс (категорию) с сиблингами и кузенами (-инами) одного с ним пола. Реликты различения отцовской и материнской линий позволяют уточнить пределы классификационности: братья и кузены матери должны были называться иначе, чем отец и его братья и кузены; точно так же сестры и кузины отца были отделены особыми терминами от матери и ее сестер.

Это была классификационность турано-ганованского типа. Она исчерпала в результате выделение прямой линии родства в поколении +1. Тогда система обрела черты арабского типа, с разрушением которых возникла классификационность иного рода — малайского облика, которая коснулась прежде всего поколений это и -1.

3. В древней башкирской системе ступеней родства было меньше. По всем рассмотренным показателям существующие ныне в структуре кровного родства ступени +5, +4, +3, +2 (родители и выше) в вокальной системе были объединены в одну ступень родства; в таком поколенно-возрастном составе эта ступень зафиксирована подсистемой свойства.

4. Ступени +1 и -1 обладают несомненно древними чертами. То же самое можно сказать о ступени -2. Однако состав этих ступеней претерпел определенные изменения; в современной системе в этих ступенях слиты воедино все линии кровного родства, и то время как в отдаленном прошлом исключались линии матери (в ступени +1) и потомство сестер и дочерей.

5. Таким образом, каждый человек должен был различать две восходящие и две нисходящие ступени родства, т. е. структура системы была симметрична по горизонтальной оси. Но остаются не совсем ясными границы между ступенями +1 и +2, так как критерием разграничения этих ступеней мог быть или возраст родителей или возраст деда и бабушки. Значительно больше оснований думать, что нижняя граница ступени +2 проходила по горизонтали отца и матери, т. е. младшие сиблинги и кузены их входили в одну ступень со старшими братьями и сестрами эго.

6. Древнейшей башкирской системе было присуще деление людей одного поколения на старших и младших, объединение младших представителей верхнего поколения с верхней частью следующего за ним нижнего поколения. Правда, степень проведения этого принципа была неодинакова: в большей мере он касался поколения эго, а по мере удаления вверх и вниз действие принципа относительного возраста убывало. В любом случае разделение поколения эго и смещение каждой его половины с частью смежных с ними поколений относится к числу наиболее архаичных особенностей тюркских и в целом урало-алтайских систем.

7. Современная подсистема свойства (родня жены или мужа) сложилась на определенной ступени развития подсистемы кровного родства и в известном смысле зафиксировала (законсервировала) ее структуру с того времени. Оба варианта подсистемы (эго ж, эго ж) построены на подражании подсистеме кровного родства и заимствовали из нее соответствующих терминов с присоединением слов-приставок, указывающих на характер родственной (свойственной) связи. Для родня жены всюду использовано слово-приставка *кайн-/кайн-*, мужа — *бей-, хайн-/кайн-, ан-*; создается впечатление, что термины с компонентом *кайн-/кайн-* для родня мужа появились позднее, в результате их перемещения из номенклатуры для родня жены в силу закона симметрии.

8. Черты, отмеченные в пунктах 1 и 2, позволяют отнести древнюю башкирскую систему родства к типу классификационных турано-ганованских, или, по терминологии Лоун, бифуркативно-турано-ганованских, или, по терминологии Лоун, бифуркативно-сравнившихся, систем. Чем дальше вглубь мы будем пытаться проникнуть в историю этой системы, тем яснее будут выступать в ней туранские признаки. Но уже в самые отдаленные времена,

которые только можно представить по данным самой системы, она отличалась от классических туранских и ганованских систем тенденцией более последовательно проводить принцип относительного возраста и ущерб поколенному, которая впоследствии привела к так называемому скользящему счету поколений.

Можно полагать, что современная башкирская система родства существовала уже в XVIII в. Об этом свидетельствует упомянутый в начале главы словарь М. Бекчурина, да и сами изменения, которые мы проследили в результате ретроспективного анализа, восходят в большинстве и отдаленным временам. Правда, следы прежних бафуриативных линий были в ней представлены отчетливее, а позднее, вторичная классификационность была выражена слабее.

Система изменялась и перестраивалась медленно, на протяжении многих столетий, но поразительна не эта медленность, постепенность, а историческая целенаправленность этих изменений.

Главное из них — выделение прямой линии родства. В отношении родителей было осуществлено это кардинально и непосредственно, как в европейских системах, а во всем остальном развитие тюркских систем пошло по другому пути, чем у индоевропейских народов. Вслед за родителями была протянута прямая линия к предкам, но эволюция системы в этом направлении остановилась на полпути: дед и бабушка не были четко отделены от их старших сиблингов и кузенов. Начатая на стадии трансформации туранской системы традиция нисходящих поколений была остановлена.

Все боковые линии были сдвиги воедино. Более того, в ступенях +1 и -1 родные братья и сестры это были объединены с кузенами и кузинами всех степеней, точно так же объединены между собой сиблинги и кузены родителей, деда и бабушки. Различение боковых линий между собой, видимо, уже не имело значения, но следы этого очень долго сохранились в системе. В целом система обрела черты описательного (семейного) типа, выявляя в процессе эволюции признаки то малайских, то арабских систем.

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЭВОЛЮЦИИ СИСТЕМЫ РОДСТВА И ЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Настоящий раздел ставит задачей анализ исторического развития системы родства с точки зрения выявления этнических и культурно-исторических связей башкир с другими народами. Под этим углом зрения мы еще раз вернемся к двалентным различиям и принципам системы и терминам, сопоставлению башкирской системы с системами народов алтайской языковой общности. Необходимость исследования материала по разным аспектам обуславливает неизбежность некоторых повторов.

Прежде чем приступить к конкретному рассмотрению вопроса, необходимо отметить, что в отечественной этнографической

науке системы родства весьма редко привлекаются к разработке проблем этногенеза и этнической истории. Это обстоятельство, на наш взгляд, имеет свою историю и в известной мере оправдано.

Уже Л. Г. Морган, начиная в широких масштабах сбор материала по системам родства народов мира, предполагал найти в них подтверждение гипотезы об азиатском происхождении индейцев Америки. При этом он исходил из предположения, что в системах родства, отличающихся большей устойчивостью, чем отражаемые ими формы семьи и брака, менее всего подвержены изменениям те идеи, лежащие в основе самой системы, т. е. структурные принципы, а наименования родственных отношений [Морган, 1972, с. 32]. Систематизации и обобщению накопленного им материала показали, что близкой структурой обладают системы родства не только у родственных по происхождению народов, но и у тех, этническое родство которых даже трудно предположить. Тогда первоначальная цель сменилась более общей задачей — исследованием общих закономерностей развития социальной организации общества.

Л. Я. Штернберг видел в системах родства источник для изучения этнических взаимосвязей народов. В обнаруженной им близости в системах родства аборигенов Сибири и североамериканских индейцев он усматривал не только стадийно-типологическое сходство, но также и свидетельство отдаленных исторических связей между предками этих народов. Более того, свое открытие в плане этнической истории Л. Я. Штернберг оценивал как доказательство гипотезы Л. Г. Моргана о гелетическом родстве североамериканских индейцев и дравидийских племен Индии. В своем докладе, прочитанном в 1912 г. на XVIII Международном конгрессе американистов в Лондоне, он писал: «Отныне то звено, которого не хватало для связи между дравидийскими племенами Индии и индейцами Северной Америки, найдено. Турапо-ганованская система в такой же мере близка народам Северо-Восточной Азии, как она была близка во времена Моргана дравидам Индии и индейцам Северной Америки» [Штернберг, 1933, с. 147]. Подтверждение гипотезы Моргана Л. Я. Штернберг находил и в том, что языки палеоазиатов, тунгусов и дравидов «принадлежат к одному и тому же великому лингвистическому стволу: все эти языки типично агглютинативные» [с. 158].

Однако этнический аспект изучения систем родства занимал незначительное место в работах Л. Я. Штернберга. На первом плане в них, как и у Моргана, находятся вопросы архаических форм социальных институтов, прежде всего семейно-брачных отношений.

Такой взгляд на системы родства стал прочной традицией в советской этнографической науке. Это и естественно, так как для дальнейшего обоснования и развития марксистской теории семьи более принципиальное значение имеют типологии систем родства, установление их исторического соотношения и связей с социаль-

ной организацией. Кроме того, накопленный со всех концов света обширный материал свидетельствует, что важнейшие структурные принципы систем родства, лежащие в основе их типологической классификации, как правило, не имеют этнического показателя. В системах родства для этногенетических построений используются главным образом не принципы различения или объединения родственных отношений, а их словесные обозначения, термины. Лингвисты рассматривают терминологию родства как своеобразную и устойчивую часть лексики, сложившуюся в весьма далекие периоды истории. Поэтому в исследованиях исторической лексики и диалектологии они постоянно обращаются к номенклатуре родства для выявления генетического родства или сближения языков и народов.

Не составляет исключения и этот план и алтаистика. Помимо десятков работ по отдельным языкам алтайской семьи, имеются специальные обобщающие исследования по терминологии родства в тюркских [Номинганов, 1958; Покровская, 1961; Мусаев, 1974], тунгусо-маньчжурских и тюрко-монгольских языках [Пинциус, 1971, 1972]. Значительное место терминам родства уделено в этимологическом словаре Э. В. Савортина [1974, 1978], исследованиях по лексике средневековых памятников письменности Э. Н. Надвиши [1970], А. К. Курышжанова [1970] и др.

Этими работами установлена общность основной массы терминов родства в тюркских языках. Кроме того, немалая часть наименований родства имеет общую основу в тюрко-монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Факты эти, свидетельствующие об общих истоках алтайских языков, подтверждают также несомненную древность этой части лексики. В то же время они не исключают возможность вторичных контактов, поздних заимствований и переосмысливаний тех или иных лексем. Иными словами, общий лексический фонд в языках, даже в генетически родственных, представляет не однородную массу по своему происхождению, а явление многослойное. Установление стратиграфии этого фонда, выделение в нем различных по времени и источникам происхождения пластов и определение их относительной хронологии — одна из актуальных задач исторической лингвистики и исторической этнографии в изучении систем родства.

Для успешного решения этой задачи, на наш взгляд, необходимо преодолеть традиционно сложившийся разрыв между методами этнографических и лингвистических исследований в этой области, имеющий своим следствием известный отрыв структурообразующих принципов системы от соответствующих им терминов, и наоборот. Этнографы, изучая главным образом структуру систем родства и их типологическую принадлежность (об обусловленности такого подхода специфическими задачами науки говорилось выше), очень часто отталкиваются от конкретной природы терминов. Языковеды же, занимаясь терминами как частью лексики, абстрагируются от самой системы как совокупности определенных принципов разграничения и объединения родственных отношений,

организованной у каждого народа в законченную структуру; в результате мало учитывается историческая обусловленность как всей системы, так и структурных ее принципов.

В исследованиях, ставящих своей задачей использование систем родства тюркских народов в качестве источника по изучению проблем этногенеза и этнической истории, назрела необходимость комплексного (точнее — целостного) подхода к изучаемому объекту, охватывающего как структуру системы, так и терминологию. Необходимость эта обусловлена для этнографов возможностью использовать результаты лингвистических изысканий по исторической лексикологии тюркских и в целом алтайских языков, а для языковедов — наличием сравнительно-типологических исследований по системам родства и состоянию этнографической изученности большинства тюркских народов.

Мы исходим из того, что в плане рассматриваемого вопроса могут быть сопоставлены не только термины, бытующие в тех или иных языках, но и принципы системы (как в совокупности, так и каждый в отдельности). Дело в том, что совпадение структур в системах родства народов в пределах одной языковой семьи или историко-этнографической области (региона), как правило, предполагает интенсивные исторические контакты, тесное культурно-этническое взаимодействие. При этом очень важно не только установить наличие общих структурных принципов системы, но и проследить конкретную реализацию их: с помощью каких терминов и насколько последовательно. Одинаково значимы, на наш взгляд, как совпадения, так и расхождения: если первые на них указывают на возможные взаимосвязи — прямые или опосредствованные, то вторые выступают в роли индикаторов отсутствия этих взаимосвязей, показывающих раздельное развитие рассматриваемых систем (и соответственно народов) в те или иные исторические периоды.

При определении относительной хронологии (большей или меньшей степени древности) этнокультурных и языковых контактов одинаково необходимо учитывать структурные и терминологические аспекты систем, при этом эти два аспекта должны взаимно контролировать и коррелировать друг друга. Абсолютизация одного из них и игнорирование другого сопряжены с ошибками. Опыт изучения систем родства, их исторической эволюции, накопленный этнографической наукой, дает инструмент для выявления различных хронологических пластов в терминологии, выявления более древних и поздних, иногда повторных контактов между народами и языками.

СКОльзяЩИЙ СЧЕТ ПОКОЛЕНИЙ

Как отмечалось в предшествующих разделах, одной из характерных черт башкирской системы является так называемый скользящий счет поколений. Она заключается в том, что в одну и ту же категорию родства объединяются мужские (или женские)

представителя двух поколений — нижней часть данного поколения с верхней частью последующего за ним исходящего поколения. Верхняя часть того же поколения, в свою очередь, объединяется с нижней частью ближайшего восходящего поколения. В результате люди одного поколения и даже одной степени родства (например, братья или сестры эго) оказываются относительными и разным категориям родства, различаемыми особыми терминами. Критериями такого разграничения в башкирской системе родства выступают относительный возраст эго, эго отца и матери, деда и бабушки и некоторых других родственников (или свойственников).

Такая поколенно-возрастная классификация родственников впервые была обнаружена Л. Я. Штернбергом у орочей Татарского пролива [1933, с. 16, 17]. Он установил существование таких систем у всех тунгусо-маньчжурских народов и высказал предположение, что отмеченная особенность должна быть присуща тюркским, а возможно, вообще урало-алтайским системам [1933, с. 151, 152]. Последующие работы подтвердили правоту Л. Я. Штернберга: «скользящий» счет поколений был открыт у калыков [Каргер, 1927], эвенков [Анисимов, 1936], ульчей [Золотарев, 1939], у монгольских [Вяткина, 1962; Балдаев, 1959] и тюркских народов [Диренкова, 1927; Жданко, 1962; Забыкина, 1952; Дильзон, 1954; Арсymbаев, 1966; Мухамедова, 1967; Рубенко, 1925; Билбулатов, 1964; и др.]. Как свидетельствуют опубликованные материалы, он характерен также для финно-угорских [Morgan, 1871, p. 58, 59; Маркелов, 1928, с. 70—75; Vodrogі, 1962] и самодийских систем [Пализ, 1962; Файнберг, 1962].

Таким образом, оказалось, что смешение поколений, сопровождаемое разделением представителей одного поколения на старшую и младшую ветви, пронизывает системы родства всех народов, говорящих на языках алтайской и уральской общности, составляет особенность этих систем. Это тем более примечательно, что оно совершенно не характерно для восточных и северных соседней алтайских народов — палеоазиатов [Штернберг, 1933; Емельянова, 1974], а также для китайцев [Ольдерогге, 1951; Крюков, 1972] и индоевропейцев [Грубачев, 1959; Джамилова, 1972].

Л. Я. Штернберг был склонен объяснить эту особенность системы родства у тунгусов существовавшим у них браком между лицами разных поколений, а именно между дядей и племянницей [1933, с. 151, 152]. К его точке зрения присоединились Н. Г. Каргер, А. Ф. Анисимов, А. М. Золотарев; правда, в деталях их концепции отличались друг от друга. В частности, А. Ф. Анисимов писал, что у эвенков «скользящий» счет поколений явился результатом сознательной реорганизации системы и ввода брачных запретов с целью избежания кровосмесительных браков между отцом и дочерью, матерью и сыном в период дуально-эзогамной организации. Сначала «разделили каждое поколение на две половины — старших и младших — и в соответствии с этим ввели запрет, воспрещающий женщине вступать в брак с мужьями женщин старших, чем она» [1936, с. 43—44].

Следующим шагом явилось запрещение для женщины брака с мужьями ее дочерей и с мужьями дочерей своих младших сестер. В итоге были исключены матримониальные отношения между родителями, с одной стороны, и их детьми — с другой, но сохранились брачные связи между дядей и племянницей, теткой и племянником.

По мнению А. М. Золотарева, брак с племянницей, дериватом которого является «тунгусская» система, возник вследствие перехода к патрильной филиации в дуально-родовом обществе. Дуально-родовая экзогамия с групповым браком и матрильной филиацией допускала браки с собственной дочерью и дочерью брата; с переходом к патрильной филиации такие браки трансформируются в браки с племянницей [1939, с. 67—73]. В результате этого в системе родства происходят раздвоение и смешение поколений, изоляция терминов для каждого из родителей и супругов, позднее — «отделение» поколения дедов от поколения отцов и т. д.

Не входи в детальный разбор приведенных точек зрения, поскольку проблема эта в данном случае интересует нас главным образом в плане этнической истории, отметим лишь, что концепция А. Ф. Анисимова не приемлема ввиду ее ярко выраженного субъективизма. А. М. Золотарев не принял этой гипотезы, но и он допустил односторонность, заключающуюся в преувеличении для систем родства значения брачных отношений, более того — одной формы брака. Получается, что системы родства только для того и существовали, чтобы дифференцированно определять матримониальные права людей. Кстати, такой подход был характерен для многих этнографов постморгановского периода.

Все перечисленные авторы совершенно правы в одном: между «скользящим» счетом поколений в системах родства и браками лиц разных поколений, в том числе дяди и племянницы, существует определенная связь — они сопутствуют друг другу. Однако здесь трудно определить, что из них является причиной, а что — следствием. Кроме того, оба эти явления могли быть обусловлены каким-то другим фактором или составлять часть одной более универсальной системы. Ведь в первобытном обществе взаимоотношения людей внутри первичных коллективов, будь это родовая или большесемейная община, носили разносторонний характер, и статус каждого человека среди всех остальных измерялся не только (чаще и не столько) его матримониальными правами.

Несколько иную точку зрения на материале иганасанской системы родства высказал Л. А. Файнберг [1962, с. 232—233]. Как и А. М. Золотарев, он отмечает, что классификация родственников, объединяющая в одну категорию лиц разных поколений и разделяющая одновременно людей одного поколения на старших и младших, «приводит к изоляции терминов отец, мать, жена, муж, к сохранению ими только индивидуального значения» и, следовательно, отражает выделение малой семьи. Поэтому, пишет он, иганасанская и подобные ей системы возникли позднее, чем классическая моргановская турано-танованская система, от-

равнявшая необособленность индивидуальной семьи от остальной массы соседней. Все это могло иметь место лишь в отцовском родо-родовом обществе, после распада материнского рода.

Действительно, в современных системах большей части уральско-алтайских народов, в том числе иганасан, башкир, татар, ульчей и т. д., термины для каждого из родителей обособлены, в ряде случаев предпринята попытка индивидуализировать наименование для деда и бабуи. В результате разделение и смена поколений охватили поколения +2, +1, 0, -1 и в какой-то мере -2, т. е. вертикальная классификация родственников по их относительному возрасту приобрела универсальный характер. Несомненно, такое состояние систем родства — явление позднее и во всей вероятности связано с выделением и укреплением малой семьи. Только в одном месте согласится в этом плане с Л. А. Файнбергом: едва ли такая перестройка системы родства могла произойти в патриархально-родовом обществе, ведь ей должен был предшествовать длительный период социальной и экономической автономии индивидуальной семьи.

На материале башкирской системы мы попытались убедиться, что обособление терминов для отца и матери произошло довольно поздно, когда традиции родового строя были разрушены. Если же обратиться к системам родства других народов алтайской и уральской семьи, то тут ли не все они сохранили следы прежней классификационности, того состояния, когда для обозначения отца и матери не было индивидуальных терминов. И дело не обязательно в том, что индивидуальное отношение (а о материнстве и речи не может быть) было не известно; для реальных отношений в коллективе выделение его особым термином не имело существенного значения. Следы необособленности понятий «отец» и «мать» видны в том, что понятия «отец», «дед», «предок» обычно выражены терминами одного корня (основа) с добавлением для обозначения деда пояснительного слова «большой», «большой», «дальний» и т. д. Передко в этом же ряду находятся термины для братьев отца.

В частности, у киргизов если отец называется *ата*, то дед и прадед именуется *чоң ата* [Дыренкова, 1927, с. 9, 10]. У киргизов Чуйской долины термином *ата* (отец) называли и старшего брата отца [Джумгалов, 1959, с. 86—93], хотя для передачи этого понятия имеется параллельный термин *ака*, который в некоторых других языках алтайской общности употребляется опять-таки в значении «отец», «предок». Выше мы уже упоминали, что некоторые группы киргизов при жизни деда отца именовали *ака*, т. е. так же, как младших братьев отца и старших братьев его.

Аналогичную картину, главное неустойчивость терминов для отца, старшего дяди по отцу деда, мы наблюдаем в диалектных системах каракалпков, туркмен*, казахов. Весьма примечатель-

* По туркменской системе родства мы пользовались как опубликованными источниками, так и собственными записями из поездки по Туркмении в 1969 г.

но, что туркмены для обозначения отца и его братьев пользуются термином иранского корня *хаха*. Общую основу имеют также чувашские [Чуваши, т. II, с. 58—64] и диалектные татарские термины для отца и деда по отцу.

Обособление наименований для родителей, деда и бабуи, судя по материалам, предоставленным нам И. Е. Тугутовым, представляет собой результат поздних перестроек и в системах родства монгольских народов, в частности бурят. Это особенно заметно при сопоставлении терминов родства восточной и западной групп бурятского народа.

К тем же выводам мы приходим при рассмотрении тунгусо-маньчжурских терминов. По материалам И. К. Каргера [1927, с. 27—29], нанайцы зовут отца *ама*, деда и старшего брата отца — *сага ама*, мать — *эн'е*, а бабуику, старшую сестру отца и жену старшего брата отца — *сага эн'е*. У эвенков для обозначения отца употребляется термин *амі*, а для матери — *эні*, которые легли в основу сложных терминов *аміка-в* (*в* — суффикс притяжательный), и *энка-в*, применяющихся в значении 'дед, дядя старше отца или матери' и 'бабуа, тетка старше отца и матери' [Анисимов, 1936, с. 6—9, 27]. В ульчском языке им соответствуют наименования *ама-дама* (отец — дед, старший брат отца), *эне-баба* (мать — бабуа, старшая сестра отца), [Зодотарев, 1939, с. 73].

В иганасанском языке индивидуальные термины для родителей применяются лишь в референтивных целях и, по словам Л. А. Файнберга, представляют собой описательные конструкции. Соответствующие термины-апеллативы *идя* (*иди*) и *аба* носят классификационный характер и одинаково приложимы как к каждому из родителей, так и к кровным родственникам соответствующего пола старше их и младше деда и бабуи [Файнберг, 1962, с. 228].

Не составляют исключения и финно-угорские народы. Принадлежность одному общему корню терминов для отца и деда, а также для матери и бабуи наблюдается у венгров, финно-суоми, удмуртов, восточных марийцев, эстонцев [Маркелов, 1928, с. 70, 71].

Приведенные примеры свидетельствуют, что индивидуализация терминов для отца и матери, деда и бабуи в системах родства тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, самодийских, финно-угорских народов произошла сравнительно поздно, во всяком случае после дифференциации перечисленных языковых групп и появления современных языков алтайской и уральской семей. Обращает внимание весьма разная степень индивидуализации терминов и релевантности принципа относительно возраста отца и матери, деда и бабуи. Имеются также терминологические расхождения: даже в пределах группы близкородственных языков для передачи одного и того же понятия часто употребляются разные термины и слова одного корня в разных языках или диалектах различаются по содержанию. Все это, видимо, надо рассматривать

как результат определенных семантических сдвигов в процессе перестройки систем.

Из изложенного следует и другой вывод, имеющий прямое отношение к рассматриваемой теме: смещение поколений, объединение в одну категорию родства представителей двух, а возможно, и более поколений в системах родства урало-алтайских народов имело место задолго до выделения прямой линии родства в восходящих поколениях (в нисходящих поколениях процесс этот не завершен и по сей день). Лишь допустив глубокую древность этой особенности, можно объяснить ее общность для столь обширного круга народов, разбросанных по громадной территории Азии и Европы. В то же время весьма примечательно, что границы распространения систем родства со сквозящим счетом поколений совпадают с этнолингвистическими границами. На этом факте едва ли правомерно пытаться решать сложную и оставшуюся дискуссионной проблему урало-алтайской общности. Одно можно утверждать с определенностью: в период складывания систем родства со сквозящим счетом поколений предки современных алтайских и уральских народов поддерживали между собой тесные языковые и этнокультурные контакты. Возможно также, что они составляли одну обширную этнокультурную область. В ином случае трудно понять отмеченную общность в их системах родства, которая совершенно чужда народам других языковых систем, живущим по соседству в восточной и западной.

Таким образом, сквозящий счет поколений в системах родства может рассматриваться в некотором смысле и как индикатор этнических взаимосвязей: он отражает один из древнейших этапов в этнической истории каждого из народов алтайской и уральской языковых семей, в их числе и башкир.

Каковы же были пределы смещения поколений в древнейших урало-алтайских системах? Какова была степень реализации возрастного принципа, который впоследствии пересек поколения и пронизал у башкир всю структуру системы родства сверху до низу? Сопоставление известных нам систем родства у народов алтайской и уральской семей выливает следующие черты вертикальной классификации родственников.

1. Разграничение поколения это на старших и младших. Релевантность этого принципа обуславливает наличие в древнейшей системе двух ступеней родства (+1 и -1), каждая из которых должна была включать две категории кровных родственников. Этот принцип характерен для малайских систем, известен он и системам родства австралийцев [Токарев, 1929]. Довольно рано появляется эта особенность в китайской системе родства [Брюков, 1973]. Как видно, в правомерности такого предположения относительно урало-алтайских систем сомневаться нет оснований.

Однако один этот принцип сам по себе не ведет к сквозящему счету поколений.

2. Наличие в системах еще одной восходящей (+2) и одной нисходящей (-2) ступеней. Вероятно ступень (+2) могла вклю-

чать второе восходящее поколение (дедов и бабок) и часть поколения родителей (относительный возраст родителей или одного из них релевантен) или только второе восходящее поколение (релевантен относительный возраст деда и бабуки). Выделение этой ступени с неизбежностью предполагает необходимость нижней (-2) ступени: если имеются «предки», должны быть и «потомки».

Таким образом, уже в древнейших урало-алтайских системах была заложена идея «поколений», но реализована она была не в соответствии с биологическими поколениями, а скорее по возрастному принципу. Отсюда третья особенность.

3. Слияние или смещение верхней части поколения это с первыми восходящим и нижней частью второго восходящего поколения или только с нижней частью первого восходящего поколения; смещение нижней части поколения это с нисходящими поколениями.

Только при наличии этого признака еще в глубокой древности урало-алтайские системы могли сохранить, а затем развить и усовершенствовать отмеченную выше особенность — «сквозящий» счет поколений. Фактор поздних взаимовлияний практически исключен: на границах контактов с народами алтайской и уральской семей ни один из индоевропейских, кавказских и палеоазиатских народов не перенимал у них принципов поколенно-возрастной классификации родственников, хотя терминологические взаимопроникновения наблюдаются. Некоторые из урало-алтайских народов, в частности авайцы, венгры, туркмены, под влиянием соседей предприняли попытку устранить смещение поколений, но прежняя структура в их системах в основном сохранилась.

Определенную трудность представляет высечение места родителей в древней системе — включались ли они в первую восходящую (+1) или вторую (+2) ступень. Вероятнее полагать, что во вторую, вместе с их старшими братьями (сестрами) и отцом (матерью); об этом свидетельствует принадлежность к одному корню (основе) терминов для этих категорий в подавляющем большинстве языков.

Можно допустить неустойчивость, недостаточную определенность положений родителей, включение их в некоторых системах в ступень +1 вместе с их младшими братьями и сестрами, племянниками и племянницами. В пользу такой возможности мы приводим пример из киргизской системы, когда отец это при жизни деда назывался *аке*, а после его смерти становился *ата*. К этому надо прибавить, что в якутском, казахском и каракалпакском языках к отцу обращаются терминами, обозначающими старших братьев это и младших братьев отца: *ака/аке/эке*. Похожие вариации дают и термины для обозначения понятия «мать».

Таким образом, мы можем констатировать, что разделение одного поколения на младших и старших в системах родства алтайских и уральских народов коснулось прежде всего поколения это и с самого начала было сопряжено со смещением каждой его

части с представителями смежных поколений. В пределах языковых групп (и не только) наибольшую устойчивость проявляют термины именно для этих ступеней системы. Это мы обнаруживаем при сопоставлении современных тюркских терминологий и рассмотрении текстов рунического письма.

В нашу задачу не входит сопоставительное изучение систем родства и их эволюции у народов урало-алтайской или только алтайской общности. В плане рассматриваемого вопроса было важно выяснить природу одной весьма существенной особенности этих систем. Дальнейшая эволюция систем дала немало вариаций в пределах языковых групп и даже в разрезе диалектных единиц в рамках одного языка. В последующем изложении наша задача будет ограничена выявлением этноязыковых контактов башкир с другими тюркскими и отчасти монгольскими народами в периоды тех или иных перестроек системы родства.

ОБРАЗОВАНИЕ ПОДСИСТЕМЫ СВОЙСТВА

Одна из ранних перестроек, происшедших до выделения прямой линии родства в восходящих поколениях, заключалась в создании подсистемы свойства. Эти подсистемы у подвключющего большинства тюркских народов создавались по образцу структуры кровного родства. Возникнув таким образом на определенной стадии эволюции структуры системы кровного родства и дегенерации ее, подсистемы свойства в силу меньшей подверженности изменениям зафиксировали эту структуру и донесли до наших дней. Это помогло нам в части, касающейся башкир, реконструировать ретроспективным путем наиболее древнюю схему вертикальной классификации родственников.

В подсистемах свойства повторяются не только структура кровного родства, но в значительной мере и терминологический арсенал с прибавлением детерминативно-приставочных слов, указывающих на принадлежность альтера и категории свойственника. Почти во всех тюркских языках в этой роли употребляется слово *кайн* с вариантами *кайын*, *каен*, *кайн*, *гайын* (туркм., тур., азерб.), *хан* (таг.-мин), *кат* (туз.), *кас/кас-* (хак.), *хунь* (чуж.). В якутском языке это слово имеет не совсем логичную форму *кымын*. В качестве самостоятельного термина *кайын* применяется в ряде языков в значении 'тестя, родственник жены старше ее родителей, отец тестя, свекор, родственник мужа старше его родителей, отец свекра'. В форме *qadin, qazin, qabin, qajin* оно зафиксировано в древнетюркских текстах в смысле 'отец жены, тестя, родственник жены в отношении к мужу' (ДТС).

За пределами тюркских языков параллели этих терминов имеются в монгольском и бурятском (*хадам*), а также эвенкийском (*кадум*) языках (СзТМЯ).

Приведенный обзор еще раз убеждает, что формирование подсистемы свойства (родственников жены и мужа) у предков тюркских народов совершилось на ранних этапах их истории, когда

они, отделившись от тунгусо-маньчжуров и самодийско-угорско-финских племен, представляли довольно компактную, тесно связанную между собой этнолингвистическую общность. Входили в эту общность или примыкали к ней по всей вероятности и монгольские племена. Близость их терминологии родства с тюркскими именно в этих хронологических пластах не ограничивается названными выше случаями. Что касается эвенкийских параллелей, исследователи тунгусо-маньчжурских языков как будто не сомневаются в их заимствованности из монгольских языков (СзТМЯ, с. 381). Примечательно отличие якутского термина: начало обособленного культурно-исторического и языкового развития якутов восходит к очень глубокой древности.

При образовании терминов с компонентом *кайн* тюркские системы проявили заметную разборчивость: в качестве второй части термина в каждом языке взяты наиболее древние устойчивые наименования. Прежде всего это *ага/аке, шаш/эне, эне/инэ (а)/ана (а)*, в меньшей мере — *сиция/неца, бикэ, эже, ага (а)*. У башкир даже в тех районах, где мать именуют *эсэй*, мужчина называет мать своей жены *кайнэ (кайн+инэ)*. В целом вся подсистема свойства башкир не знает термина с компонентом *эсэй*. Слова *бабай, эбей* не участвуют в создании терминов с начальным компонентом *кайн* — во всех тюркских языках.

Создается впечатление, что тюркские подсистемы свойства в том виде, в каком они дошли до нас, сначала складывались как «мужские», т. е. системы классификации родственников жены: именно здесь наблюдаются большая общность терминологии, повсеместное неупотребление в терминах компонента *кайын*. Вероятность этого опирается также на предположение, правда нуждающееся еще в аргументации, о генетической связи этого слова с термином *кагын/кагун/тогун* 'госпожа, женщина-хозяйка, женщина, жена' [Юсупов, 1959; Покровская, 1961]. Впоследствии термин *кайын* и другие наименования, образованные с его участием, распространились на подсистему родственников мужа. Складывались здесь, видимо, сила инерции, стремление делать все по аналогии, по симметрии. К тому же начальное специфическое значение *кайын* 'родственник жены' было забыто. В то же время поражает чрезвычайно широкое распространение этих терминов в их «вторичном» значении: «мужские» и «женские» термины, содержащие элемент *кайын*, почти полностью перекрывают друг друга у большей части башкир, у татар, чувашей, у всех тюркских народов Средней Азии и Казахстана, азербайджанцев, алтайцев, чулымских тюрков.

Однако имеются также отклонения. Наиболее четко они выражены, пожалуй, у южных групп башкир. Выше уже отмечалось, что здесь к матери мужа женщина обращается с помощью слова *бейем (ем)*, старшую сестру мужа и младшую сестру его матери или отца называет *бикэм*, его младшую сестру и племянницу — *бикэс* (соответствующие термины, которыми пользуется муж: *кайна, кайн-бикэ, балды*). У северо-западных башкир и употребле-

или созвучные наименования *бей атай*, *бей анай*, *бей атай*, которые находят параллели у мишарей и части татар, живущих или на территории Башкирии, или в сопредельных районах Татарской АССР и Пермской обл. В форме *пайла*, *пайла*, *пайла* имеются они и у чувашей [Чуваши, II, с. 58–64; Козлов, 1964, с. 152–153].

Еще одна параллель имеется у тувинов — *бег*, *болм* 'отец мужа, старшие братья мужа, все родственники мужа — мужчины старини мужа' [Вайнгейн, 1969, с. 130]. Нам представляется, что она дает ключ к пониманию возникновения упомянутого башкирского термина *бейем* (см.). Слова *бегим*, *бегим*, *байим* (ср. баш. — *бейем*) Э. В. Севортян считает старейшими производными от *бег*, в которых аффикс $-(y/i)+m$ он рассматривает вслед за Г. Рамstedтом и К. Менгесом как показатель женского рода [Севортян, 1978, с. 100]. В таком случае отпадает точка зрения, рассматривающая этот аффикс как показатель принадлежности, а слово *бейем* + ем у башкир как форму с двойным аффиксом [Амангулов, 1973]. В XVIII в. и ранее у башкир был в обиходе термин *бей*, но отпал он скорее и категории социальной терминологии, чем семейно-бытовой; так именовали представителей феодально-патриархальной знати, предводителей родо-племенных общин. Примерно предполагать, что термин *бей* функционировал также и в значении 'господин, ханнин, глава семьи, свекор', из которого была образована женская форма *бейем* 'госпожа, ханшика, свекровь'.

Параллели терминов родства (свойства) с компонентом *бей* немногочисленны. Возможно, сказывается еще недостаточная изученность диалектных терминов в других языках. Заслуживает внимания в этом плане термин *нидлем* в нижнечулымском наречии, зафиксированный А. П. Дульзон в значениях 'старшая сестра, младшая сестра отца, младшая сестра матери, младшая сестра отца мужа (старше него), дочь младшей сестры отца мужа' [Дульзон, 1954, с. 65]. На наш взгляд, термин этот разлагается на части *ни* (чулымский вариант *би/бей*) + *эдле* (ср. в других тюркских языках — *эде*) + *м* (аффикс притяжательности). Более сложный состав имеет наименование *пегецим* (*ни* + *эгецим*) 'старшая сестра жены' [Дульзон, 1954, с. 66], в котором вторая часть термина, в свою очередь, расчленяется на элементы *эге* (старший/-ая) + *ци* (трансформация *эде*) + *им* (аффикс притяжательности). Особенности нижнечулымских терминов с компонентом *ни/би* — их множественность, употребление их одновременно для обозначения кровного родства, свойства по мужу и жене. Расширение их значения, вероятно, произошло в результате перестройки системы в процессе самостоятельного развития.

Чувашские и татаро-мишарские аналоги башкирских терминов *бей анай*, *бей атай*, *бей атай* вполне объяснимы исходя из этнокультурных связей этих народов уже на территории современного расселения — в Среднем Поволжье и Приуралье. Значительно сложнее параллели с чулымскими тюрками и особенно с Тувой. При рассмотрении возможных этнических связей башкир с этими регионами, несомненно, необходимо учесть сложный родо-

племенной состав народа, различный путь этноисторического развития тех или иных племен до вхождения в состав башкирского этноса. Северные и северо-восточные группы башкир, в частности, едва ли знали термины родства/свойства *бей* и *бейем*, и то время как восточнотюркские связи юго-восточных башкир прослеживаются и на других материалах.

ОБОСОБЛЕНИЕ ПРЯМОЙ ЛИНИИ РОДСТВА

В плане истории систем родства и этнических связей башкир интересен вопрос, каким образом реализовано в тех или иных системах выделение прямой линии родства в восходящих поколениях. Заметные различия в этом обнаруживаются в системах таких близкородственных народов, как башкиры и татары. В результате индивидуализации терминов для отца и матери (ступень +2) у башкир была выделена особая ступень (+3) боковые родственники старие родителей и молозе деда и бабуки, дед и бабука вместе со своими старшими родственниками образовали ступень +4. Поскольку все три ступени возникли на базе одной, то у значительной части башкир (южные районы) для обозначения мужчин во всех этих ступенях был использован старый классификационный термин *атай* с присоединением соответствующего детерминатива для ступеней +3 и +4. В северных группах для третьей восходящей ступени (боковые родственники) был использован особый термин — *бабай* (на географии терминов для ступеней +2 и +3 остановимся ниже подробнее).

Татарская система поступила иначе. В ней нет ступени боковых родственников старие родителей и молозе деда и бабуки. Младшие братья деда и бабуки, все братья родителей — и старшие и младшие, а также старшие братья эго объединены под названием *абый*. Соответственно и женщинам — прозвище родственницы этого возрастно-поколенного уровня составляют одну категорию — *тәтәй* (или *ана*). Родители выделены индивидуальными терминами *ата/эти* и *ана/эни*, но их относительный возраст не релевантен. Различаются дед (*бабай*) и бабука (*эби*); термины эти при прямом обращении распространяются также и на старших родственников деда и бабуки, на прадеда и прабабушку с добавлением различительно-поискительных слов «большиний», «дальний», «белый» и т. д. или имени альтера. Относительный возраст деда и бабуки является верхней границей категории родственников *абый* и *тәтәй*.

Эти существенные структурные различия между двумя системами (они сказались также в подсистеме свойства) могли образоваться, с одной стороны, в условиях самостоятельного развития этих систем, когда этнокультурные связи между башкирами и татарами были весьма слабыми. С другой стороны, татарская система, по-видимому, уже до выделения прямой линии родства в поколении +1 заметно отличалась от башкирской. Главная отличительная особенность ее в этой части заключалась в том, что

граница между ступенями +1 и +2 была неопределенная, неустойчивая и подвижная. Критерий относительного возраста отца и матери или не был введен вовсе, или действовал спорадически. Более устойчиво проходила тенденция разграничивать старших кровных родственников по их возрастному отношению к деду и бабушке. Тем самым уже тогда было заложено начало объединения в одну категорию родства представителей трех поколений — полностью +1, частично +2 и 0, завершившегося с окончательным обособлением понятий «мать» и «отец». Следы неустойчивости и подвижности границы между ступенями +1 и +2 в старой системе применения к одному и тому же лицу разных терминов в зависимости от обстоятельств (это и альтер — один и те же) мы видим в синонимических вариантах термина для обозначения боковых родственников: *ага/агай, абай/абай* для мужчин и *ана, атай/атай* для женщин.

Примечательную картину, предшествовавшую формированию черт системы семейного типа и в определенной мере демонстрирующую этот процесс, на наш взгляд, являет каракалпакская система родства. Она помогает понять, как и в каких условиях могли утвердиться принципы классификации родственников восходящих поколений, принятые в татарской системе.

Исследователь каракалпакской системы родства А. Т. Бекмуратов пишет, что «у каракалпаков еще не выработался постоянный, не групповой, а индивидуальный термин для обозначения отца и матери» [Бекмуратова, 1978, с. 32]. По ее наблюдениям, у каракалпаков для обозначения матери применяются термины *ана, ама, аже, аме, шеше, кемпир, кеше, женге*, а для отца — *ага, аке, ата, агай, ажага*. И это не столько диалектные термины, сколько слова-синонимы, употребляющиеся в зависимости от реальной ситуации. В референтивных целях мать именуют *ана*, «но, обращаясь к ней, говорят *ама*». Когда в семье имеется бабушка, при обращении ее называют *ана*, а родную мать — *кеше* (т. е. младшая мать). Когда ребенка воспитывают дед и бабушка (распространенный обычай у тюркских народов Средней Азии и Казахстана), деда зовут (при обращении) *ага*, отца — *ажага* (как и младшего брата отца и старшего брата эго), бабушку — *ана*, а маму — *женге* (как и жену старшего брата или дяди) [Бекмуратова, 1978, с. 31, 32].

В то же время один и тот же термин употребляется для обозначения разных отношений родства: *ага* означает старшего брата деда, младшего брата деда, старшего брата отца, а с детерминативами *аке* и *улкен* — деда и прадеда по отцу; *аке* — младшего брата деда по отцу, отца, старшего брата отца; *ага* — младшего брата деда по отцу, старшего и младшего братьев отца, отца, старшего брата эго. Термины для женщин — кровных родственников имеют также широкое значение: слово *ана* в самостоятельном виде или в составе сложных (*ажена*) и составных терминов (*улкен ана, кемпир ана*) применяется к лицам, начиная со старшей сестры и кончая бабушкой по отцу.

Как видно, семантический диапазон терминов широк и в горизонтальном (линии и степени родства) и в вертикальном разрезе. Особенно неустойчиво положение родителей в структуре родственных отношений. И дело далеко не в том, что неизвестны или малоизвестны подлинные отец и мать: для системы более существенное значение имеет их реальное положение в родственном коллективе — семейной или родовой общине. Поскольку менялся статус родители в коллективе (состав и структура таких коллективов были неустойчивыми) менялось и его обозначение в номенклатуре.

Современная каракалпакская система (в ее верхней части) переживает процесс индивидуализации терминов для отца и матери, заключающийся в стремлении закрепить за ними постоянные термины. При этом эта система обнаруживает заметное равнодушие к поколенной принадлежности и относительному возрасту боковых родственников от эго до деда и бабушки, хотя некоторые различия все же существуют. В ней есть зачатки обоих вариантов обособления прямой линии в восходящих поколениях — татарского и башкирского, но первый вариант несколько преобладает. Однако сказанное не значит, что развитие каракалпакской системы неизбежно приведет к идентичности с татарской или, что еще менее вероятно, с башкирской. В настоящее время система родства каждого народа испытывает интенсивное влияние современных социальных отношений и интернациональных норм поведения, и ожидать каких-либо структурных перестроек в них не приходится.

Различия и сходства между башкирской и татарской системами не исчерпываются отмеченными особенностями.

Обособление прямой линии родства в поколении +1 и происшедшая в связи с этим перестройка поколенно-возрастной классификации родственников привела к определенным изменениям в системе терминов родства и заметным сдвигам в значении прежних терминов. Эти изменения и особенно семантические сдвиги на рубеже поколения эго и его родителей обнаруживаются почти всюду.

Термины для отца у башкир и татар различаются лишь по фонетическому облику: у башкир всюду бытует термин *атай*, в то время как татарский вокативный термин имеет форму *ага/атай*. Твердоязычное *ага/агай* встречается у татар в диалектной лексике в составе сложных терминов (*жайната* 'тесть, свекор'), более широко употребляется в качестве референтивного термина (*ага-сыман калган мал* 'оставшееся от отца имущество' *ага йорто* 'отчий дом'). В этих последних случаях слово имеет более абстрактное значение. В мягкоязычной огласовке термин этот у башкир бытует в детском языке (*атта*), а также в терминологии родства северных групп (*атей* — северо-западная группа говоров).

Слово это распространено в большинстве тюркских языков [Севергин, 1974; Покровская, 1961, с. 25–27] в значениях 'отец', 'дед', 'дядя'. В казахском, каракалпакском, киргизском, туркмен-

ским и в ряде других языков более тесно и значению 'дед'. Твердая закреплённость значения 'отец' у башкир и татар, видимо, отражает активные историко-культурные контакты и этноязыковые взаимодействия этих народов за последние 4–5 столетий. Но взаимодействие, несомненно, было неодинаково во всех районах расселения обоих народов, как был неодинаков и этнический состав. Одним из свидетельств такого различия является география термина для обозначения матери у башкир.

Общий с татарами термин *имай* (варианты *эней*, *инэй*/*инэй*) 'мать' распространён к западу и северу от границы, которая, начинаясь с верховьев р. Демы, по р. Стерля идет к Белой и у устья рек Сим и Ишёр поворачивает на восток, затем севернее г. Белорецка пересекает Южный Урал, охватывая и восток от гор Учалинский р-н БАССР, башкирские деревни Челябинской (районы Уфёвский, Аргаяшский, Кунашанский и Соколовский) и Курганской (районы Сафакулевский, Алыменевский) областей*. Ареал термина, таким образом, включает территорию всего восточного диалекта, северо-западной группы говоров, а также демского и большей части среднего говоров южного диалекта башкирского языка [Махметова, 1976; Миржанова, 1979]. В пограничной полосе этой зоны были расселены племена Минг, Табын, Кудей, Катай. В области, лежащей к югу от этой границы, термин *имай* употребляется в значении 'тетя старшие родители и младше деда и бабушка'.

Для матери в этой области всюду один термин — *эсэй*, который совершенно неизвестен во всей северной зоне расселения башкир. Нет такого термина и у татар: лишь в чувствольском (Татарстан АССР) и хвалынском (Ульяновская обл.) мещарских говорах зафиксировано слово *эи/эид* 'старший брат', 'старший родственник' (ДСТЯ), в котором можно усмотреть отдаленное соответствие башкирскому *эсэй*. В целом параллели этого термина простираются на юг и восток — к тюркам Сибири, Казахстана и Средней Азии (подробнее см. выше, а также нашу работу 1971 г. и словарь Севортна [1974]). Несмотря на территориальную близость и изменившее место в XVI–XVIII вв. непосредственные контакты, мы исключаем возможность заимствования этого термина юго-восточными башкирами у каракалпачков или казахов. В таком случае слово это у башкир имело бы фонетический облик *эжэй* или *эзэй* (ср. казах., парак., и кирг. — *эже*). В последнем варианте мы действительно находим этот термин в нескольких деревнях в горном районе близ г. Белорецка, где он означает бабушку. Здесь вполне можно допустить включение в состав башкир небольшого этнического компонента, родственного среднеазиатским тюркам.

Башкирское юго-восточное *эсэй* по своему фонетическому об-

лику ближе стоит к варианту *дчд* (соответствие башкирского с исконно тюркскому ч), известному в туркменском, письменном чагатайском языках и кумандинском наречии алтайского языка, среднеулымскому *имд* и хакасскому *име(м)*. Одна из равновидностей этого слова *эсэй*, бытующая в Баймакском р-не БАССР (кызыльский говор) (мы здесь намеренно отключаемся от возможной структуры этого варианта — *эба+(э)сэй*), непосредственно примыкает к термину *дичи* в уйгурском, алтайском (лебединское и телютское наречия) языках и кумано-ныпчакскому *инд*. В любом случае башкирское *эсэй* по всей вероятности функционирует в языке юго-восточных племен с давнего времени и свидетельствует об их непосредственных контактах в определенный исторический период с восточной группой тюрков. Похоже, что само это слово восходит к дотюркской, возможно дотюрко-монгольской, эпохе, и современные его формы у башкир, с одной стороны, у казахов, киргизов, паракалпачков, а также бурят и монголов МНР — с другой, могут рассматриваться как две самостоятельные вариации разветвления древнего корня [Бикбулатов, 1971]. Обращает внимание наличие соответствий в тунгусо-маньчжурских языках (ср. напайское *эи* 'женщина, супруга') [Каргер, 1927].

На той же территории, что и *имай* 'мать', распространены у башкир термины *бабай* (варианты *баши*, *баши*, *бышай*) 'родственник старшие родители и младше деда и бабушки' и *эбей* (варианты *эби*, *эбей*) 'родственница старшие родители и младше деда и бабушки' (ступень +3). В южной (точнее — юго-восточной) области им соответствуют наименования *алагай* (мужчины) и *инэй* (женщины). В Баймакском, частично Абзелитовском и Бурзинском районах (кызыльский говор) в значении боковой родственник старшие родители и моложе деда и бабушки бытует термин *ала*, а южнее, по р. Зилаир, у степных тувагуров тетю старшие родители именуют *эмэ*, *эмэй* (термин не активный).

Термин *бабай* в западных районах Башкирской АССР и пограничных районах Татарии применяется, как и в среднем диалекте татарского языка, в значении 'дедушка', 'прадедушка', 'родственник старшие деда'. Довольно широк ареал этого термина для обозначения свойственников — отца жены (мужа), деда жены (мужа) и родственников старшие родители жены (мужа). В юго-восточной Башкирии (в зоне *алагай* — *алай*) слово это как термин родства неизвестно, если не считать случаев обращения жены к пожилому мужу с пренебрежительным откликом.

Для обозначения женщины в тех же категориях и ступенях родства и свойства термину *бабай* всюду сопутствует слово *эбей*.

И по значению, и по территории распространения термины *бабай* и *эбей* свидетельствуют об определенной, гораздо большей, близости западных и северных групп башкир с татарами Среднего Поволжья. Но близость эта включает и различия: семантические сферы терминов неодинаковые, что можно объяснить разными структурами систем и социально-бытовыми традициями до выделения индивидуальной семьи.

* В более ранних вариантах публикаций (1969, 1971 гг.) граница эта проведена несколько иначе ввиду недостаточности картографированных материалов.

Слово *баба* (á) известно чуть ли не всем тюркским и монгольским народам [Севортян, 1978]. Из этого факта едва ли можно вывести какие-либо заключения в плане этнокультурных связей. Поэтому представляется весьма существенным учесть, насколько активно функционирует термин в составляемых системах, в каком смысле и в сочетании с какими терминами. В частности, в каракалпакском *баба* имеет узкое значение 'прадед' [Бекмуратова, 1978, с. 35], известна еще диалектная форма *бау/бууа* 'дед, предок' [Доспанов, 1974]. У туркмен Кахкинского и Тедженского районов Туркменской ССР *баба* употребляется в строго определенном смысле 'отец матери', в Серахском р-не — 'дед по отцу и матери'. Практически отсутствует этот термин в действующей номенклатуре родства казахов и киргизов. Нет его и в ряде диалектов алтайского и хакаского языков (наши полевые материалы; см. также: Патачакова, [1973] Межекова, [1973]; Бордюков [1973]), в тувинском (Ванштейн, 1969), а также в языке пажнечудымских и среднечудымских тюрков (Дульзон, 1954). В то же время хорошо представлен этот термин в монгольских языках, а у западных бурят в форме *баабай* 'отец' он функционирует, как и у башкир и татар, рядом с «женской» параллелью — *баби* 'мать'.

В одной из наших прежних публикаций [1974] был сделан вывод, что башкирское население Придемья, центральной и северной части Башкирской АССР, Челябинской и Курганской областей в значительной степени связано с татарами и монголами периода монгольского нашествия и господства Золотой орды. Имелась в виду прежде всего племена Минг, Табыл (обе группы — западная и восточная), Катай, Сальют. Этническая связь этих племен с монгольским кочевым миром прослеживается и по другим источникам [Кузнец, 1974, 1978].

Тогда же была высказана и другая мысль, конкретизирующая приведенный выше вывод, что «северо-восточные и зауральские племена, если не все, то основные, наиболее крупные из них, пришли на современную территорию их обитания не с востока и не с юга, а скорее с запада, точнее — с юго-запада, через Дему, Уфу, Сим, а зауральские — и через Урал» [Бибугалов, 1974]. В настоящее время нет оснований в целом отвергать эту мысль. Наибольшая общность терминов и структурных принципов пролегает именно на этой полосе, как бы рисуя возможный путь постепенного продвижения кочевнических племен. В этой связи весьма примечательна близость многих черт культуры и бытовых обычаев западных и восточных частей племен Табыл и Катай, титовцев и северо-восточной Башкирии и Челябинскому Зауралью бассейна р. Демь. Сами по себе ареалы рассматриваемых диалектов могут говорить и об обратном движении, но здесь должны быть учтены ландшафтные условия, а основной регион сосредоточения этноса, которые говорят за направление юго-запад — северо-восток — восток.

В то же время вполне можно допустить, что часть северо-вос-

точных племен и родов могла прийти на современную территорию расселения с востока, скорее с юга, но по восточной стороне Уральских гор. Прорывались через Урал, они могли столкнуться с племенами, продвигавшимися с запада, и войти с ними в длительные этнические контакты. Такими рисуются по характеру расселения, особенностям языка (словообразный сальютский говор, специфика аргайского говора — [Максимова, 1976]) сальюты, мюльтовицы, сынгирны (зырины), терсики. Топонимы салыгут/салыгут, сынгирни в Приуралье могли бы рассматриваться в таком случае как крайние (конечные) точки движения этих племен на запад. Такой путь движения и освоения современной ойкумены, по наш взгляд, объясняет как словообразно языка и культурно-бытового уклада зауральских племен, так и наличие в них общих черт с племенами и родами центральной и юго-западной, отчасти западной Башкирии.

Однако для полной аргументации изложенной точки зрения необходимо привлечь данные на других аспектах этнической характеристики населения, особенно из области языка, что не входит в задачи нашего исследования. По системе родства в дополнении к сказанному мы можем указать на заметную близость зауральских башкир с тюменскими татарами и томскими тюрками-зуртницами [Дульзон, 1954, с. 79—81].

Говоря о терминах, связанных с поколением +1, точнее о семантических сдвигах и перемещенных терминах в связи с выделением прямой линии родства, нам остается обратить внимание на юго-восточные *ана* 'дядя старше родителей' и *эмэ(á)* 'тетя старше родителей', которые находят наиболее близкие параллели, как и *эсэй*, у восточных тюрков, монголов и тунгусо-маньчжуров. По-видимому, было бы ошибкой рассматривать их как слова, проникшие в язык юго-восточных башкир, в частности буралы (*ана*) и тунгауров (*эмэ*), в период поздней перестройки системы родства. Вероятнее, что произошло изменение значения терминов, восходящих к более ранним связям племен.

РАЗЛИЧЕНИЕ БОКОВЫХ ЛИНИЙ

Современная башкирская система, как отмечалось выше, не различает линий отца и матери, боковых линий. Более того, в последующих поколениях в вокальной системе прямая линия слита с боковыми. Такое сочетание черт описательного и майяского типов роднит башкирскую систему с татарской.

В то же время обе системы сохранили следы различения линий родства; особенно это заметно в разрезе диалектов и этнографических групп. В частности, у западных групп мишарей (Пензенская обл., Мордовская АССР) существуют термины для родственников второй (*гудыка*), третьей (*гумачи*) и четвертой (*горачи*) боковых линий. У башкир такой градации родства нет, но соответствующий мишарскому *гумачи* термин сохранился в составе собирательного наименования *гумачи-гумачи* 'род-

ственики близкие и дальние, родные и не родные», в котором тюркское выражает боковые (не родные) линии родства. Встречается также, правда редко, наименование тюркское 'сподний (дальний) родственник, незаконнорожденный' (брат или сестра). Видимо, к одному корню восходит мишарское *горачи* и башкирское *гором* 'явук' — термин чрезвычайно редкий, почти забытый (ср. тур. — *torun*).

Башкирская диалектная терминология донесла до нас реликты различения материнской линии родства и потомства женской ветви кровного родства, что совершенно не характерно для татарской системы. Эти черты обнимают башкирскую систему в ее прошлом с системами родства тюрко-монгольских народов Сибири и Средней Азии. В данном случае мы имеем в виду термины *йейән/жыян* и *йейәнсәр/жыянсар*, *булә* и *буләсәр* (значение терминов см. в словаре). На юге Башкирии (лк — сакмарский говор) по-прежнему обозначаются родители отца и матери, но основные компоненты терминов одинаковы и отличаются они друг от друга лишь детерминативами. Поэтому трудно сказать, в какой мере мы имеем дело с древними традициями.

Наиболее широкий ареал имеет термин *йейән*. В форме *jəgin*, *jəgin*, *jəgin* он зафиксирован в древнетюркских памятниках. Ближе к древнетюркскому туркменский *eegen* и турецкий вариант *yeğen*. В алтайских диалектах слово это имеет форму *тееен*, *тееен*, *jeen*, *чеен*, в тувинском языке — *чээн*, хакасском — *чеен*, в шорском наречии — *чээн*, среднечулымском *чен*, кызылском *шен* [Дульзон, 1954, с. 76, 83], в каракалпакском языке — *жиен*, казахском — *жиен*, узбекском — *жиен* и *жиан*, киргизском *жээн*, ногайском *йеен*, якутском — *сиэн*.

Часто значение этого термина переводят как племянник (ица), внук(чка) по женской линии [Покровская, 1961, с. 51, 52]. Это не совсем точно: в термине идея поколений выражена весьма слабо, а больше игнорируется совершенно. В частности, в каракалпакском *жиен* называются дети (сын или дочь) старшей и младшей сестры (поколение —1 соответствует по сути «племянник по женской линии»), сын и дочь сестры отца (поколение эго, частично соответствует понятию «двоюродный брат/сестра»), сын и дочь сестры деда по отцу (поколение +1, частично соответствует русскому «дядя» или «тетя»), сын и дочь дочери брата (поколение —2, «внучатый племянник»), т. е. представители четырех поколений. В то же время дети детей, примыкание внуки, в том числе и дети дочери, выделены специальным термином *аклык* [Бекмуратов, 1978, с. 35—37]. Аналогичную картину наблюдаем в туркменской системе: *eegen* означает детей сестры эго (первое нисходящее —1 поколение) и детей сестры отца (нулевое поколение). Люди трех поколений (+1, 0 и —1) объединены под одним термином у тувинцев, хакасов, узбеков. В некоторых системах, главным образом в тех, в которых нет особого термина для внуков, рассматриваемый термин означает также детей дочери (киргизы, алтайцы, башкиры).

В некоторых системах имеются отклонения, которые Л. А. Покровская объясняет, что «в связи с изменениями в самой системе родства идея обозначения термином *eegen* родства только по женской линии, по-видимому, стирается», что «семантическое развитие термина *eegen* идет в сторону сужения и специализации значения: 'племянник', внук <^{«племянник»} *ayun*> и одновременно в сторону расширения специализированного значения: 'племянник по женской линии' > 'племянник вообще', 'внук по женской линии' > 'внук вообще' [1961, с. 51—52].

Дифференциацией и расширением значения 'внук' не произошло. Л. А. Покровскую ввел в заблуждение употребление термина в башкирском литературном языке, которое не соответствует его значению в языке народа: ни в одном из диалектов или говоров слово *йейән/жыян* не употребляется в значении 'внук вообще'. Что касается «расширения» значения 'племянник' (добавим еще 'кузен'), то здесь перед нами по всей вероятности свидетельство былой дуально-эксогомной организации и их трансформации в условиях, когда дуально-родовая экзогамия не только исчезла, но и была забыта.

Обратимся снова к туркменской системе, которая в силу каких-то особых условий сохранила некоторые архаические черты. В селении Махенли Калахкинского р-на мужчина брата жены называет *гаймнага*, его сына — *eegen*, дочь его — *eegenche*. Также и женщина брата своего мужа именуется *гаймнага*, а его детей *eegen* и *eegenche*. Употребление термина в таком значении — явление нераспространенное; в других населенных пунктах Туркмении, обследованных нами, оно не обнаружено. На первый взгляд оно кажется странным, но находит объяснение, если допустить, что женой *гаймнага* в условиях перекрестных и перекрестно-кузенных браков, обычных для туркмен, могла быть сестра или тетя эго. В таком случае дети *гаймнага* (т. е. сестры или тетки по отцу эго) могут быть только *eegen*.

В селении Балыкча в Горно-Алтайской автономной области нами зафиксирован термин *jeen kelди/jeen келин* в значении (жена младшего брата жены). Не говорит ли и этот случай, что жена брата могла итаться *jeen* для эго? Еще один случай: брат матери жены у кузандицев называется *чеен гаймак* [Сагаев, 1974, с. 107]; это значит, что мать зятя приходится кровной родственницей эго.

С точки зрения дуальной организации с кросс-кузенными братьями находит объяснение значение среднечулымских терминов *ченага(м)* 'сын брата матери старше эго', *чеен турга(м)* 'дочь младшего брата матери', *чеен дафт* 'сын брата матери моложе эго' [Дульзон, 1954, с. 76]. Во всех этих случаях женой брата матери могла быть кровная родственница эго по отцу.

Как видно, возможность расширения семантики термина была заложена с самого начала и направление расширения было предопределено утратой дуальной организации. Отсюда значение термина, правда редкое, 'сын сестры матери', возникшее, по-

видимому, по аналогии с 'сын брата матери' — 'сын сестры матери' у среднечулымских тюрков [Дульзон, 1954, с. 76] и 'дети сестры жены' (по образцу 'дети брата жены' — 'дети сестры жены') у туркмен.

В монгольских языках тюркскому *йеген/йейэн/жиген/чеген* соответствует *азз, азэ* (буриты), *аз* (калмыки). В ряде тюркских и в монгольских языках для обозначения сына или дочери *йеген* образованы термины с суффиксом *-шер, -чер, -сэр, -сэр; жийен-шер* (каракалп.), *сизичер* (якут.), *азисэр* (бур.), *йейэнсэр* (башк.). Аффикс *-сар/-сер* рассматривается как показатель уменьшительности, заимствованный из монгольских языков [Покровская, 1961, с. 52; Севортян, 1978, с. 218; Абрамзон, 1976].

Противоположную термину *йеген/йейэн* позицию занимает в тюркских языках наименование *тай/дайы*, применяющееся или самостоятельно, или как начальная часть сложного термина для обозначения родственников по матери: *тайда(м)* 'отец матери', *тайна(м)* 'мать матери', *тай(м)* 'брат матери, дети брата матери' и т.д. — в алтайском языке; *тай ага* 'отец матери', *тай эне* 'мать матери', *тай аке* 'брат матери', 'сын брата матери', *таеже* 'сестра матери, дочь брата матери' — в киргизском; *дайы* — в туркменском, турецком, каракалпакском; *дайыка, дайын* — в галаузском языках [Покровская, 1961, с. 47—49]. В виде *даай* оно известно в тувинском языке, *тай* — у хакасов, кымыльцев, чулымских тюрков. В казахском языке ему соответствует *нағашы*, в ногайском — *нағаш* (*нағаш эне* 'мать матери', *нағаш акай* 'дяди по матери', *нағаш ала* 'старшая родственница по линии матери'), параллели которых имеются в монгольских языках; письм.-монг. *нагацу*, *калла-монг. нагац*, бур. (забайкальск.) *нагаса* [Номинзанов, 1958, с. 45—46; Балдыев, 1960].

Ни в одном из башкирских диалектов термин *тай/дайы* или какие-либо его видоизменения не обнаружены. Весьма слабо сохранились следы наименования *нагаса/нагасы/агаса* в значении 'родня матери', 'отчий дом (женщины)'. Как указывалось выше, в прошлом этот термин должен был обладать значительно большей активностью, что обусловлено интенсивным функционированием термина противоположной позиции *йейэн/жигэн*.

И ареал слова *нагаса* у башкир может быть восстановлен по соответствию с территориальной распространением термина *йейэн*, который зафиксирован нами по-прежнему в юго-западной Башкирии (частично демский, юшатырский говоры), в центральных районах (средний говор), в верховьях р. Инзер и северо-восточном Зауралье (вост. диалект). Вполне вероятно, что в более отдаленном прошлом рассматриваемая лексема была известна на более широкой территории, но какие-либо его следы в северных и северо-западных районах, как и у татар, не найдены. По-видимому, тщательное изучение распространения имен и фамилий с компонентом *жигэн* в XVII—XVIII вв., зафиксированных в многочисленных исторических документах, позволит более точно начертить географию бытования термина.

Взаимосвязь со словом *нагаса*, ареал которого строго локализован, дает возможность, в свою очередь, установить наиболее близкие параллели обоих терминов: из тюрков — это ногаи, казахи и монгольские народы. Здесь мы не ставим вопроса о заимствовании башкирами обоих терминов или одного из них у какого-либо из перечисленных народов или наоборот; на достигнутом уровне познания фактов важно было выявить существование этнических и языковых связей в определенный период в рамках довольно узкого круга народов. Правда, тут этот может быть расширен; мы недостаточно знаем номенклатуру родства различных групп западносибирских татар, тюркского населения Кавказа.

Сложнее вопрос об относительной хронологии структурных принципов системы родства, выражаемых рассматриваемыми терминами. Можно допустить, что перед нами трансформированные остатки древнейшей системы классификационного турано-галаузского (или аустралийского) типа: всюду в таких системах «братья» и «сестры» матери именовались иначе, чем «братья» и «сестры» отца; различались дети сестер и дети братьев. В последнем случае применялись разные термины в зависимости от пола эго. Различение материнской и отцовской линий в туранских системах (бифуркации) одновременно предполагало слитость прямой линии с мужской ветвью линии отца (отец — братья отца, братья и сестры эго — дети братьев отца) и женской ветвью линии матери (мать — сестры матери; сиблинги — дети сестер матери).

С другой стороны, разграничение отцовской и материнской линий и дифференциация мужской и женской ветвей в каждой из них характерны также для систем арабского типа. Собственно арабские системы и возникают на базе турано-галаузских, являясь лишь прямой линией при сохранении бифуркации. Современные тюркские системы Средней Азии, Казахстана и Сибири в большей мере сохраняют черты систем арабского типа. Поэтому группу терминов *йеген/йейэн/жиген, тай/дайы* и связанные с ними структурные принципы можно было бы увязать со стадией арабского типа системы. Однако в большинстве тюрко-монгольских, особенно тюркских, систем слишком качественно пропускают черты недавней турано-галаузской системы. Почти повсеместное распространение рассматриваемых терминов — от Алтая до Малой Азии и от Якутии до южных пределов расселения тюрков — также говорит о том, что они, возможно, начали применяться в более древнюю эпоху — функционирования туранской системы.

Речь идет именно о начале применения. А в целом эти термины прошли через длительную стадию функционирования системы арабского типа и претерпели определенную трансформацию. По всей вероятности термины *тай/дайы* и *йеген/жиген* сначала были самостоятельными наименованиями и лишь позднее с их участием постепенно образовались сложные термины типа *тайаке, тайэже, тайата* и др. Как известно, многоступенчатость, стремление детализовать и точнее обозначить линии и степени родства характерны для систем арабского типа. Слабая степень

сохранения этих терминов у башкир может быть объяснена тем, что арабская система у них, возможно, не получила достаточно полного развития и в связи с более ранним включением в систему социальных отношений в России и Европе быстро была разрушена. Необходимо учесть также полное отсутствие рассматриваемых терминов у северо-западных башкир и казанских татар.

Со стадий арабской системы следует связывать появление терминов *була/боле* и *булгасар/болгасар*. География их несколько шире. В значении 'дети сестры матери' (взаимный термин для детей сестер — родных и collateralных) термин *боле* известен в тюркских языках Сибири и Алтая, у казахов, киргизов, каракалпачков, погайцев. У алтайцев на р. Бии (с. Кебеазент) и погайцев, как и у башкир, имеются производные термины от той же основы для детей *боле*: *болешер* и *болешер*. В монгольских языках им соответствуют: *булур* 'двоюродный брат/сестра', 'семья', 'семейство' (бур.); *боле* 'семейство', 'домашние' (монг.); *боле* 'дети двух сестер' (калм.), *бул* 'двоюродный брат' (халх.) [Севортян, 1978, с. 218]. Л. А. Покровская пишет, что термин *боле* в тюркских языках юго-западной группы совершенно отсутствует, и объясняет это заимствованностью слова из монгольских языков [1961, с. 53].

Э. В. Севортян [1978, с. 217—219] приводит данные о бытовании термина в узбекском, гагаузском и диалектах турецкого языка, главным образом в речи туркменских племен Турции. Наличие в диалектной лексике узбекского языка в целом не нарушает нарисованной выше картины распространения термина. Определенно нет этого термина в азербайджанском и туркменском языках, в последнем для детей сестры матери используется наименование *чыкан*. Он не зафиксирован также в татарском, чувашском языках. Что касается турецких диалектных слов, в них наблюдаются заметные отклонения в фонетическом облике (тенденция к твердояркой огласовке) и особенно в семантике. Поэтому мы ограничимся историко-этнографической интерпретацией термина в тех формах и значениях, которые образуют единый ареал в северо-восточной зоне расселения тюрков; отнесется сюда также исе монголы. Всяду здесь слово *боле* функционировало как взаимный термин для детей двух сестер, т. е. для различения параллельных кузенов со стороны матери.

Рассматривая в совокупности термины *белег/белег*, *гай/дайы*, *боле* в период их активного функционирования, мы получаем картину четкого разграничения между собой кросс-кузенов по отцовской (*белег*) и материнской (*гай*) линиям, выделения параллельных кузенов (*боле*) со стороны матери (только надо оговориться, что осуществлено это было с присущей тюрко-монгольским системам спецификой — обязательным смешением смежных поколений). Эти принципы разграничения линий родства характерны для систем арабского типа. В классификационных турано-ганованских системах параллельные кузены не отделены от родных братьев и сестер. Поэтому термины *була/булгасар* у башкир и

их соответствия у других тюркских и монгольских народов правильно отнести к периоду формирования системы арабского типа. При этом обращает на себя внимание, что ни у одного из перечисленных народов нет случаев обозначения этими терминами родных братьев и сестер, т. е. следов слияния посредством этих терминов прямой линии с параллельной линией со стороны матери. Второе значение слова *була/боле* 'семья, семейство', распространяемое в пределах той же зоны, не противоречит первому. Возможно даже, что оно явилось основным: обращаясь друг к другу этим взаимным термином, дети сестер, видимо, подчеркивали, что матери их относятся к одному *боле*, восходит к одному корню.

При характеристике бифуркационно-линейных принципов систем родства тюрков можно было заметить отсутствие терминов для параллельных кузенов по линии отца: их нет, поскольку нам известно, ни в одном из тюркских и монгольских языков, эта линия слита с прямой линией родства. В этом прежде всего проявляются (в кузеном поколении) классификационные (турано-ганованские) черты тюркских систем в прошлом. Кроме того, это является, на наш взгляд, показателем патрилинейной филлиации в системе родства. Здесь мы, вероятно, сталкиваемся с еще одной особенностью тюркских (и монгольских) систем: стадия арабской системы в них не привела к обособлению параллельной линии со стороны отца (братьев отца с их потомством) и в таком состоянии они шагнули к стадии описательно-линейных систем.

Сопоставительный анализ принципов разграничения линий родства (бифуркации и линейности) позволяет полагать, что на стадии активного функционирования системы родства арабского типа в основных чертах сложилась современная карта расселения тюркских народов и этноязыковые взаимосвязи между ними в этот период не выходят за пределы соседских. Но заимствованные элементы у каждого из них накладываются на разные основы и ведут к выделенным вариациям. Должна быть учтена и другая деталь: не были еще прекращены перемещения отдельных родо-племенных образований (этнических групп) в пределах общей территории расселения этноса, что приводило к новым перегруппировкам и изменению ареалов отдельных этнографических явлений. В этом плане представляется весьма примечательной полоса родственных этнографических фактов, идущая с верховья р. Демы до Челябинского Зауралья.

* * *

Сравнительное изучение структурообразующих принципов и связанных с ними терминов в системах родства башкир и других народов, принадлежащих одной с ними языковой семье или соприкасавшихся с ними в процессе их исторического развития, показывает, что специфические особенности тюркских и монгольских систем, отличающие их от систем родства индоевропейцев,

налеобазатов, тибето-китайцев, кавказцев, образовались в глубочайшей древности, но-видному в дотюркскую эпоху. Сюда мы относим разделенно пополюем это на старшую и младшую половины, сопровождающиеся смешением каждой из них со смежными поколениями, что привело впоследствии к так называемому скользящему счету поколений. Эта специфика присуща в целом системам родства алтайских и уральских народов.

Тюркские и в значительной мере монгольские системы объединяет общность основного терминологического фонда. Лингвистами проделана чрезвычайно большая работа по установлению ареала терминов родства, выяснению их семантики и этимологии [Севортян, 1966, 1974, 1978; Ципциг, 1971, 1972; и др.]. Многие тюрко-монгольские термины, в их числе *аба/ана/абба/эна, баба, ака/ака, ача/ачы/аче/эже/эсе*, восходит к алтайской общности (см. соответствующие статьи в словаре Э. В. Севортяна). Несомненно древними являются термины *ата(й) ана/эне/инэй, йеген/женен*, из наименований для свойственников — *келин/киден, күйеу/энен/кёрү/курокен* (монгольск. *хурьген*), *йеңсе* и др. Все они свидетельствуют не только об общих истоках тюрко-монгольских языков, что в целом уже не представляет проблемы, но также о глубокой древности многих социально-бытовых институтов, о большой хронологической протяженности социальной истории тюрков и монголов.

В свете этнической истории отдельных народов или групп родственных этносов немалый интерес представляют более поздние семантические смещения в терминах в тесной связи с изменениями в принципах (компонентах) систем родства, расхождение в той и другой области. На наш взгляд, проделанный сопоставительный обзор дал определенные результаты.

В процессе эволюции древней системы родства у башкир замечаются три линии связей, проливающие некоторый свет на проблемы этнической истории народа: 1) с татарами и в какой-то мере вместе с ними с монголами накануне и в период татаро-монгольского владычества в Евразии; 2) с тюркскими соседями с юга и востока в эпоху средневековья и новое время; 3) с восточными тюрками, забайкальскими бурятами и тунгусами.

Хронологические пределы третьей линии связи пока вырисовываются менее отчетливо. Связи эти касаются узлолокализованной части башкир, главным образом территории расселения племен бурани, усергаи, тунгаур, и, как писалось в одной из наших прежних работ [1971], «не могут быть сведены к древним истокам алтайской общности... речь идет о явлениях сравнительно позднего порядка, о поздних вариациях терминов» (*анай, эсэй, эмэ*, отсутствие наименований *бабай, эбей*), которые перекликаются с определенными предметами материальной культуры и формами женских украшений, имеющими четкий этнический показатель [Шихова, 1971]. Какая-то часть племен, вошедших в состав юго-восточных племен, по-видимому, долгое время контактировала с населением Южной Сибири, точнее Саяно-Алтан, еще после того,

как значительные массы тюрков продвинулись на запад, и доведя до нас материальные и социально-языковые остатки этих контактов.

Не менее сложными были первая и вторая линии связей: судя по всему, они были многослойными и протекали по разным направлениям и линиям.

Выявленные параллели, главное их связь с определенными этапами в развитии систем родства, говорит о необходимости привлечения данных терминологии родства для этногенетических исследований. Но достигнутые результаты пока довольно скромные и возможности такого источника ни в коем случае нельзя переоценивать. Для более определенных построений необходимо дальнейшее детальное изучение диалектных систем и терминов с максимальной точной фиксацией фактов. Это тем более необходимо, что этноязыковые контакты прошлого по многим параметрам отчетливее проявляются не в разрезе современных языков и народов, а диалектов, говоров и родо-племенных (этнических) групп. Наиболее полная картина эволюции систем родства тюркских народов, процессов языкового и социокультурного влияния в этой области может быть воссоздана при сопоставительном изучении систем родства соседних народов — финно-угров, восточных славян, индо-иранцев, народов кавказской семьи.

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СИСТЕМЫ РОДСТВА

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СИСТЕМЫ

Терминология родства башкир представляет реально функционирующую живую систему, играющую важную роль в регулировании взаимоотношений людей, накладывающую заметный отпечаток на природу внутрисемейной и общественной жизни народа. Примечательна одна черта: чем дальше вглубь от наших дней, тем сильнее и отчетливее выступает значение родственных отношений и общественном быту башкир.

Всеохватывающий характер системы в пределах аула, общины и включение в систему родственно-свойственных отношений жителей соседних деревень показывают, какой универсальный масштаб представляла система в жизни башкирского общества. Рассмотрение социальной функции системы родства башкир в недавнем прошлом подтверждает тезис Энгельса о решающей роли родства в общественном строе народов, стоящих на более низких ступенях социально-экономического развития [Маркс К., Энгельс Ф., с. 21, с. 35].

Относительно башкир и тюрко-монгольских народов Южной Сибири, Средней Азии и Казахстана можно полагать, что сохра-

венно большой роли отношений родства в их жизни способствовал кочевнический образ жизни, надолго законсервировавший традиции патриархального быта. Как известно, социально-экономические отношения у этих народов нередко выступали под оболочкой родственных отношений.

Общественная значимость системы родства обусловлена тем, что термины родства, как указывал Ф. Энгельс, являлись выражениями «фактически существующих взглядов на близость и дальность, одинаковость и неодинаковость кровного родства», «отлекут за собой впадине определенные, весьма серьезные взаимные обязательства, совокупность которых составляет существенную часть общественного строя народов, стоящих на низких уровнях социально-экономического развития [Маркс К., Энгельс Ф., т. 21, с. 34, 35]. Разграничивая людей по старшинству, поколонной принадлежности, по степени близости и дальности родства, система родства устанавливала социальный статус человека в родственном коллективе. В этом плане она являлась механизмом наиболее универсальным: она безошибочно определяла статус каждого индивидуума, его преимущества и обязанности перед всеми другими и всех других перед ним. Как известно, наибольшей детализацией отличаются системы арабского типа.

Ступени родства у башкир представляют собой как бы возрастные ранги. Принадлежность к более высокой ступени давала определенные преимущества и привилегии перед людьми нисходящих ступеней. Почитание старших, предпочтительные права старших перед младшими и взрослых перед детьми в той или иной мере характерны для всех обществ. Но у тюркских народов, в том числе и у башкир, старшинство было доведено, по существу, до уровня культа. Оно распространялось не только на родителей и прямых предков, а на все восходящие ступени родства.

Поведение эго в отношении к каждой ступени было дифференцированное. Невисанный этикет определял форму поведения эго не только при общении с людьми высших ступеней, но также и нисходящих рангов.

На верхней ступени этой поколенно-возрастной иерархии находились дед, бабушка и люди старше их. Обычай предписывал каждому оказывать почитание и безоговорочное послушание, проявлять скромность и сдержанность при общении с ними, готовность помочь в необходимых случаях. На таком же положении были представители ступени +3. И было совсем не обязательно для оказания почестей, чтоб тот или иной человек приходился родственником. Веским аргументом в таких случаях являлось: *ул һаңа карттай тейен 'он [по возрасту] приходится тебе дедом'* или *ул атайыңдан оло кеше 'он старше твоего отца'* и т. д. Люди этих рангов в ясных моментах жизни могли диктовать свою волю, принудить человека совершить те или иные поступки.

Сдержанно и скромно нужно было вести себя перед теми, кого эго именовал *улым* и *кызым* (ступень детей и внуков). Вольности и определенная свобода допускалась лишь в отношении к кров-

ным родственникам в ступенях -1 и +1, но старшие братья и дяди, старшие сестры и тети пользовались непрерываемым авторитетом.

В пределах ступеней родства фактором, дифференцирующим поведение эго, является характер родственной связи. В целом к каждой категории свойственников отношение эго было строго определенное. В этом плане интересно сопоставить взаимоотношения эго с женами старшего и младшего братьев отца (эго м). В русской системе и та и другая приходится эго тетками. Башкир именуется первую *эбей*, или *имэй*, точно так же как старшую (!) сестру отца или матери, и относится к ней с подобающей почтительностью; для него она кровная родственница старше родителей.

Жену младшего брата отца он именуется особым термином для свойственницы, одинаковым для жены собственного старшего брата — *еңәз*. Взаимоотношения эго с *еңәз* чрезвычайно свободные, допускаются вольности, двусмысленные шутки; в недалеком прошлом разрешалась слегка прикрытая интимная близость. Между женщинами *еңәз* и подростками или юношами *кәйнеш* проходили потасовки, шумные игры. В случае смерти старшего брата или дяди *кәйнеш* женился на *еңәз*. Существовала поговорка: *еңәз ыргы элтыи* (еңәз — 'наполовину жена'). В северо-западных районах записано другое наречие: *мағай* (местный эквивалент термина *кәйнеш*) — *ыргы ир, ирең юкта — бөгөн ир анағай* — 'полумуж, в отсутствие мужа — полный муж'.

Весьма похожие взаимоотношения существовали (и продолжают в известной мере существовать) между девушкой (эго) и мужем старшей сестры, родной теткой младше родителей, тех, кого эго именуется *алай*. Не случайно в фольклоре в художественной литературе мы встречаем немало романтических сюжетов между *эра* и *балды*.

Отношение к женам и мужьям младших родственников совершенно другое. Между женщиной (эго) и *кылем* существует определенное расстояние, и чем больше возрастная разница, тем сильнее соблюдается эта субординация. Имелись строгие запреты не только для женщины в отношении к старшим родственникам мужа, особенно к родителям, деду и бабушке, но также и для последних в их отношении к *кылем*. Ограничения были взаимные, только степень строгости запретов была разная.

Примечательно, что женщина старших родственников мужа знает на тех, кто старше его родителей, кто младше, а те все вместе именуется ее *кылем*. Различия в нормах поведения и правовых отношениях для них существуют. Запреты между *кылем* и *кәйнеш* менее строгие, а кое-где даже разрешались девиратные браки между ними. Таким образом, различные взаимоотношения существуют для одной стороны в рамках одного термина, одной категории свойства. По-видимому, для системы родства было достаточно провести терминологическую грань только для жены младшего кровного родственника и тем дифференцировать ее поведение.

Мать мужа, старшая сестра его или тетка для женщины (это) являлись как бы владычицами, господами, чья воля для нее была законом. В этом плане знаменательны сами термины: одних она именовала *бейем* (см), других — *бика*, словами, выражающими отношения подчинения и господства.

К мужу дочери, младшей родственницы — *кейдеу* относится с большим уважением, чем к *кылен*. К приезду *кейдеу* готовили лучшие угощения, его встречали, всячески обхаживали. Теща и тятья держались перед ним учтиво и скромно, сохраняли нужное расстояние, были предупредительны и внимательны. Различия в отношениях к зятю и снохе и заодно к женатому сыну и дочери нашли отражение в широко известной поговорке: *кейдеу катык камыш кашык — кейдеу менен кырма, зыгы катык дрык кашык — кыленем менен уйма* 'катык* из осеннего молока и серебряные ложки — зятю и дочери подам, катык из весеннего молока и расколотые ложки — сыну и снохе подам'. В свою очередь, *кейдеу* был почтителен к старшей родне жены, но держался независимо.

Мы не коснулись взаимоотношений родителей и детей, других близких и дальних родственников и свойственников. Иначе говоря, на наш взгляд, в достаточной мере раскрывает специфические особенности во взаимоотношениях людей, связанных между собой различными узлами родства, выражаемыми существующей системой родства. Примеры показывают, что отношения эти и система родства составляют согласованное во всех деталях гармоническое единство. Акцент был сделан на внешние выражения отношений, на поведение людей друг перед другом. Это не значит, что именно в этой сфере надо искать причины, обуславливающие ту или иную структуру системы родства, релевантности принципов, образующих эту структуру. В данном случае перед нами стояла задача показать функционирование системы родства и процессе общения людей внутри родственного коллектива. Возникнув в соответствии с определенными формами социальной организации, система родства сама оказывает определенное влияние на жизнь социального организма, поддерживая функционирование отдельных его звеньев и всего организма в целом. И действует она в этом плане безотказно.

Выступая регулятором внешних отношений людей, система родства действует в тесной взаимосвязи с личными именами и социальными титулами, и только в этой взаимосвязи ее функционирование обретает полную силу.

СИСТЕМА РОДСТВА И ЛИЧНЫЕ ИМЕНА

Существует два аспекта связи личных имен с терминологией родства: 1) взаимосвязь системы имен и системы родства в речевой ситуации и 2) генетическая связь некоторых антропонимов с отдельными терминами родства. Как видно из самой формулировки,

* Кушанье из кашевого особым образом молока.

первый имеет универсальный, всеобщий характер, охватывая всю совокупность имен, бытующих у того или иного народа, и соответствующую систему родства, а то время как второй аспект, касающийся, видимо, следствием первого, относится лишь к отдельным именам и терминам.

У тюркских народов в процессе взаимного общения личные имена употребляются в сочетании с родственными терминами. По языческим воззрениям и установившейся традиции считается предпочтительнее обращаться к человеку, называя его родственное отношение к говорящему. Но поскольку одни и те же термины относятся к целой группе лиц, для обращения к определенному, конкретному лицу к термину прибавляется имя этого человека.

Но при обращении к определенному лицу термины родства употребляются без соединения с личным именем. К родному отцу и матери, к деду и бабушке бабкиры обращаются не по имени, а соответствующими терминами. То же самое наблюдаем при непосредственном обращении к одному из старших братьев, старшей сестре, старшему брату отца или матери. Обычно это самый старший из братьев, самая старшая из сестер или когда у его только один старший брат и одна старшая сестра. Когда старших братьев и сестер несколько, при обращении к остальным к терминам прибавляют детерминативы «средний», «младший» или имена. Нежелательно присоединять имена к термину, означающему деда или бабушку, если даже у человека в жизни оба деда и обе бабушки. Различают их с помощью слов «дальний» (если один дед живет в другой деревне) и «белая», «красная» и т. д. В референтивных целях допускается добавление имени.

Жена иногда не должна была называть мужа по имени — ни при обращении к нему, ни при упоминании его в разговорах с другими людьми. Не произносила женщина также имени родителей мужа. Соответственно и ее муж обращался к ее родителям, применив лишь термин свойства («тестя», «теща»); считалось нежелательным упомянуть также имя жены.

Ограничение или запрет употреблять личное имя имеет определенное отношение к свойственникам. Башкирские термины *коза* 'сват', *козакый* 'сватья', *козаса* 'дочь, сестра свата', *кайнага* 'старший брат мужа/жены', *кайнбика* 'старшая сестра жены', особенно *кейдеу* 'муж дочери, младшей сестры или племянницы' и *кылен* 'сноха, невестка — жена младшего брата или племянника' считается желательным употреблять без соединения с личным именем. Иногда вводятся дополнительные термины. У башкир Челябинской обл. основной термин для младшей сестры мужа — *кэйхенде*. Но этот термин играет главным образом референтивную роль. Обращаясь непосредственно, женщина имеет одну из эпитетов младше мужа *каныш*, *кылыу* 'красавица' (обычно старшую из них), *ургансы кыз* 'средняя девушка', *оло кыз* 'старшая девушка'.

Младших братьев мужа она зовёт *ола* (*ола+ула* 'старший сын'), *кесеула* (*кесе+ула* 'младший сын'), хотя существует общий термин — *хайенне*. К свойственникам своего поколения обращаются нередко по формуле *имд+термин*, но ни в коем случае только по имени. Иные эти требования шимного ослаблены.

Во всех этих случаях (исключения имени на речевой ситуации) были элементы, видимо, и религиозного порядка (поверья), и этического, связанного с представлениями о приличии, хорошем тоне. В восточных обществах последние обстоятельства имели немалое значение, что исследователи нередко недооценивают, не принимают во внимание.

В целом мало к кому (даже из посторонних) башкир, как и татарин или казах, обратится только по имени: всегда, за исключением тех случаев, о которых говорилось выше, к имени прибавляется родственный термин. В результате практически все жители деревни оказываются охваченными терминами кровного родства или свойства. Система включает также родную дорешню матери, дядя, невестки и т. д.

Как видно, термины родства и личные имена вместе составляют одну общую систему, более всеобъемлющую и более универсальную, чем система имен и система терминов родства, взятые в отдельности. Термины родства и антропонимы являются как бы звеньями, подразделенными этой системой, подсистемами. Только в совокупности, объединенные в эту общую систему, они дают дифференцированную классификацию людей, охватывающую всю общину, весь аул и связанные с ним родственными и свойственными узлами другие аулы.

Сама по себе и имена, и термины родства тоже охватывают всех членов коллектива, но дают им одностороннюю характеристику. Антропонимы главным образом дифференцируют людей. Правда, и они несут классифицирующую нагрузку, указывая на пол обозначаемого лица, этническую и религиозную принадлежность, а в иных случаях отражают также принадлежность к той или иной социальной среде [Никонов, 1967]. Но этого явно недостаточно для определения родственно-правовых отношений применительно к каждому случаю, к каждому человеку. Эту функцию выполняют термины родства. Но в них превалирует группировка, типологизирующий элемент.

При совокупном действии системы имен и системы терминов родства каждая из них как бы подключается к другой, дополняет и корректирует ее. При этом антропонимы конкретизируют, индивидуализируют отношения, а термины родства группируют людей по определенным рангам (ступеням) и категориям, специфичным для каждого отдельного человека, находящегося в центре системы (эго).

Выявление этой взаимосвязи важно не только для раскрытия механизма действия системы родства башкир и родственников с ними народов, но и для объяснения некоторых ее специфических особенностей. На наш взгляд, эта взаимосвязь способствовала

устойчивому сохранению классификационного характера терминов. Более того, похоже, что ей обязана в известной мере башкирская система расширением значения многих терминов, главным образом в ступенях +1, +3 и местами +4. В данном случае мы далеки от мысли, что системы родства развивались по линии расширения первоначального индивидуального значения терминов. Башкирская система дает немало свидетельств того, что классификационный характер системы безусловно предшествует индивидуализации терминов ближайшего родства, возникновению на этой основе семейных (описательных) систем. Но формирование описательных систем наряду с индивидуализацией терминов для прямой линии родства сопровождается соединением между собой боковых линий, т. е. расширением значения терминов в этих звеньях. В башкирской же системе, как и в системах многих тюркских народов Поволжья, Сибири и Средней Азии, эти родственные термины распространились и на людей, практически не имеющих родственных связей с эго.

Решающее значение при этом имел тот факт, что долгое время те коллективы людей, внутри которых действовала система, были коллективами родственников. Но система продолжала объединять людские коллективы и тогда, когда родственные связи были нарушены, и в этом сказались выработанные в известных исторических условиях особенности системы. В сфере социальной жизни следствие оказывает обратное действие на породившие его причинные факторы.

Ряд терминов родства лег в основу распространенных в прошлом личных имен у башкир. Явление это надо рассматривать как один из результатов взаимосвязи системы родства с антропонимической системой.

Как известно, одного из сподвижников Пугачева из башкир звали Кинзя Арсланов. Имя это образовано от башкирского *кинйэ* — 'младший', 'младший сын'. Вернее, не образовано, а термин родства выступает в роли личного имени.

Башкиры, как и казахи, имели специальный термин для младшего сына в семье. Возможно, это связано с обычаем мнората, согласно которому дом отца, усадьба, его тамга переходит после его смерти к младшему сыну. Такое особое положение младшего сына обусловило, вероятно, появление этого родственного термина, который стал основой целого ряда личных имен. Таковы мужские имена *Кинйэ* (вариант: *Кинжэ*), *Кинйэбай* (*Кинжэбай*), *Кинйэбулат*, *Кинйэгол*, *Кинйэбиз/Кинйэбыз*, *Кинйэглаз*, *Кинйэмырза*, *Кинйэкол*; женские *Кинйэбикэ*, *Кинйэһулан*. Имя *Кинйэкай* давалось представителям обоих полов, но в письменных документах XVII—XVIII вв. и генеалогических хрониках (шежере) чаще встречаются под этим именем мужчины [Материалы, I, 324, 332; III, с. 209, 210; V, с. 149, 211, 238, 274; SH, с. 63].

Можно по-разному объяснить превращение термина родства *кинйэ* в личное имя. Но прежде чем сделать какие-либо выводы,

обратимся к рассказам информаторов, которые, на наш взгляд, подводят нас к разгадке этого вопроса.

Жительница д. Большое Куватово Баймакского р-на Башкирской АССР Султангулова Шарифа Шагиусултановна (1903 г. рожд.) рассказала нам в 1971 г.: «Говори „достаточно!“, последнему ребенку дашь имя *Киндэбай*. Если девочка, называли *Киндэбикэ*. Желая, чтобы это было *кинйэ*. Если родится (ребенок) после этого, то девочку нарекают именем *Йейдэзэ* (междометие, выражающее досаду. — Н. Б.). Если родится сын после *Киндэбая*, ему дают имя *Киндэбулат*».

Другая женщина, Шаганова Салима, из деревни Антраково Мелеузовского р-на БАССР (1910 г. рожд.) говорит: «Именем *Кинйэ* называли последнего ребенка. Обычно было так. Но случилось, что и после того, как кого-то уже нарекли этим именем, в семье рождалась дитя. У меня была тетка — *Киндэбикэ инэй*, младшая сестра матери моего отца (бабки по отцу). У той *Киндэбикэ инэй* было две сестры младше все — одну звали *Алтынбикэ*, другую — *Көмөшбикэ**».

Как видно, обе женщины говорят, что имя с компонентом *Кинйэ* давалось последнему в семье ребенку, во всяком случае так полагали родители. Одна из них прямо заявляет, что этим именем стремилась остановить рождение детей, ограничить их число.

Нас интересуют механизм превращения термина родства в личное имя. Для этого было необходимо, чтобы слово это обрело вторую природу и стало восприниматься как антропоним, чтобы оно вошло в разряд возможных личных имен. Видимо, такая эволюция слова (термина) произошла в процессе длительного употребления его относительно к одному человеку одновременно многими людьми, в результате чего навсегда закрепился за отдельными людьми. Поскольку младший сын — главный наследник, термин *кинйэ* по своей смысловой нагрузке близок к социально-бытовым титулам. Это, видимо, облегчало переход его в разряд антропонимов.

Говоря о механизме превращения *кинйэ* в личное имя, нельзя упускать из виду, что имя давалось человеку не на всю жизнь. Как известно, у башкир и татар было имя, которое давалось покаявшейся бабкой и потом заменялось именем, нарекаемым мурлой [Кусимова, 1970, с. 242; Юсупов, 1970, с. 249]. Достигнув совершеннолетия и вступая в ряды взрослых, мужчина уже получал настоящее и окончательное имя. Видимо, менялось имя и у девушек — по крайней мере такой обычай известен у туркмен. Меняли имя, когда кто-либо тяжело болел, и это грозило ему смертью.

Непостоянство имен, смена их в связи с изменением возраста и социального статуса их воспитателей, вероятно, были общераспространенным явлением среди тюркских народов. Одним из первых

* Алтын на башкирском языке означает золото, көмөш — серебро.

указал на это обстоятельство В. М. Жирмуцкий по материалам героического эпоса огузов, узбеков и алтайцев [1962, с. 149—152]. С. И. Вайнштейн приводит довольно многочисленную сподру распространения этого обычая среди тюркских народов [1969, с. 125—127]. «Тюрки не носили одного и того же имени от рождения до смерти, как европейцы, — пишет Л. Н. Гумилев. — Имя тюрка всегда указывало на его положение в обществе. Мальчиком он имел кличку, юношей — чин, мужем — титул, а если это был хан, тот титул менялся согласно удельно-дестиничной системе» [Гумилев, 1967, с. 90]. Бытование этого явления среди нетюркских народов, в частности таджиков, отмечает А. Гафуров [1970, с. 62, 63]. Смена имени с наступлением зрелости, видимо, была характерна и для монголов. Как известно, Чингис-хана в детстве и отрочестве звали Темучжином, а имя Чингис он получил вместе с титулом «хан».

О том, как далеко в пространстве и вглубь во времени идет это явление, можно судить по легенде о происхождении скифов, приводимой в «Истории» Геродота, в которой говорится, что змеиная жена Геракла, полудева-полухидна, дала имена своим трем сыновьям, «когда они возмужали» [Геродот, 1888, с. 5—10]. Выходит, что до зрелости скифы имели какие-то временные имена или прозвища.

Все эти примеры образуют цепь, которая ведет к выводу, что у многих народов с глубокой древности до недавнего времени дети и подростки имели временные имена. У башкир одним из таких временных имен мог служить термин родства *кинйэ*. Это явилось определенным мостом для перехода его в число постоянных личных имен.

Видимо, аналогичный путь прошел другой родственный термин — *йейдэ*/вариант — *жымн*. От этого термина образованы имена: мужские — *Йейдэ*, *Йейдэбай*, *Йейдэбулат*, *Йейдэбикэ*, *Йейдэгол*, *Йейдэгалэ*, *Йейдэсура*, *Йейдэсөйәр*, *Йейдэгүжә*; женское — *Йейдэбикэ*.

Каким образом термин *йейдэ* стал именем, в некоторой степени поясняет рассказ названной выше Султангуловой Шарифы из Баймакского р-на: «У нас была женщина по имени *Йейдэбикэ*. Если ребенок появился на свет до переезда невесты в деревню мужа, девочку называли *Йейдэбикэ*. Раньше ведь женихи долго искали и терпели много мытарств, прежде чем перевести себе молодую жену. Говоря, что готовит приданое, отец не давал согласия на отъезд дочери. Так нам рассказывала *Йейдэбикэ*. Не видя другого выхода, отец *Йейдэбикэ* выкрал у тестя жену и дочь свою».

Если рождался мальчик, то называли его *Йейдэгалэ*. Только говорили не *Йейдэгалэ*, а просто *Йейдэгалэ*.

Имя с компонентом *йейдэ*, таким образом, давалось ребенку в родной деревне (или в роду) своей матери, жителем которой он действительно приходился *йейдэ*. Встает вопрос, как же его называли в деревне отца, или после переезда к отцу? Видимо,

ому мязкы или параллельно бытовали два имени. Как бы ни было, имя с основой *йейэн*, как и *жыйнэ*, было сначала временным, неопочтательным. Оно становилось постоянным и окончательным в тех случаях, когда по той или иной причине ребенок навсегда оставался в роду своей матери. В условиях патриархального рода, вероятно, не только для того, чтобы обозначить его родственную связь, но и принадлежности другому роду, сохраняли за ним имя *Йейэн*.

В этой связи примечательна одна параллель из древней монгольской хроники — «Тайной истории монголов». Бодончар, предок Чингис-хана, захватил в плен беременную женщину из рода *Јагсиш*, женился на ней, и когда у него родился сын, дал ему имя *Јадарадай*, тем самым подчеркивая, что он из чужого (*јад*) рода, племени [Козин, 1941, с. 82, 206, 403].

Стали личными именами или вошли в состав антропонимов и как-то компоненты термины родства *агый* (*Агый, Агабай, Агайгол*), *бабай* (*Бабай, Бабакай, Бабаши, Бабыш*), *агай* (*Ага, Агай, Агабек, Агайхан*), *кусты* (*Кустыбай, Ишкусты*), *тэнэй* (*Тэнэкай, Тэнэк*) и др. [Кусимова, 1975, с. 22–23].

Каждый из этих терминов, по-видимому, прошел свой индивидуальный путь в антропонимию. Известную роль в их трансформации, на наш взгляд, сыграл тот факт, что эти термины становились прозвищами, иногда с оттенком почтания, иногда — превосходства. Случай употребления терминов родства в роли почетных, «уважительных» имен нам встретился в 1978 г. в Горном Алтае. В селе Кулада старика преклонного возраста Селсева все жители села именуют *Агый*, пожилую женщину *Тэнэй* зовут *Табыйык*. В качестве таких «уважительных» прозвищ здесь употребляются также слова *аба*, *эйий*, *куей* и их синонимы.

От почетных прозвищ открывается прямой путь в антропонимию; этот путь по всей вероятности прошли и некоторые бакирские имена от терминов родства. Но решающую роль во всем этом сыграло употребление личных имен в речевой ситуации (как правило, в сочетании с терминами родства).

Однако возможности перехода терминов родства в разряд антропонимов были ограничены. Т. Х. Кусимова и Г. Ф. Саттаров считают терминами родства компоненты в сложных личных именах *ир/др*, *егет*, *кыз* [Кусимова, 1975, с. 23, 24; Саттаров, с. 54, 55]. Слово *егет* 'парень, джигит' не является наименованием родства, остальные два, кроме родственного значения (муж, дочь), обладают более широким смыслом (соответственно 'мужчина' и 'девушка') и в этих значениях вошли в состав имен.

Система родства функционировала в тесной взаимосвязи с системой социальных терминов-титолов. Основной сферой применения титулов в процессе непосредственного общения было поколение это и нисходящие поколения. К сверстникам и людям моложе себя обращались часто по титулу — действительному и

внимому, а термины родства в этой сфере отходили на второй план. Часто прибегали к социальным терминам при обращении к родственникам мужа. Видимо, главным образом этим объясняется тот факт, что многие социальные термины в этой сфере стали терминами родства: *бейем*, *бикэ*, *бикэс*, *кэйенбикэ*, *бай*. Одновременно сословно-социальными и родственными терминами являются слова *мырза/мыртый*, *кусты*.

В более значительных масштабах сословно-социальные термины проникли в область антропонимов.

Как видно, связь терминов родства с антропонимией и социальной терминологией, представляющая важный аспект механизма функционирования системы родства, оказывала заметное влияние на ход ее развития.

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СИСТЕМЫ

Вопрос о социально-исторических детерминантах систем родства по-разному решался исследователями. Несмотря на давние традиции изучения и большой накопленный опыт, вопрос этот остается одним из сложных. Сложность этого вопроса обусловлена, во-первых, тем, что каждая современная система сложилась не сразу, а возникнув в глубокой древности, в течение веков и тысячелетий не раз перестраивалась в соответствии с существовавшими в те или иные эпохи социальными отношениями. Говоря о длительной эволюции систем родства, видимо, надо вернуться к выдвинутому в свое время Л. Г. Морганом тезису об относительной консервативности системы родства в сравнении с семейно-брачными отношениями, согласно которому системы родства обычно отражают не современное, а пройденное состояние семьи и брака. Но в то же время необходимо учитывать, как это было показано в ряде конкретных и теоретических исследований последних десятилетий, что система родства все же реагирует, иногда довольно чутко, на существенные перемены в сфере семейно-брачных отношений и фиксирует их соответствующие изменения, что во многих случаях структурные принципы системы могут соответствовать существующим формам семьи и брака [Ольдеропе, 1951, с. 34; Крюков, 1973]. Перестройки системы происходят на старой базе и обычно не влекут за собой быстрое исчезновение старых принципов системы и терминов. Эти последние продолжают жить в новой системе, одни — в измененном виде, другие — в прежнем, нередко противореча основным структурным принципам системы. В силу консерватизма системы родства архаические элементы в ней сохраняются дольше и в большей мере, чем в живой сфере семейно-брачных отношений, что делает затруднительным ее изучение, но одновременно выдвигает ее в число ценнейших историко-этнографических источников.

Во-вторых, система родства связана не с какой-либо одной узкой сферой семейно-брачных отношений, а со всей их совокупностью и только в этом плане, видимо, надо искать объяснение

характерным особенностям той или иной системы. Решающее значение, разумеется, имеет тип семьи, которым определяются многие стороны семейно-общественной жизни.

Современная башкирская система родства сформировалась в период, когда основной формой первичной ячейки общества стала индивидуальная семья, но значительную роль в социальной жизни продолжала еще играть большая патриархальная семья. На преобладающее значение малой семьи указывает выделение прямой линии родства (главным образом в поколении +1), линейно-столбовые черты системы. Референтивная система, которая менее связана с этикетом и другими условностями восточного феодально-патриархального общества, проводит семейный принцип более последовательно и четко. Но в целом современная система родства башкир обременена большим грузом прошлых состояний, который в значительной степени определяет специфику системы. Черты системы, которые сложились в прошлые эпохи, сохраняются не только как пережиток, как явления реликтового порядка. Существование их в определенной мере поддерживалось живучестью феодально-патриархальных традиций, восходящих к патриархально-родовым институтам. К их числу относятся сохранившиеся до XVIII, а местами до XIX — начала XX в. остатки бывшей родо-племенной организации, переплетение в жизни башкирской общины кровнородственных и территориально-соседских начал, смещение социально-классовых и родственных отношений и т. д. Кроме того, у башкир на протяжении многих веков малая семья сосуществовала с большой семьей. Чем дальше от нашего времени, тем сильнее выступает роль большесемейной общины [Бикбулатов, 1976].

О решающей роли большой семьи в прошлом свидетельствуют многие пережиточные черты и диалектальные особенности системы, а также данные семантико-морфологического анализа терминов. Об этом же говорит результаты сопоставительного изучения тюркских систем.

Во многих тюркских системах родства Средней Азии, Сибири, Приуралья для обозначения предков — деда и бабуки, прадеда и прабабуки — употребляются те же термины, что и для родителей. В результате длительного бытования на протяжении веков эти термины, слившись, стали ныне восприниматься часто как единые слова-основы, но легко расчлениются на самостоятельные семантические единицы, означающие понятия «большой(ая)», «старший(ая)», «старый(ая)», «отец» и «мать».

В ряде тюркских языков и их диалектах родители и предки различаются особыми терминами. Но в таких случаях почти всюду оказывается, что термины, обозначающие в одном языке деда и бабуку, в других применяются в значении «отец» и «мать». И, наоборот, применявшиеся в тех же языках термины для отца и матери в других языках имеют значение «дед», «бабука» или «дядя (тетя) старше отца (или матери)». Как видно, различение предков и родителей в рассматриваемых системах носит не-

устойчивый характер, а в более отдаленном прошлом, по-видимому, не проводилось вовсе. Во всяком случае семантико-морфологический анализ терминов говорит о том, что системы родства не видят особой разницы между этими категориями родственных отношений: отца и деда, мать и бабуку, по существу, ставят в один ряд, относят к одной категории родства, подчеркивая лишь старшинство одних над другими.

Здесь, несомненно, одно из свидетельств того, что в системах родства чуть ли не всех тюркских народов выделение родителей особыми терминами произошло сравнительно недавно. Но это объясняет рассматриваемую особенность систем родства лишь частично. Эта особенность находит почти исчерпывающее объяснение, если мы допустим широкое распространение у тюркских кочевников в прошлом большесемейных коллективов, которые возглавлялись представителями поколения предков — дедами и прадедами. Если женатые сыновья со своим потомством продолжали жить с родителями одним хозяйством, то для их детей дед или прадед — возглавлявший семейную общину, мог быть не кем иным, как «подлинным» или «старшим отцом». В таком же положении оказывалась жена главы общины — бабука. Примечательно в этом отношении отсутствие терминов для внуков и внучек: при характеризуемой системе отношений они должны были именоваться и действительно именовались точно так же, как собственные дети эго. Материалы систем родства, как нам кажется, говорят в пользу не только древности института большой семьи у тюрков-кочевников, но и широкой ее распространенности.

Встает вопрос, как согласовывалась такая система с семейными отношениями более поздних периодов — XVIII и особенно XIX—XX вв., когда большесемейная община сошла со сцены, а малая стала чуть ли не единственной формой первичной ячейки общества. Не создает ли она неудобства во взаимном обращении в современных условиях? В период формирования системы большая патриархальная семья хотя и играла большую роль в обществе, но не была единственной формой семьи: наряду с ней уже функционировала элементарная семья. Большая семья у кочевников, в том числе и у башкир, была менее монолитной, чем у оседлых земледельческих народов, и входившие в ее состав брачные пары обладали некоторой самостоятельностью. Кроме того, уже давно наряду с большесемейными коллективами существовали самостоятельные малые семьи, не входящие в состав какой-либо семейной общины. Со временем такие семьи сами перерастали в большие семьи, но снова распадались на элементарные ячейки. Поэтому система располагала особыми терминами для родителей. Этого оказалось достаточно для развивающейся малой семьи, постепенно обретающей преобладающее значение. Сложную структуру разветвленных родственных отношений поддерживали сохранявшиеся эпизодически вплоть до начала XX в. большие семейные коллективы, главным образом семейно-родственные группы. Взаимоотношения людей в аулах,

население которых состояло из одной или нескольких таких групп, строились внешне в форме родственных связей. Такая система семейно-общественных отношений у башкир в XVIII—XIX вв. вполне согласовывалась с существующей системой родства. Но сложная структура системы по мере приближения к нашим дням все более начала тяготеть над людьми и под воздействием этого фактора постепенно освобождалась от ставших ненужными звеньев.

Древняя башкирская система родства, характерные черты которой мы попытались восстановить, несомненно, сложилась на базе более архаических семейно-общественных (точнее — семейно-родовых) отношений. То обстоятельство, что братья отца, по крайней мере старшие из них, дед и его братья назывались одинаковыми терминами, может быть объяснено функционированием рода или большесемейной общины в ее «братской» форме. Архаическая семейная община, или «братская» семья, в определении общественного статуса людей, наследовании имущества и в ряде других моментов следовала не семейному принципу «от отца к сыну», а старой родовой традиции «от брата к брату» [Косвен, 1963; Бромлей, 1968; 1972]. В этих условиях различие подлинного отцовства, обозначенные особыми терминами братьев отца и прямых предков не имели существенного значения в социально-экономическом плане и все они именовались одним и теми же терминами. Все эти люди для его были «отцами», которые подразделялись между собой на старших и младших. Можно только предполагать, что реальным отец все же различался системой (применением термина без детерминатива), ведь кто-то должен был находиться на нижней грани этой ступени родства. Граница эта, возможно, передвигалась в связи с изменением положения людей, но важно одно: индивидуальному отцовству система не придавала значения.

Утверждение семейного начала привело к тому, что в башкирской и ряде других систем старшие братья отца и младшие братья деда стали называться иначе, чем отец, дед и его старшие братья. Параллельно шло слияние боковых линий между собой. Весьма примечательно, что при этом в качестве терминов были взяты слова, которые в других языках или диалектах применяются в значении «отец», «дед», «предок» (ср.: казах., каракалп. *ата* 'дядя старше отца, брат деда'; кирг. *ата* 'отец', 'старший брат отца'; башк., тат. *ата(а)* 'отец'; башк. (диал.) *ана* 'дядя старше отца'; кирг. *аба/апа* 'старший брат отца', 'старший и младший брат деда' и алт., хакасск. *ана/аба* 'отец', 'дед', 'предок'; башк., тат. (диал.) *бабай/бауай* 'дядя старше отца'; тат. (литер.) *бабай* 'дед'; казах. *баба* 'дед'; каракалп. (диал.) *бууа/бауа* 'дед, предок'; бурят. *бааба* 'отец' и т. д.). Имеются и более прямые совпадения: на юге Башкирии дядю старше родителей именовуют *ол(о)+атай*, т. е. старшим отцом. В свою очередь представители этой ступени родства — младшие братья и сестры деда и бабки и старшие братья и сестры родителей — называют это

«сыном» или «дочерью», что опять-таки говорит о том, что в прошлом они занимали одинаковый статус с родителями и предками.

В этой связи можно объяснить еще одну особенность ступени +3. В ней не релевантен характер родственной связи: супруги кровных родственников (-ниц) именуются так же, как кровные родственники соответствующего пола. Это и естественно, если старший брат отца когда-то был тождествен отцу и по старой традиции продолжает именоваться это, т. е. племянника, словом «сын», то и его жена для последнего равнозначна сестре матери и называет его «сыном». На этом же основании муж старшей сестры матери приравнивается к старшему брату отца. Со слиянием отцовской и материнской линий сюда влились также старшая сестра отца и старший брат матери со своими супругами.

В ступенях +1, -1 и -2 различие супругов кровных родственников проводилось не только терминологически, но и реально в процессе общения: выше приводились различия поведенческих установок в отношении к жене старшего брата и дяди моложе отца, с одной стороны, и женам младших родственников — с другой. С первой — это несомненно отношения возможных супругов, поэтому игривость и вольность взаимного обращения, шутки не только дозволены, но как бы предписаны обычаем.

В семейно-брачных отношениях башкир до недавнего времени существовали некоторые пережитки родовой строй и большесемейной («братской») общины. Вылетаясь в структуру новых семейно-общественных отношений и продолжая играть определенную роль в них, они способствовали сохранению архаических черт в системе и терминологии родства.

К числу этих пережитков относятся левират и сорорат, существовавшие у башкир вплоть до наших дней. Отчим у башкир всюду назывался *атай* — точно так же, как старший брат или дядя моложе отца. Термин свидетельствует, что женитьба младшего брата или племянника на вдове старшего брата и дяди когда-то была широко распространенным и твердым обычаем. В свою очередь, термин *анай* 'старшая сестра', 'тетка младше матери' в применении к мачехе является показателем распространенности сороратных браков. *Анай* называли также младшую жену отца дети старшей жены, с этим термином обращались младшая жена к старшей.

Сорорат и связанные с ним термины в определенной мере указывают на существование дуально-эзогамных отношений между родами. Об этом же говорит взаимные термины для детей двух сестер, подчеркивающие принадлежность их одному роду или его подразделению. Эзогамия рода, аула отразилась в исчезнувших ныне терминах для родни матери, для детей сестры и дочери, в делении «сватий» на представительниц противоположного рода (аула) и тех, которые пришли в тот род из других мест в результате браков. Отголосок былой дуальной организации видны С. И. Руденко и во взаимном термине для му-

ней сестер, соответствующем русскому «своюк» [Руденко, 1955, с. 267]. Видимо, так мы должны оценить и термин *алсын*, применяющийся для обозначения жеп двух или более братьев.

Таким образом, можно констатировать, что основные структурообразующие принципы (компоненты) системы родства башкир вполне соответствуют характеру и структуре существующих семейно-брачных и семейно-общественных отношений. При этом и то и другое характеризуются многослойностью, сохранением в них элементов, возникших в древности. Иными словами, многослойность системы родства башкир в значительной мере обусловлена многослойностью социальных институтов. В этой связи еще и еще раз приходится подчеркнуть, что у башкир и других кочевых скотоводческих и прошлом народов социально-бытовые отношения до недавнего времени несли на себе печать архаической древности.

Однако многие особенности башкирской системы родства не могут быть объяснены исходя из существующей структуры семейно-общественных отношений: они восходят к отдаленным временам и связаны с более древним состоянием общества и семьи. Главное, система и терминология родства содержат в себе элементы, указывающие на существование более древней структуры родственных отношений, иного значения терминов. Элементы эти свидетельствуют о существовании большой семьи у башкир в обоих ее вариантах — патриархальной и «братской», а также дуально-экогамных связей между родами.

СЛОВАРЬ БАШКИРСКИХ ТЕРМИНОВ РОДСТВА

Словарь составлен на основе полевых записей автора. Использованы Башкирско-русский словарь (БРС, 1958), два выпуска Словаря башкирских говоров (СБР, I, 1967; II, 1970), а также материалы, содержащиеся в исследованиях Т. Г. Башшева [1955], Х. Г. Юсупова [1959], Н. Х. Максимова [1976], С. Ф. Мирмановой [1973; 1979] и др.

Сначала даются фонетико-морфологические варианты термина с указанием в скобках территории бытования, затем — значения термина. Исходя из специфических задач словаря основное внимание уделено выделению и показу территориальных колебаний в значении и фонетическом облике наименований родства.

В определении территории бытования терминов мы стремились придерживаться принятой башкирскими лингвистами системы диалектов и говоров. В тех случаях, когда география термина не совпадала с границами говоров или диалектов (уже, шире), в словаре сделаны ссылки на более мелкие или широкие единицы территории, как это было сделано в Словаре башкирских говоров.

Приняты следующие сокращения:
вост. д. — восточный диалект
южн. д. — южный диалект
с-з. — группа северо-западных говоров.

Говоры восточного диалекта:

ай. — айский
арганш. — арганшский
ныа. — нымальский
мвас. — мвасский
сальют. — сальютский
верхнебел. — верхнебельский подговор (Белоречный р-н БАССР)
верхнеур. — верхнеуральский подговор (верхнее течение р. Урал)
ил-нат. — илан-натыйский подговор (Курганск. обл.).

Говоры и подговоры южного диалекта:

дем. — демский
ин-саммар. — ин-саммарский
сред. — средний
саммар. — саммарская (восточная) зона ин-саммарского говора
юшатыр. — юшатырская (западная) зона ин-саммарского говора
ногуш. — ногушский подговор (ср. течение р. Белой)
ашнадар. — ашнадарский подговор (р. Ашнадар, Стерля)
инзор. — инзерская зона среднего говора (побережье р. Инзер).

Северо-западные говоры:

наранд-туй. — нарандельско-туйский
гайн. — говор башкир-гайницев Пермской обл.

п.-бел. — пиннебельский
ташич. — ташичский (северная Башкирия).

Дополнительно указаны территории:

- зап. — западные районы БАССР, юго-восточные районы ТАССР
сев. — северные районы БАССР, сопредельные районы Пермской и Свердловской обл.
с.-в. — северо-восточные районы БАССР, соседние районы Свердловской и Челябинской областей
центр. — центральная часть БАССР
ю.-з. — юго-западные районы БАССР.

В отдельных случаях указаны административные районы БАССР, включая соседних областей (Оренб., Перм., Свердлов., Челяб.).

Для передачи конкретных значений терминов — обозначаемых ими отношений родства, кроме пояснительных статей, применена система символов, разработанная Ю. Н. Левиным [1970], с дополнениями М. В. Крюкова [1972]. Все отношения кровного родства обозначаются в виде генеалогических цепочек с помощью символов Д (дети) и Р (родитель) с добавлением при необходимости индексов пола — м. и ж. Понятие «сблинг» по этому коду обозначается сочетанием ДР — т. е. «дети родителей зго, но не зго», «брат» — ДмР (т. е. «сблинг мужского пола»), «двоюродный брат» — ДмДРР, «сын» — Дм, «племянник» — ДмДР. Уровень поколения обозначаемого лица (альтера) определяется разностью числа символов Р и Д: каждый символ Р повышает этот уровень на одно поколение и каждое Д — понижает на столько же. Например, РмРР 'прадед' относится к поколению +3, ДмРРР 'брат деда или бабушки' — к поколению +2, ДмД 'внуки' — к поколению — 2, ДмДР 'племянник' — к поколению — 1.

Для обозначения старшинства альтера по отношению к зго, его родителям, деду и бабушке мы применили вслед за М. В. Крюковым знаки «!» и «+»: † ДмР — старший брат зго, † ДмРР — младший брат отца или матери, † ДмРРР — младший брат деда и бабушки, Д!ДР — дети старшего брата или сестры. Отношения свойства передаются через символ С — супруг или супруга, См — муж, Сж — жена. Примеры: Сж!ДмР — жена старшего брата, † ДмРСж — младший брат жены и т. д. Если для термина релевантен пол зго, применяется показатель пола зго (Зм, Зж): кармабан; ДмРЗм.

Термины, применяемые только в референтивных (за глаза, для обозначения альтера) или только в констатиных (для обращения) целях, даются соответственно с пометами «реф.», «вок.».

В составлении словаря приняли участие сотрудники сектора этнографии ИНИЛ БФ АН СССР М. А. Галиева и Ф. Ф. Исламова.

* * *

абаый (центр., с.-в., зап., Оренб. и Свердлов. обл.)

1. Кровный родственник старше зго, младше родителей: † ДмР, † ДмРР, † ДмДР, † ДмДРР;
2. Кровный родственник старше зго, младше деда и бабушки. Все те, кто перечислен в п. 1, и плюс: † ДмРР, † ДмРРР (зап.);

3. Родственник мужа или жены, старше всех и младше их родителей: † ДмРС, † ДмРРС (зап., сев.);

Ласкательная форма абаый применяется при обращении к наиболее близкому лицу (с.-в.), или человеку старше родителей (зап.).

абый / амаый (айск, гайи, ташич, южн. д., зап.)

1. Родственник старше зго, младше родителей: † ДмР, † ДмРР, † ДмДР, † ДмДРР (с.-в., гайи, г., ташич, г., южн. д.);
2. Родственник старше зго, младше деда и бабушки: † ДмР, † ДмРР, † ДмДР, ДмДРР, † ДмРР (ю.-з., зап.);
3. Отчим (сев., с.-в., зап.);
4. Родственник мужа (или жены) старше них: † ДмРС (сев., зап., ю.-з.)

абычка (вост. д., южн. д., Перм. обл., литер.)

1. Муж, супруг (ик-сакмар, г., юрмат, подг., средн. г. — применяется в референтивных целях);
2. Вдовец, разведенный мужчина (вост. д., Перм. обл., сред.);
3. Мужчина в годах (центр., пугун., южн. подг.);
4. Мужчина (уничж. — южн., ик-сакмар).

агай (вост. д., южн. д., литер.), ахай (Белор., Учал. районы); ласкательная форма: агаый (ила.), амаый (Белор., Учал. районы); ласкательная форма: агахай, амахай.

1. Родственник старше зго, младше родителей: † ДмР, † ДмРР, † ДмДРР (вост. д., южн. д., литер.);
2. Обращение к мужчине старше себя;
3. Отчим (при обращении);
4. Старший брат или дядя мужа (применяется при прямом обращении, но редко).

агай-эне (вост. д., южн. д., сев., литер.)

1. Братья;
2. Родственники, родня.

ак бабай (сев., зап.)

1. Наиболее старший, почитаемый среди родственников в возрасте старше родителей и младше деда и бабушки: † ДмРР, † ДмРРР (сев.);
 2. Старший брат деда (зап.).
- ак би(ем) (пагайбаки) старшая кровная родственница мужа младше его родителей: † ДжРСм, ДжРР.

ак эбей (сев., зап.)

1. Наиболее старшая, почитаемая среди родственников в возрасте старше родителей и младше деда и бабушки: † ДжРР, † ДжРРР (сев.);
2. Старшая сестра бабушки (зап.).

апа I.

1. Кровная родственница старше говорящего (зго) и младше родителей зго: † ДжР; † ДжРР; Дж!ДжРР; Дж!ДмРР (сев., с.-з.);
2. Кровная родственница старше зго, старше родителей зго, младше деда и бабушки. Все те, кто перечислен в п. 1, и плюс: † ДмР, † ДмРР, Дж!ДРР, † ДжРР, † ДжРРР (с.-з.);
3. Мачеха (при прямом обращении — те же районы);
4. Старшая сестра или тетя мужа/жены (при обращении — те же районы);
5. Учительница (при прямом обращении — повсеместно).

ана II — кровный родственник старше родителей, младше деда и бабушки: †ДырР, †ДырРР (южн., сакм.).

анай (вост. д., южн. д., с.-з.), аный (кыз., верхнеур.), анау (кыз. г., верхнеур.).

1. Кровная родственница старше эго и младше родителей эго: †Дыр, †ДырР, †ДырРР;

2. Кровная родственница боковой линии старше эго — младше деда и бабушки (все те, кто перечислен в п. 1, и плюс: †ДырРР, †ДырРРР (с.-з.);

3. Мачеха (при обращении — повсеместно);

4. Старшая кровная родственница мужа / жены (зап., ю.-з., с.-в.);

5. Родственники или однопольчане мужского и женского пола младше эго (при обращении в форме: алабма — сев., с.-з.);

6. Дети (при обращении — сев.).

ансын (дем., южнатыр., средн., ай.), ансын (кыз., южн.-сакмар.), афын (мнас., аргашн., сальют., алян-нат.), абсын / абмын (с.-в., сев., с.-з.).

Жена брата, дяди, племянника мужа, жена любого мужчины, которого муж эго [ж.] именует *агай / абый / абый* или *ане / хусты / мырра*: СнДРСм, Сн†ДРРСм, СнДРРСм.

ансын йеги (дем.) жена старшего брата или дяди мужа.

анрын кизин (дем.) жена младшего брата или племянника мужа: Сн†ДмРСм, СнДм†ДРСм.

ата * отец (термин референтивный); *бер ата балалары* дети одного отца.

ата-баба * предки.

ата-ина (вост. д., с.-з. — реф. родители; *ата-инане кем?* Кто его (ее) родители?)

ата-эсе (юнн. д., литер.) родители.

аталы-инале (вост. д., с.-з., ю.-з.) именный отец и мать.

аталы-езале (юнн. д.) 1. Имяотца отца и мать; 2. мать с отцом, будучи матерью и отцом.

аталы-уламы * отец с сыном (вместе); *аслагре улен киген, былар аталы-уламы ике ир тарак калалдар*. После смерти матери отец и сын остались вдвоем.

атай (юнн. д., вост. д., литер.), атей (ай. г., мнас. г., туй. г., гайн. г.),

эти (в. бол. г., южнатыр. г., Перм. обл.), этки (зап., с.-з.), эткэй (юнн. южнатыр. г., средн. г.), этэй (танын. г., туй. г., центр., с.-в.).

1. Отец, папа (вож., реф.);

2. Отчим (вож.);

3. Свояк, тестя; РмСм, РмСж (употребляется редко, в основном молоденьку);

4. Муж (при обращении, в форме *аталым* отец того-то). В северо-западных районах термин *атай* в данной форме употребляется в референтивно-повествовательных целях: *атай барго* отчий дом; *атайлан хылан* жила искусство, оставшееся от отца. В форме *атам* южн. г., мнас. г. применяется только в вокативных целях.

атай-анай (вост. д., дем., сев.) родители: Рм + Рж.

* Звездочкой помечены общепародные термины.

бабай (с.-в., сред. дем., южнатыр.), бабай (ай.-мнас.), быбай (ай., аргашн., сальют.).

1. Родственник старше отца и матери, младше деда и бабушки: †ДырР, †ДырРР, Сн†ДжРР, Сн†ДжРРР (вост. д., дем., сред. сев., Перм. обл.);

2. Родственник старше отца и матери, деда и бабушки: †ДырР, ДырРР, Сн†ДжРР, СнДжРРР (ашмадар, сред. центр., туй., Перм. обл.);

3. Дедушка, прадед и родственники старше деда и бабушки: РмР, РмРР, †ДырРР, ДырРРР, Сн†ДжРРР, СнДжРРРР (зап.);

4. Тестя, отец тости: РмСж, РмРСж (с.-з., дем.), тостя и его старший брат: РмСж, †ДжРРмСж (центр., с.-в.); старший брат тости, отец тости: †ДжРРмСж, РмРмСж (Перм. обл.); родственник мужа (или жены) старше их родителей: †ДРРС, ДРРС, Сн†ДжРРС, СнДжРРРС (с.-в., дем., ашмадар-южнатыр.);

5. Старик; муж (пожилой). В значении «муж» термин бытует почти всюду, но употребляется редко.

бажа *: звательная форма: *бажай* (южнатыр. г.).

1. Муж сестры, тети, племянника жены; всех тех, кого жена называет *анай / тугай*, *кеңле / туган*: СнДжРСж, Сн†ДжРРСж, СнДжРРСж, СнДж†ДРСж;

2. Муж кровной родственницы жены старше ее детей и младше ее деда и бабушки. Кроме лиц, перечисленных в п. 1, включаются мужья старших сестер родителей жены, младших сестер деда и бабушки жены: Сн†ДжРРСж, Сн†ДжРРРСж (центр., зап.).

бай(ым) (юнн. д.) муж, супруг (почтн.); буква: хозяйн. Так называет женщина своего мужа при разговоре с другими, обычно посторонними людьми.

балдуз (юнн. д., ай. г., мнас.), балтыз (каранд., сред., туй.), балдуз (аргашн. г., мнас. г.).

1. Младшая кровная родственница (кеңле / кеңел / туган) жены: †ДжРСжЭм, †ДжДРСжЭм, †ДжРРСж, †ДжДРРСж (юнн. д., зап., с.-в.);

2. Младшие кровные родственники жены мужского и женского пола, все те, кого жена называет *кеңле / туган*, *ане / хусты / мырра*: †ДжРСж, †ДжДРСж, †ДжРРСж, †ДжДРРСж, †ДжРСж, †ДжДРСж, †ДжРРСж, †ДжДРРСж (аргашн., ай., мнас., сред. каранд.-туй. г., гайн.);

3. Младшая кровная родственница мужа: †ДжРСм, ДжДРСм, †ДжДРРСм (Маякинский р-н);

4. Жена младшего кровного родственника жены: Сн†ДжРСж, Сн†ДжДРСж, Сж†ДжРРСж (Белорец р-н).

бей абый / би абый (запад) кровный родственник мужа старше него и младше его родителей: †ДжРСм, †ДжДРРСм, †ДжРРСм.

бей агай / би агай (запад).

1. Кровный родственник мужа старше него и младше его родителей: †ДжРСм, †ДжДРРСм, †ДжРРСж (запад);

2. Муж старшей сестры мужа: Сн†ДжРСм (агайбани).

бей ана (й) / би ана (й) (запад) мать мужа: РжСм.

бей атай / би атай (запад.) отец мужа: РнСм.

бейем (сред., ил-сакмар, кыз.)

1. Мать мужа: РнСм (сред., ил-сакмар, кыз.);
2. Мать мужа и ее старшая сестра: РнСм, *ДжРРСм;
3. Старшая сестра или тетя (младшие родители) мужа: *ДжРСм, ДжРРСм (сред.). Туркии *бейем* (см) в значении 'старшая сестра или тетя мужа' (*ДжРРСм) зафиксирован только в одном пункте — в дер. Тамбулан Гафурийского района БАССР. И здесь он в настоящее время вышел из обихода, вытесненный словом *кэйбим*.

бикэм (ил-сакмар, кыз.)

1. Кровная родственница мужа, старше него и младше его родителей: *ДжРСм, *ДжРРСм, *ДжДРРСм;
2. Жена старшего брата или дяди мужа: Сж*ДжРСм, Сж*ДжРРСм (Чилими, р-н);
3. Сестра или тетя жены и мужа: ДжРСж, ДжРРСж, ДжРСм, ДжРРСм (Гафур, р-н);
4. Старшая сестра свекра, свекрови: *ДжРСм (Кармаск., р-н).

бикэе (ил-сакмар, кыз.) младшая сестра или племянница мужа: *ДжРСм, *ДжДРСм, *ДжДРРСм.

бисэ *, заительная форма: *бисэйэй*.

1. Жена (реф., вил.);
2. Женщина.

Термин общераспространенный, активный, в настоящее время имеет некоторый пренебрежительный оттенок. На его основе образуют собирательное слово, такое с пренебрежительным оттенком, *бисэ-лэсэ* 'разные (всичие) женщины'.

була (аргаш., мис., верхнебел., ай., зиланр.)

1. Сын или дочь сестры матери: ДДжРРж (аргаш., ай.);
2. Сын или дочь двоюродного брата или сестры: ДДДРР (верхнебел.);
3. Далекий родственник (зиланр.);
4. Правнук: ДмДД (литер.).

булгэр.

1. Дети *була* (аргаш., ай.);
2. Правнучка: ДмДД (литер.).

Включенные термины *була* и *булгэр* в литературный язык в смысле 'правнук, правнучка' произошло вследствие того, что эти слова вышли из речевого обихода и прежнее их значение практически было утрачено. То же самое необходимо сказать о терминах *бейем* — *бейемсэр*, *тыра* — *тырасэр*. К тому же помешают -сар, -сэр, -сер, -сор, -чер, -чор в тюрко-монгольских языках образуют не женскую форму существительного, а «среднетное имя с уменьшительным значением» (По-кровская, 1961, с. 52; Абрижан, 1976, с. 206).

дэу эи (сев.) родственница старше родителей: *ДжРР, *ДжРРР, Сж*ДжРР, Сж*ДжРРР.

дэу эи (сев.) родственник старше родителей: *ДжРР, *ДжРРР, Сж*ДжРР, Сж*ДжРРР.

дур инай (ил.) старшая сестра матери, отца: *ДжРР.

дур итай (Гафур, р-н) дедушка: РнР.

дур бабай (сев., ю.-з.) прадед и родственники старше деда и бабушки: РнРР, *ДжРРР, Сж*ДжРРР.

дур бей атай (Мияки, р-н) отец свекра: РнРСм.

дур инай (с.-з.), **дур эней** (тайк.)

1. Бабушка, жена старшего брата деда: РнР, Сж*ДжРРР (с.-з.);
2. Старшая жена двоюродного для детей младшей жены: *СжРм.

дур картатай — *кышатыр*, *ашкадар*.) прадед и родственники старше деда и бабушки (по линии отца): РнРР, *ДжРРРм.

дур картунай (ашкадар.) прабабушка и родственница старше деда и бабушки: РнРР, *ДжРРРР.

дур олатай (сакмар., Оренб.-обл.) дед матери и родственники старше родителей матери: РнРРж, *ДжРРРж.

дур элэсэй (сакмар., Оренб.-обл.) бабушка матери и родственница старше бабушки по матери: РнРРж, *ДжРРРж.

дур этэй (сев., зап.)

1. Дед: РнР (сев.);
2. Старший брат отца или матери, брат деда и бабушки: *ДжРР, ДжРРР.

дур эсэй (ил-сакмар.) старшая жена двоюродного для детей младшей жены: *СжРм.

икэтэ/икэтэй (ил-сакмар.)

1. Двоюродный брат: ДмДРР (Оренб.-обл.);
2. Младший брат, младшая сестра: *ДжР, *ДжР. Термины вокализированы.

инай (повсеместно), **эней** (с.-з., ю.-з.), **эни** (сев., зап., ю.-з.), **энкай** (сред., зап.), **эней** (*кышатыр*).

1. Мать, мама: Рж (аргаш., сальют., мис., дем., сред., с.-з.);
2. Кровная родственница старше родителей, младше деда и бабушки; кровная родственница старше родителей, кроме бабушки и прабабушки; жена кровного родственника старше родителей: *ДжРР, *ДжРРР; ДжРРР; Сж*ДжРР, Сж*ДжРРР, Сж*ДжРРР (ил-сакмар., кыз., сред.);
3. Обращение к женщине старше родителей (ил-сакмар., кыз., сред.);
4. Свекровь, теща: РжС (зап., с.-з.);
5. Мачеха (при обращении).

иташ * супруг, супруга.

Основное значение термина 'товарищ, соратник'. В значении 'супруг, супруга' употребляется широко и все более активизируется.

ир *

1. Муж, супруг;
2. Мулечина.

ир бала ребенок мужского пола, мальчик.

иркэм младший sibling в детском возрасте: *ДР.

ир туган * кровный родственник мужского пола, брат.

йезнэ/эйнай (южн. д., вост. д., сев.), **йезна/йезнэ** (аргаш., сальют.), **жирна** (сев., центр.), **жирнай/жирни** (зап., с.-з.).

1. Муж кровной родственницы старше его, младше родителей: Сж*ДжР, Сж*ДжРР (вост. д., южн. д., сев.);
2. Муж старшей сестры его, старшей и младшей сестры родителей: Сж*ДжР, Сж*ДжРР; Сж*ДжРР (зап.);

3. Муж старшей родственницы мужа: См²ДжРСм, СмДжРРСм (зап., центр.).
- Вейан** (сред., дем., юж., южатыр), жаны (аргачи, ай, мнас.).
1. Дети сестры, дети дочери, племянницы: ДДжР, ДДж, ДДжДР.
 2. Дети женщинами, вышедшей замуж в другую деревню, для жителей ее родной деревни;
 3. Дети отдаленных родственников (кма.);
 4. Дети от первого брака у женщины, вторично вышедшей замуж (интер.);
 5. Сын родственника, живущего на стороне;
 6. Паук (интер.).
- Вейансар/жыинсар.**
1. Дети *вейан*;
 2. знууча: ДмД (интер.).
- Вейга** (вост. д., южн. д., сев. и-больш.), жинга (сев., Перм., Свердлов. обл.), жингай/жинги (сев., зап.), жингачай (зап.).
1. Жена кровного родственника старше его, младше родителей: См²ДжР, См²ДжРР (вост. д., южн. д.);
 2. Жена кровного родственника старше его, младше деда и бабушки: См²ДжР, СмДжРР, См²ДжРРР (зап., центр.);
 3. Жена старшего родственника мужа (при обращении): См²ДжРСм, См²ДжРРСм (вост. д., южн. д.), СмДжРРСм, СмДжРРРСм (зап. центр.);
 4. Жена старшего родственника жены: См²ДжРСж, СмДжРРСж, СмДжРРРСж (зап., центр.).
- Вейте** из неродственников, чужой; бука: семь раз чужой.
По свидетельству Т. Г. Башкина (1955), так именovali человека, имеющего общего предка с эго в шестом поколении.
- Вейте:** *залаа бебет* (уст., южнн.) супруга; благоверная.
- Вейте** (Учалыи, р-н).
1. Младший кровный родственник мужа: ⁺ДжРСм, Дм²ДжРСм, ⁺ДжДРРСм.
- Вейтег** * (термин неактивный) супруг, супруга.
- Вейтега(й) / Вейтега(й) / вейтега(й)** (с.-з., ю.-з.).
1. Младший брат, младший дядя или племянник мужа: ⁺ДжРСм, ⁺ДжРРСм, ⁺ДжДРРСм.
- вейтеу** *.
1. Муж младшей кровной родственницы: СмДж, См²ДжР, СмДжДР, СмДжД.
 2. Муж младшей кровной родственницы мужа: См²ДжРСм, СмДжДРСм;
 3. Жених; муж в первые годы брака (реф.).
- вейтеу бала** (южн. д., с.-з., зап.).
1. Муж дочери, знуучи из племянницы (дочери младшего сиблинга): СмДж, СмДжД, СмДж²ДР.
- вейтеу етег** * (реф.) жених (реф.).
- вейтеу** (аргачи, мнас.) младший из младших братьев мужа: ⁺ДжРСм.
- вейтеу** *.
1. Жена младшего кровного родственника прямой и боковых линий: См²ДжР, СмДжДР, СмДж, СмДжД;
 2. Обращение к жене одностельца, знакомого, приятеля младше себя;

3. Жена младшего родственника мужа/жены (при обращении): См²ДжРС, СмДжДРС.
- вейтеуш** * (реф.) жены братьев по отношению друг к другу.
- вейтеуш** / **вейтеуш** * молодая невестка/сноха.
- вейтеуш / вейтеуш** (вост. д., ю.-з., центр.) младший из детей, младший(ая) из братьев и сестер.
- вейтеуш бала** младшее дитя.
- вейтеуш кыр**.
1. Младшая дочь;
 2. Младшая золовка.
- вейтеуш** малый младший сын.
- вейтеуш уа**.
1. Младший сын;
 2. Младший доверь.
- вейтеуш** * младший термин для жен двоюродия (реф.).
- вейтеуш** *.
1. Молодая жена (реф., вокат.);
 2. Невеста.
- вейтеуш** (вост. д., южн. д., с.-з., сев.).
1. Старший кровный родственник мужа/жены младше его/ее родителей: ⁺ДжРС, ⁺ДжДРРС, ⁺ДжРРС;
 2. Старший кровный родственник жены/мужа в поколениях 0, +1, +2, кроме родителей, деда и бабушки (боковые линии): ⁺ДжРС, ⁺ДжДРРС, Дм²ДжРС, Дм²ДжРРС (с.-з., центр.).
- вейтеуш** / **вейтеуш** (из-самар, верхнебел., дем., сред.), **вейтеуш** / **вейтеуш** (из-южатыр, погуи, с.-п., север), **вейтеуш** / **вейтеуш** (кма., мнас., аргачи, сальют, сев., с.-з.), **вейтеуш** (интер.).
1. Старший кровный родственник жены младше ее родителей: ⁺ДжРСж, ⁺ДжДРРСж, ⁺ДжДРРРСж (южн. д.);
 2. Старшая кровная родственница жены/мужа младше ее/его родителей: ⁺ДжРС, ⁺ДжРРС, ⁺ДжДРРС, ⁺ДжДРРРС (вост. д., дем., сев., с.-з.);
 3. Старшая кровная родственница жены боковых линий в поколениях 0, +1, +2: ⁺ДжРСж, ДжРРСж, ⁺ДжРРРСж.
- вейтеуш** / **вейтеуш** / **вейтеуш** / **вейтеуш** (вост. д., южн. д., сев.).
1. Муж старшей сестры мужа, младшей сестры его отца или матери: См²ДжРСм, См²ДжРРСм (вост. д., южн. д.);
 2. Муж старшей сестры мужа, старшей и младшей сестры его родителей: См²ДжРСм, СмДжРРСм (центр.).
- вейтеуш** / **вейтеуш** (вост. д., южн. д., сев.).
1. Жена старшего кровного родственника жены младше родителей: См²ДжРСж, См²ДжРРСж (вост. д., южн. д.);
 2. Жена старшего кровного родственника жены/мужа младше родителей: См²ДжРС, См²ДжРРС (южатыр, сев.).
- вейтеуш** / **вейтеуш** / **вейтеуш** (из-самар, сред.), **вейтеуш** (дем.), **вейтеуш** / **вейтеуш** (вост. д.), **вейтеуш** / **вейтеуш** (с.-з., зап.), **вейтеуш** (Учалыи, р-н, титяри), младшая кровная родственница мужа: ⁺ДжРСм, Дж²ДжРСм, Дж²ДжРРСм (термин в основном референтивный, при прямом обращении употребляется очень редко).

хайны(н) (вост. д., южн. д.), **хайным эти/хаймата** (сев.), **хайнэтэй/хайнэти/хайнэти** (сев.).

Отец и дядь мужа/жены и кровные родственники мужа/жены старших родителей: РьС, РьРС, *ДьРРС, ДьРРРС. Местами термином хайны именуют только родню мужа, называя соответствующих родственников мужа бабай или илаче; встречаются обратные случаи, когда словом хайны обозначают только родню жены.

хайны-хайна (вост. д., южн. д.) родители мужа.

хайны (аргаш., мнсс.) младшая кровная родственница мужа, наиболее близкая к молодой женщине/невесте, старшая из младших родственниц мужа. Во время свадьбы девушки-хайны поручалось развешивать посылки, и с того момента между ними устанавливались самые близкие отношения. Часто хайны выбиралась из числа двоюродных сестер или племянниц мужа — *бер бортоан булмакын* 'чтобы были не на одного дома'.

харых * пожилая жена; букв. старуха.

харт * пожилой муж; букв. старик.

харттай (аргаш., мнсс., сальют., ай.), **хартатай** (туй, каранда, с.-в., дем., центр., шшатыр., ю.-в.), **хартэтей** (сев.), **хартэтай** (тай, сев., ю.-в.), **хартэй** (сев.).

1. Дед по отцу и матери, родственники старше деда и бабки: РьР, РьРР, *ДьРРР (вост. д., дем., сев.);

2. Отец отца и кровные родственники старше него по отцовской линии: РьРь, *ДьРРРь, РьРРь (ик-сакмар);

3. Дед мужа/жены: РьРС (сев., центр., зап.).

хартый (парад., туй.) бабка, прабабка: РьР, РьРР.

харыдаш (мнсс., ик-шшатыр., погуш., Буриан р-я), **харыдаш/харыдаш** (вост. д., сакмар., ашадар., зап., центр.).

1. Младшая кровная родственница (это — мужчина): *ДьРЭм, Дь*ДРЭм, *ДьДРРЭм;

2. Младшая кровная родственница (это — ж.): *ДьР, Дь*ДР, *ДьДРР (ю.-в.);

3. Родня (в форме *харыдаш* — вост. д.).

хатын/хатын.

1. Жена, супруга применяется больше референтивно;

2. Женщина.

хожа * родственник супруга/супруги кровного родственника, тех, кого это именуют *бузма, ёңга, кейбу, килек*; сват. В речевом обиходе для различения сватов к термину прибавляются детерминативы *оло* 'старший', *баш* 'главный', *ёны* 'молодой', *кесе* 'младший' или личные имена.

хожатый *

1. Жена мужа, женщины, которых супруг (-га) кровного родственника это (аять, сноха/невестка) называют *ёзэй/инэй, валзэй, эбей, ёңга, килек* (вост. д., дем., сев., низер., зап.);

2. Мать, бабка снохи или зятя (сев., центр., зап.);

3. Мать, бабка снохи или зятя и другие родственницы в возрасте родителей и старше (южн. д., зап.).

хожаса *

1. Сестра или дочь хожа; сестра зятя/снохи, сестра отца или матери зятя/снохи (вост. д., дем., низер., сев., зап.);

2. Родственница зятя/снохи, кроме матери и бабки (сев., центр., зап.);

3. Родственница зятя/снохи моложе родителей (южн. д., зап.).

хортка (сев., зап.).

1. Жена пожилого человека (реф.);

2. Пожилая женщина, старуха.

кусты (южн. д.); при обращении: **кустым.**

1. Младший кровный родственник: младший брат — родной, двоюродный и т. д., племянник младше себя: *ДьР, *ДьДРР, Дь*ДР;

2. Обращение к лицам младше себя;

3. Наемный работник (в прошлом — сред.).

кыз *; при обращении: **кызым ***

1. Дочь, внучка; племянница (дочь младшего брата или сестры), внучатая племянница: Дж, Дь/Д, Дь*ДР;

2. Девочка, девушка; при прямом обращении в этом значении применяется звательная форма *кызыккай, кызэй* (это — старше)

кызар (ай., верхнебол.), **кызар** (сев.).

1. Младшая сестра или племянница мужа: *ДьРСм, Дь*ДРСм.

кэйнегэс/кэйнегэс/кэйнегэч (с.-в., сев., зап.).

1. Старшая кровная родственница жены/мужа младше родителей: *ДьРС, *ДьРРС (с.-в.);

2. Старшая родственница жены в поколениях 0, +1: *ДьРСж, ДьРРСж, СжДьРРСж (сев., зап.).

кэйнеш (южн. д.), **кэйны эне** (с.-в.), **кэйние** (аргаш., сальют., мнсс.), **кэйне** (дем., сред.); ласкательно-звательная форма: **кэйнекай** (с.-в.).

1. Младший кровный родственник жены/мужа: *ДьРС, Дь*ДРС, *ДьДРРС (южн. д.);

2. Младший кровный родственник мужа: *ДьРСм, Дь*ДРСм, *ДьДРРСм (аргаш., сальют., мнсс., дем., сред.).

кэйна (вост. д., южн. д.), **кэйны инэй/кэйнини** (сев.).

1. Мать и бабка жены и родственницы жены старше ее родителей: РьСж, РьРСж, *ДьРРСж, Сж*ДьРРСж, СжДьРРСж (мнсс., ик-сакмар., сред.);

2. Мать и бабка мужа/жены и родственники мужа/жены старше родителей: РьС, РьРС, *ДьРРС, Сж*ДьРРС, СжДьРРС (вост. д., дем., сев.).

При обращении к лицам старше родителей жены/мужа к термину прибавляются детерминативы *оло* 'старшая', *жарт* 'старая' или имя альтера.

кэрээн * родственник в широком смысле, кровный родственник + свойственник.

кэрэй/кэрэй (ик-сакмар.), **кэрсэй** (сакмар.), **кэртэй** (ик.), **кэртэй** (низер., погуш., кыз., Оровб. обл.).

1. Мать отца и родственницы старше нее по линии отца: РьРь, РьРРь, *ДьРРРь, Сж*ДьРРРь (ик-сакмар.);

2. Бабушка по обоим линиям: РьР (погуш.);

3. Прабабка: РьРР (низер.).

үгәй уә * переходной сын (реф.).

Һаратан (кнзәр.) прямой потомок в пятом нисходящем поколении; прапра-
правнук и прапраправнучка: ДмДДДД; ДмДДДД (*Юсупов*, 1959, с. 129).
Һенде (кнз. д.), **Һенне** (сред. кнзатыр., верхнебел.), **Һенде** (верхнебел.,
с.-в.), **Һенде** (аргашин., сальют.), **Һенде** (дем.), **Һенде/Һенде** (с.-в.); за-
тепельная форма: **Һенденә**, **Һендем**.

1. Младшая кровная родственница, кроме детей и внуков и детей млад-
ших родственников: †ДжР, †ДжДРР, Дм†ДР и т. д.
2. Обращение к женщине младше себя.

Һыламу (вост. д., южн. д.), **Һыламу** (дем.), **Һыламу** (сев.).

1. Младшая кровная родственница — сестра, племянница: †ДжР,
Дж†ДР, †ДжДРР (южн. д.). В большинстве случаев это — женщина;
2. Одна из младших кровных родственниц — сестер, племянниц — мужа,
наиболее близкая к его — женщине. Обычно это или старшая среди
младших сестер мужа (мнзс.), или единственная (верхнебел.).
В Аргашинском и Кунашанском районах Челябинской области **Һы-
ламу** становится старшая дочь (старше мужа) старшего диди или
старшего брата, живущего отдельным домом. Ей же доверяется раз-
вешивание воясы новости. См.: *Калың*;
3. Обращение к девушке младше себя.

эне*: при обращении употребляются формы: **энезеш/энезә**, **энекай**.

1. Младший кровный родственник (кроме детей, внуков и детей млад-
ших родственников): †ДжР, Дм†ДР, †ДжДРР и т. д.
2. Форма обращения к лицу младше себя. Хотя термин общераспрост-
раненный, в приведенных значениях он является единственным тер-
мином только в восточном диалекте, в демском и отчасти среднем
говоре южного диалекта, в северо-западных говорах; в южн-самар-
ском, южн-казахском и южной части среднего говора южного диалекта
применяется редко и только в референтивных целях, уступая место
при обращении терминам *хусты*, *мырза*, *мыртай*.

эбей*

1. Родственница боковой линии старше родителей, младше деда и баб-
ки: †ДжРР, †ДжРРР, Сис†ДжРР, Сис†ДжРРР (вост. д., сев.);
2. Родственница боковой линии старше родителей: †ДжРР, ДжРРР,
Сис†ДжРР, Сис†ДжРРР (центр., ю.-в.);
3. Бабушка, прабабушка и родственница старше деда и бабушки: РжР,
РжРР, ДжРРР (авт.);
4. Теща, мать тещи или тестя (с.-в., дем., с.-з., Перм. оба.);
5. Повзлая жена, супруга (всюду, но сравнительно редко);
6. Пожилая женщина, старуха.

эне/эней/энай (самар.).

1. Мать: Рж;
2. Тетя старше родителей: †ДжРР, Сис†ДжРР.

энег/эней (кнз., верхнеур.), мать: Рж (реф.).

эсей (южн. д., кнз.), **эсей** (верхнебел., кнзәр., верхнеур.).

1. Мать: Рж (южн. д., кнз.);
2. Бабушка: РжР (кнзәр., верхнебел.).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Маркс К.* Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество». — Архив
Маркса и Энгельса, 1941, т. 9, с. 1—192.
- Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.
В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. — Маркс К., Энгельс Ф.
Соч. 2-е изд., т. 21, с. 23—178.
- Энгельс Ф.* К истории первобытной семьи (Бахофен, Мак-Лешан, Морган).
Предисловие и четвертому немецкому изданию работы «Происхождение
семьи, частной собственности и государства». — Маркс К., Энгельс Ф.
Соч. 2-е изд., т. 22, с. 214—225.
- Энгельс Ф.* вновь открытый пример группового брака. — Маркс К., Энгельс Ф.
Соч. 2-е изд., т. 22, с. 364—367.
- Абрамзон С. М.* О некоторых терминах родства в тюркских языках. — В кн.:
Tureologica. К семидесятилетию академика А. Н. Козырова. Л., 1976,
с. 204—207.
- Аврорин В. А., Лебедева Е. П.* Нищест в фольклоре орочей и классификацион-
ная система родства. — Изв. Сиб. отд-ния АН СССР, Сер. общ. наук, 1973,
№ 1, вып. 1, с. 131—137.
- Аманжолов Р. Г.* К характеристике терминов родства говора брянбургских
башкир. — В кн.: Некоторые вопросы лексики и грамматики тюркских
языков. М., 1973, с. 5—13.
- Анисимов А.* Родовое общество эвенков (тунгусов). Л., 1936.
- Арысбаев Х. А.* Қазақ халқындағы семья мен неке (тарихи-этнография-
лық шолу). Алматы, 1978.
- Башкиев Т. Г.* Башкирские диалекты в их отношении к литературному язы-
ку. М., 1955.
- Балдаев С. П.* Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ, 1959.
- Башпорт* Һайлаштаро һүзләге. Өфө, 1961. Т. 1; 1970. Т. 2.
- Бекмуратова А. Т.* Терминология родства у каракалпаков. — В кн.: Семья и
семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978, с. 27—
41.
- Бикбулатов Н. В.* Система родства башкир. М., 1964.
- Бикбулатов Н. В.* Терминология и система родства башкир (общая характе-
ристика). — АЭБ, Уфа, 1964, т. 2, с. 164—175.
- Бикбулатов Н. В.* Башкирская терминология и система родства как этноге-
нетический источник. — АЭБ, Уфа, 1971. Т. 4.
- Бикбулатов Н. В.* Антропонимы и термины родства. — В кн.: Ономастика По-
волжья. Уфа, 1973. 3.
- Бикбулатов Н. В.* Особенности системы родства башкир и татар Среднего
Поволжья и Приуралья. — В кн.: Первое Поволжское археолого-этногра-
фическое совещание. Казань, 1974.
- Бикбулатов Н. В.* Минорат. Проблема происхождения и исторического места
и системе социальных институтов. — В кн.: Этнография Башкирии. Уфа,
1976а.
- Бикбулатов Н. В.* Система родства у тюркоязычных народов и проблема
большой семьи. — В кн.: Весенюз, тюрколог, инф. 1976. Алма-Ата, Сер-
ция 3. Этноческие и историко-культурные связи тюркских народов
СССР: Тез. докл. и сообщ. Алма-Ата, 1976б.
- Ворголкин М. И.* Бельтирский говор сагайского диалекта. — В кн.: Диалекты
хакасского языка: Очерки и материалы. Абакан, 1973.
- Бромлей Ю. В.* Ф. Энгельс и проблемы архаической формы семейной общи-
ны. — В кн.: Проблемы этнографии и антропологии в свете научного на-
следия Ф. Энгельса. М., 1972.

- Бутылов П. А. Типология родства. — В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
- Васур К. И. Семантический анализ терминов родства уторских языков. — Сов. финноугроведение, 1966, № 3.
- Вайнштейн С. И. Личные имена, термины родства и прозвища у тувинов. — В кн.: Ойашастика, М., 1969, с. 125—138.
- Васильев К. В. Монголы Монгольской Народной Республики. — В кн.: Восточновосточный этнографический сборник, М.: Л., 1962.
- Гафуров А. Г. Таджикская антропонимия. — В кн.: Личные имена в прошлом, настоящем и будущем, М., 1970, с. 278—283.
- Георгиева И., Москова Л., Рабцова Л. Опыт изучения системы кровного родства у болгар. — СЭ, 1973, № 2, с. 60—68.
- Геродот. История, М., 1888, Кн. 4.
- Гиряно Н. М. Система терминов родства и система социальных категорий. — СЭ, 1974, № 6.
- Гилман В. В. К реконструкции древнетайской системы терминов родства. — СЭ, 1978, № 6, с. 127—131.
- Гумилев Л. Н. Древние тюрки, М., 1967.
- Джигалов Н. В. Типологическая характеристика осетинской системы родства. — В кн.: Кавказский этнографический сборник, Тбилиси, 1979, т. 3, вып. 2, с. 108—150.
- Джигалова Ш. И. Структура терминов родства и свойства в языке хинди. — НАА, 1972, № 4, с. 112—120.
- Джигалова Г. О системе терминов родства в азербайджанском языке. — Изв. АН АзССР, Сер. лет., языка и искусства, Баку, 1970, № 3, с. 69—82.
- Джумагулов А. Семья и брак у киргизов Чуйской долины, Фрунзе, 1959. Диалектологический словарь татарского языка, Казань, 1969.
- Древнетюркский словарь, Л., 1969.
- Дуванов А. П. Термины родства и свойства в языках Нарымского края и Причулымья. — Учен. зап. Том. гос. под. ин-та, 1954, т. 11.
- Дурманова И. П. Брак, термины родства и психические запреты у киргизов. — Сб. этногр. материалы, 1927, № 2.
- Дурманова И. П. Родство и психические запреты у шорцев. — В кн.: Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР, Л., 1925.
- Дурманова И. П. Пережитки материнского рода у алтайских тюрков. — В сб.: Памяти В. Г. Богораз, М.: Л., 1937.
- Дурманова И. Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеутов. — В кн.: Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР, Л., 1926.
- Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары, 1964.
- Евельянова И. М. О терминах родства, связанных с пережитками родового строя у азиатских лесамосов. — В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков, Томск, 1974.
- Жданко Г. А. Баралданик. — В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана, М., 1962, т. 1.
- Жирмунский В. М. Огузский героический эпос и «Кыта Коркута». — В кн.: Эпосы нового века Коркута, Огузский героический эпос, М.: Л., 1952.
- Лайкина К. Л. Урбени дельта Аму-Дарья. — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, М., 1952, т. 1.
- Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей, Хабаровск, 1939.
- Золотарев А. М. В истории ранних форм группового брака. — Учен. зап. / Московский областной институт, ист. фак., М., 1940, т. II, с. 144—169.
- Исмаилов И. А. Туркик тилларида қавм-қариндошлик терминлари, Ташкент, 1966.
- Ишбулатов И. Х. Диалекты и говоры башкирского языка. — ВЕЯ, 1972.
- Калужник Л. А., Спорова Е. Ф. Некоторые замечания о лексической семантике (на материале терминологии родства и свойства). — В кн.: Исследования по структурной типологии, М., 1963.
- Карев Н. К. Классификационная система родства у гольдов. — В кн.: Сборник этнографических материалов, Л., 1927.
- Киевцев Ж. Башкорт теледе «эсе» дуэнене килеи сығышы тураһында. — Башкортостан укытыусыны, 1960, № 6.
- Ковалевский М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетины в историко-сравнительном освещении, М., 1886, т. 1/2.
- Ковалевский М. Первобытное право, М., 1886, Вып. 1, Род. Вып. 2, семья.
- Ковалевский М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности, М., 1939.
- Козин С. А. Современное свадание. Монгольская хроника 1240 г. М.: Л., 1941, Т. 1.
- Косвен М. О. Семейная община и патронимия, М., 1963.
- Крюков М. В. Древнетайская система родства и вопрос о приоритете систем турано-кавказского типа, М., 1964.
- Крюков М. В. Типы систем родства и их историческое соотношение. — ПИДО, М., 1968, кн. 1, с. 352—383.
- Крюков М. В. Система родства китайцев. (Эволюция и закономерности), М., 1972.
- Крюков М. В. Эволюция систем родства: механизм трансформации, М., 1973.
- Крюков М. В. Этнографические факты как источник изучения первобытности: проблема критериев социальной глубины. — В кн.: Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества, М., 1979, с. 43—59.
- Курилов Г. В. О терминах родства и свойства туздренных юкагиров. — СЭ, 1969, № 2.
- Кузеев Р. Г. Очерки исторической этнографии башкир, Уфа, 1957, Ч. 1.
- Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, Этнический состав, история расселения, М., 1974.
- Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа, Уфа, 1978.
- Кузеев Р. Г. Башкирские шажере, Уфа, 1960.
- Кузнецов А. М. Сопоставительно-типологический анализ терминов родства английского, датского, французского и испанского языков. — В кн.: Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем, М., 1971.
- Курмажанов А. К. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. Тюркиско-арабского словаря, Алма-Ата, 1970.
- Кусимова Т. Х. Из истории личных имен башкир. — В кн.: Личные имена в прошлом, настоящем и будущем, М., 1970.
- Кусимова Т. Х. Древнебашкирские антропонимы. — Автореф. дис. на соиск. канд. филол. наук, Уфа, 1975.
- Лауринский П. Коренное значение в названиях родства у славян, СПб., 1867.
- Левин Ю. И. Об описании системы терминов родства. — СЭ, 1970, № 4.
- Лукина И. В. Наименования в терминологии родства восточных хантов. — Советское финно-угроведение, 1975, № 1.
- Максимов А. В. Системы родства австралийцев. — Этнографическое обозрение, 1912, № 1—2.
- Максютова В. Х. Восточный диалект башкирского языка, М., 1976.
- Маркелов М. Т. Системы родства у угро-финских народностей. — Этнография, 1928, вып. 1.
- Маркова Л. В. Трансформация южнотюркской системы родства и ее соотношение с семейно-родственной структурой, М., 1973.
- Материалы по истории Башкирской АССР, Ч. 1, М.: Л., 1936; Т. 3, М.: Л., 1949; Т. 5, М., 1960.
- Меженкова И. И. Шорский диалект. — В кн.: Диалекты татяского языка. Очерки и материалы, Абакан, 1973.
- Миржанова С. Ф. Терминология родства в диалектах башкирского языка. — Советская тюркология (Баку), 1973, № 4.
- Миржанова С. Ф. Южный диалект башкирского языка, М., 1979.
- Моисеев А. И. Термины родства в современном русском языке. — Филологические науки, 1963, № 3.
- Морган Л. Г. Древнее общество, Л., 1934.
- Мусаев К. М. Термины родства в современных западнокавказских тюркских языках. — In: Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker, Berlin, 1974, S. 451—457.

- Мусаев К. М.* Лексика тюркских языков в сравнительном освещении (западнотюркская группа). М., 1975.
- Мухамедов Р. Г.* Терминология родства и свойства у татар мишарей Мордовской АССР.— В кн.: Материалы по татарской диалектологии, 2. Казань, 1962.
- Мухамедов Р. Г.* Семейно-родственные отношения. Радао II, гл. IX.— В кн.: Татары среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967, с. 268—292.
- Наджин Э. И.* Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV в. (на материале «Хосрау и Шарин» Кутба). М., 1959, кн. 1.
- Никонов В. А.* Личное имя — социальный знак.— Наука и жизнь, 1967, № 12. Посвящено-русский словарь. М., 1963.
- Номингалов Н. Д.* Термины родства в тюрко-монгольских языках.— В кн.: Вопросы истории и диалектологии казахского языка. Алма-Ата, 1958, вып. 1.
- Ольдероссе Д. А.* Малайская система родства.— В кн.: Родовое общество. М., 1964.
- Ольдероссе Д. А.* Некоторые вопросы изучения системы родства (к 80-летию выхода в свет книги Л. Г. Моргана «Древнее общество»).— СЗ, 1958, № 1.
- Ольдероссе Д. А.* Основные черты развития систем родства.— СЗ, 1960, № 6.
- Ольдероссе Д. А.* Описательные системы родства народов Западного Судана. М., 1964.
- Палаз Г. И.* Происхождение селькупов. Томск, 1972.
- Писарчик А. К.* О некоторых терминах родства таджиков.— Труды АН ТаджССР, 1953, т. 17.
- Плесковский Ф. В.* К вопросу о развитии семьи у коми и удмуртов (по терминам родства).— Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1960, вып. VI.
- Покровская Л. А.* Термины родства в тюркских языках.— В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.
- Полов А. А.* Еврейские венды (юралки).— Изв. Всесоюзного географического общества. Л., 1944, вып. 2—3.
- Полов В. А.* К исторической типологии систем терминов родства: типы кроу и омака.— СЗ, 1977, № 2.
- Попов В. А.* Системы терминов родства народов акав. Опыт историко-типологического анализа.— СЗ, 1977, № 6.
- Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893—1911, т. 1—IV.
- Рахманов К. Т.* Парные слова, обозначающие родство (на материале огузской группы тюркских языков).— Изв. АН АзербССР, серия лит., яз. и искусства, 1970, № 3.
- Решетов А. М.* Некоторые наблюдения над системами родства.— В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доомладеальском обществе. Л., 1972.
- Решетов А. М.* Названия в терминологии родства у современных зарубежных китайцев.— В кн.: Основные проблемы африканистики. М., 1973.
- Руденко С. И.* Башкиры. Опыт этнологической монографии. Быт башкир. Л., 1925, ч. II.
- Руденко С. И.* Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955. Русско-якутский словарь. М., 1968.
- Саталов Ф.* Куманджиды. Горно-Алтайск, 1974.
- Саттаров Г. Ф.* Сословные титулы и древнетатарские личные имена.— В кн.: Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1969.
- Северталь Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и мектюркские основы на гласные). М., 1974.

- Северталь Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и мектюркские основы на букву «Ба»). М., 1978.
- Семенова Е. С.* Компонентный анализ системы терминов родства общества с кросскулированными браком (на примере сингальской).— В кн.: V Всесоюз. симпозиум по кибернетике. Тбилиси, 1970.
- Семенов Ю. И.* Как возникло человечество. М., 1966.
- Семенов Ю. И.* [Рец. на кн.:] Брюнов М. В. Система родства китайцев. (Эволюция и закономерности). [М., 1972].— СЗ, 1973, № 2.
- Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи. М., 1974.
- Сидаров А. С.* Термины родства у номи.— В кн.: Лингвистический сборник Коми филвала АН СССР. Сыктывкар, 1952, ч. 2.
- Симченко Ю. Б.* Терминология родства индей, индеек, панамак и юкатанов.— В кн.: Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974.
- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. (Материалы к этимологическому словарю). Л., 1975, т. 1; Л., 1977, т. 2.
- Татар телезиц инлатмалы суалеге. Казань, 1977, т. 1.
- Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967.
- Тохарев С. А.* О системах родства у австралийцев. (К вопросу о происхождении семьи).— Этнография, 1929, № 1.
- Толстов С. П.* К истории древнетюркской социальной терминологии.— ВДИ, 1938, № 1(2).
- Трубачев О. И.* История славянских терминов родства. М., 1959.
- Файнберг Л. А.*— Терминология родства панамак как исторический источник.— Сибирский этнографический сборник. М., 1962, IV. (Труды ИЭ, новая серия, LXXVIII).
- Цинциус В. И.* Алтайские термины родства и проблема их этимологии.— В кн.: Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.
- Цинциус В. И.* К этимологии алтайских терминов родства.— В кн.: Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.
- Членов М. А.* О целях компонентного анализа систем родства.— В кн.: Тезисы V Всесоюзного симпозиума по кибернетике. Тбилиси, 1970.
- Членов М. А.* Формальные методы изучения систем родства в современной американской этнографии.— В кн.: Этимологические исследования за рубежом. М., 1973.
- Чуваши. Этнографическое исследование. Чебоксары, 1970, ч. II.
- Шигиев С. И.* Этнокультурные связи башкир по данным материальной культуры и декоративно-прикладного искусства.— АЗБ, т. IV. Уфа, 1971.
- Шибанов Ю. А.* Система родства у хакасов.— Учен. зап. Таджикский госуниверситет, т. II. Сер. гум. наук. Сталинабад, 1954.
- Штернберг Л. Я.* Семья и род у народов северо-восточной Азии. Л., 1933.
- Юсупов Г. В.* Антропонимы в будгаро-татарской этнографии.— В кн.: Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. М., 1970.
- Юсупов Х. Г.* Термины родства в башкирском языке.— В кн.: Вопросы башкирской филологии. М., 1959.
- Якутско-русский словарь. М., 1972.
- Bođrogi T.* Some problems regarding investigations into the Hungarian kinship terminology.— In: Acta ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1962, t. XI, fasc. 3—4, p. 273—289.

- Bronley J. V.* The Archaic Form of the Communal Family.— In: Proceeding of VIIIth International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Tokyo; Kyoto, 1968. V 11.
- Kraeder L.* Social Organisation of the Mongol-Turkic pastoral nomads.— Indiana University Publications. Ural and Altaic Series, 1963, vol. 20.
- Lewis R.* Relationship Terms.— In: Encyclopaedia Britannica. 12-th edition, 1922.
- Matsubara Manatake.* Turkish Kinship Terminology: Its Historical Changes and Dialectal Distribution.— In: Miscelanea I, Senri Ethnological Studies. 2. Senri; Osaka; Japan, 1978, 2.
- Morgan L. H.* Systems of Consanguinity and Affinity of Human Family. Washington, 1871.
- Murdock G. P.* Social Structure. New York; London, 1949.
- Rivers W. H. R.* The history of Melanesian Society. Cambridge, 1914a.
- Rivers W. H. R.* Kinship and Social Organisation. London, 1914b.
- Rivers W. H. R.* Social Organisation. London, 1924.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЭБ	— Археология и этнография Башкирии	ИЭ	— Институт этнографии АН СССР
БРС	— Башкирско-русский словарь	НАА	— Народы Азии и Африки
БФАН	— Башкирский филиал АН СССР	ПВДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ
ВБЯ	— Башкирские шажере	РБС	— Русско-башкирский словарь
ВШ	— Вопросы башкирского языкознания	СБГ	— Словарь башкирских говоров (См.: Башкорт һай-лашгара һуҙаге)
ВДИ	— Вестник древней истории	СЛТМЯ	— Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков
ДСЯ	— Диалектологический словарь татарского языка	СТ	— Советская тюркология (журнал)
ДТС	— Древнетюркский словарь	СЭ	— Советская этнография
ИИЯЛ	— Институт истории, языка и литературы		

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ	5
К постановке проблемы	5
История научения темы и источники	15
Задачи исследования. Методика и научная терминология	18
СТРУКТУРА СИСТЕМЫ РОДСТВА, ТЕРМИНЫ	23
Наименово-литературные и диалектные термины	23
Реферативные и констатирующие термины	24
Признаки (компоненты) системы	25
Структура современной системы. Ступени и категории родства	27
Структура подсистемы свойства	36
К РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕЙ СИСТЕМЫ	45
Структура терминов	45
Совокупление структуры подсистем кровного родства и свойства	48
Данные диалектных различий в терминах и структуре системы	53
ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЭВОЛЮЦИИ СИСТЕМЫ РОДСТВА И ЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ	60
Смалыкий счет поколений	63
Образование подсистемы свойства	70
Обособление прямой линии родства	73
Различение боковых линий	79
СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СИСТЕМЫ РОДСТВА	87
Общественная значимость системы	87
Система родства и личные имена	90
Социально-историческая обусловленность системы	97
СЛОВАРЬ БАШКИРСКИХ ТЕРМИНОВ РОДСТВА	103
БИБЛИОГРАФИЯ	117
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	123

72259

Наиль Валеевич Бикбулатов БАШКИРСКАЯ СИСТЕМА РОДСТВА

Утверждено к печати
Институтом истории, языка и литературы
Башкирского филиала АН СССР

Редактор издательства

Л. С. Кручинина

Художник

Е. И. Волков

Художественный редактор

Н. А. Фильчагина

Технические редакторы

И. П. Журикова, Н. Н. Коскина

Корректоры

Е. И. Белоусова, Т. С. Колосов

ИБ № 22184

Сдано в набор 28.04.81

Грассано и печати 04.08.81

Т-22138. Формат 60×90^{1/8}

Бумага книжно-журнальная

Гарнитура обыкновенная номер

Печать высокая

Усл. печ. л. 8. Усл. пр. отт. 8,25. Уч.-изд. л. 8,2

Тираж 4100 экз. Тип. лан. 482

Цена 90 коп.

Издательство «Наука»

117804 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-90, Щубенский пер., 10

В 1982 Г.
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»
ВЫЙДУТ В СВЕТ:

БРОМЛЕЙ Ю. В.
КАШУБА М. С.
БРАК И СЕМЬЯ
У НАРОДОВ ЮГОСЛАВИИ
15 л., 1 р.

Книга является первым историко-этнографическим исследованием, посвященным проблемам брака и семьи у народов Югославии: традиционному и новому в семейно-брачных отношениях многонационального государства. Авторами привлечен богатый фактический материал смежных наук — социологии, демографии, статистики, экономики, а также ценные обследования и полевые наблюдения.

ВОЛКОВА Н. Г.
ДЖАВАХИШВИЛИ Г. Н.
Бытовая культура Грузии
XIX—XX вв.:
традиции и инновации
20 л., 2 р. 50 к.

История народа, его хозяйственные навыки, этические нормы, художественные вкусы находят отражение в традиционной народной культуре. Авторы рассматривают элементы бытовой культуры грузин (жилье, одежда, пища, семейные отношения) по историческим областям Грузии и этнографическим группам грузинского народа (Картли, Казети, Месхет-Джавахети, Имерети, Абхазия, Мегрелия, Гушет, Хевсурети, Пшави, Сванети и т. д.). Книга богато иллюстрирована.

ОБРЯДЫ
И ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР

18 л., 2 р. 30 к.

В книге освещается, как в устной поэзии отражались древнейшие обычаи, различные культы, верования, каково место и значение слова в обрядах разного типа, соотношение слова и действия, особенности их сочетания.

СУХАРЕВА О. А.
ИСТОРИЯ
СРЕДНЕАЗИАТСКОГО КОСТЮМА.
САМАРКАНД
Вторая половина XIX —
первая четверть XX в.
15 л., 1 р. 80 к.

В монографии рассматриваются истории происхождения костюма населения Самарканда, процесс его развития в разных исторических периодах, появления новых его форм, особенно после присоединения Средней Азии к России. Широко привлечен сравнительный материал из других районов Средней Азии. Издание богато иллюстрировано.

Книги можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академиздата», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации без ограничений.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117102 Москва В-192, Магуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академиздата»; 197110 Ленинград В-610, Петропавловская ул. 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академиздата» или в ближайший магазин «Академиздата», имеющий отдел «Книга — почтой».

- 480001 Ашхабад, ул. Фурманова, 91/92
(«Книга — почтой»);
370001 Баку, ул. Деминград, 13;
320001 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24
(«Книга — почтой»);
734001 Душанба, проспект Ленина, 80
(«Книга — почтой»);
330000 Ереван, ул. Туманяна, 11;
664032 Иркутск, ул. Лермонтова, 189;
252000 Киев, ул. Ленина, 42;
282030 Киев, ул. Пирогова, 2;
252142 Киев, проспект Вернадского, 79;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277001 Кишинев, ул. Пирогова, 28 («Книга — почтой»);
242000 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1;
660049 Красноярск, проспект Мира, 84;
442002 Куйбышев, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);
192104 Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57;
199104 Ленинград, Ташкентский пер., 2;
196034 Ленинград, В/О, 8 линия, 16;
220012 Минск, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);
102000 Москва, ул. Горького, 8;
117212 Москва, ул. Вавилова, 56/7;
430070 Новосибирск, Красный проспект, 54;
630000 Новосибирск, Алдеевгорские, Морской проспект 22 («Книга — почтой»);
142292 Пушкино Московской обл., МР «Д», 1;
620161 Свердловск, ул. Мамкина-Сибирова, 117
(«Книга — почтой»);
780028 Ташкент, ул. Ленина, 73;
700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6
(«Книга — почтой»);
424050 Уфа, наб. реки Ушайка, 19;
450050 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42
(«Книга — почтой»);
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).

«АКАДЕМИЗДАТ»

